

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. П. Дегтярев

Военные проблемы
в деятельности
Государственной думы
России

Монография

МОСКВА – 2018

ББК – Х400.621.12

Д 26

Рецензенты:

В. В. Попов, доктор исторических наук, профессор;

Н. М. Белозеров, кандидат исторических наук, доцент

Д 99 Дегтярев, А. П.
Военные проблемы в деятельности Государственной думы России : монография. – М. : ВУ, 2018. – 284 с.

Монография посвящена эволюции рассмотрения в дореволюционной Государственной думе России – нижней палате парламента – актуальных военных проблем в период ее функционирования, от создания до начала революционных событий 1917 г. В ней изложены результаты анализа полномочий и роли Государственной думы в системе высших органов власти при решении военной тематики. Показан вклад парламентских фракций и их политических лидеров в технологию разработки военных законопроектов.

Монография непосредственно адресуется специалистам в области государственного и военного строительства, а также всем тем, кто любит отечественную историю и заботится о национальной безопасности своей страны.

ББК – Х400.621.12

© ВУ, 2018

Оглавление

Историографическое введение	4
А. Первые попытки освещения военных вопросов Думы в печатных органах России	6
Б. Зарождение исследовательской литературы о думской военной проблематике	9
В. Военные аспекты деятельности Государственной думы в воспоминаниях депутатских лидеров и современников	15
Г. Литература советской эпохи по изучаемому вопросу	22
Глава 1. Роль Государственной думы в формировании и реализации оборонной политики России в начале XX века ...	27
1.1. Правовые основы деятельности Думы в области военного строительства	27
1.2. Влияние представительного органа власти на государственные и общественные структуры в решении военных проблем	46
Глава 2. Внешнеполитические и военно-экономические проблемы в деятельности Думы	77
2.1. Проблемы войны и мира в работе думских депутатов	77
2.2. Военно-экономические аспекты оборонной политики России в решениях Думы	102
Глава 3. Основные проблемы развития Вооруженных Сил и степень участия Думы в их решении	130
3.1. Армейские и флотские реформы в думских документах ...	130
3.2. Военные и морские программы в работе представительного органа власти	165
3.3. Государственная дума и состояние армии и флота в годы Первой мировой войны	193
Заключение	208
Список источников и литературы	221
Приложения	233

Историографические введение

Интерес к политической истории, прошлому государственных структур всегда манил исследователей своей масштабностью и возможностью выхода на актуальные аспекты настоящего, желанием познать механизмы, внутренние и внешние стороны функционирования огромных геополитических систем, к которым, естественно, всегда принадлежала и будет принадлежать Россия в ее различные политические периоды – ипостаси времени: прошлом (великокняжеский, царский, императорский, советский эпохи), настоящем (президентский период) и будущем (через политические и социокультурные прогнозы).

Появившийся российский парламент в бурном горниле Первой российской революции органично соединил земское представительство с традиционным для страны словом «Дума» и новые формы европейской политической жизни, потребность решать, по подобию Земских соборов, важнейшие вопросы российской жизни и одновременное стремление властей предрежащих поставить народный глас под полный контроль правительственной бюрократии.

Служилый характер российской государственности всегда неизбежно обуславливал рассмотрение в высших структурах власти вопросов, непосредственно затрагивающих национальную безопасность страны, ее военную составляющую с определением различных аспектов жизнедеятельности Вооруженных сил. Как не противилась самодержавная парадигма государственных порядков, народные избранники с каждым новым созывом все более явственнее обсуждали армейские и флотские вопросы, концентрируя для этого в своих руках финансовые, бюджетные возможности, без чего невозможно было представить реформаторскую тенденцию Вооруженных сил после проигранной русско-японской войны.

Современный парламент Российской Федерации, приобретая определенный опыт за два с половиной десятилетия, по-прежнему нуждается в подпитке исторической практикой с ее нестареющим опытом. Более того, нынешняя геополитическая ситуация вновь начинает в своем раскладе на западных российских границах на-

помянуть реалии последних десятилетий XIX – начала XX в., побуждающие вспомнить слова великого русского писателя Ф. М. Достоевского, пророчески писавшего: «Нам надо всегда знать и помнить и быть убежденным, что в решительных общемировых вопросах Россия, если пожелает сказать свое слово или провести свое мировоззрение самостоятельно, – всегда встретит против себя всю Европу, без исключения, и что в строгом смысле слова – у нас в Европе нет и никогда не будет союзников»¹. Слова непростые и тяжелые, но со временем набравшие в себя конкретное содержание.

Пройдут годы, и российский император Александр III Александрович продолжит позиционный ряд словами, которые дойдут до нас: «Во всем свете у нас только два верных союзника, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»².

Длительное время в силу действия ряда тенденций в советской и эмигрантской историографии дооктябрьского периода специалисты эпизодически обращались к проблематике государственной деятельности, фрагментарно использовались документальные источники (стенографические отчеты заседаний Государственной думы и т. д.). Лишь в последние десятилетия стала системно изучаться документальная база Государственной думы, Государственного совета, в том числе по военной тематике, материалы Совета министров, ведомственных органов власти³. Но о сущностных основах постсоветского взгляда на парламентское видение решения военных вопросов будет сказано в отдельном историческом анализе.

¹ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1876–1877 гг. // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 24. 1982. С. 270.

² Цит. по: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 57 ; Боханов А. Н. Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. М., 2005. С. 319.

³ См.: Дегтярев А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России (1906–1917): исторический опыт и уроки : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996 ; Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 2006 и др.

А. Первые попытки освещения военных вопросов Думы в печатных органах России

Созыв Государственной думы в апреле 1906 г. явился реальным способом разрешения противоречий в государственном устройстве России, обострившихся в ходе революционного движения в стране. Многие представители российского общества связывали с деятельностью Думы свои надежды на повышение военной мощи государства, реорганизацию армии и флота после поражения в русско-японской войне.

В борьбе за реформы армии часть патриотически настроенных офицеров предприняла попытку пропаганды своих взглядов, используя средства массовой информации. В конце 1905 г. группа военных образовала на свои средства «частную и независимую» газету «Военный голос», выходящую с 1 января по 5 сентября 1906 г. По своим идеям газета была близка к либеральной позиции. В первом же номере было опубликовано заявление, из которого следовало, что армия должна претерпеть реорганизацию в соответствии с принципами, провозглашенными царским Манифестом от 17 октября 1905 г.¹ С газетой сотрудничали представители науки, видные военные публицисты. Ее издатели старались освещать альтернативные официальной точке зрения взгляды, поскольку, по свидетельству В. Г. Федорова, были убеждены, что сколько-нибудь серьезная критика армейских порядков на страницах ведомственной военной газеты «Русский инвалид» невозможна².

В 1906 г., накануне открытия I Государственной думы, в редакции газеты вышел в свет сборник статей под общим названием «Военная реформа». В преамбуле сборника отмечалось, что правительственная бюрократия стремится поставить военное дело вне общественного влияния. На деле же, без соприкосновения с живой мыслью и независимым контролем избранных народа

¹ См.: Военный голос. 1906. 1 января.

² См.: Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох. М., 1939. Ч. 1. С. 7.

нельзя ждать обновления нашей военной силы, как и всех других сторон русской жизни¹.

Стремясь донести до представителей русского народа правду о нуждах армии и флота и желая, чтобы парламентарии прислушались к их голосу, авторы рассматривали в сборнике проблемы международного положения России и строительства вооруженных сил, принятия Конституции и преобразования военного законодательства, реорганизации высшего военного управления, улучшения боевой подготовки войск, оптимизации военного бюджета и т. д.

В сборнике был выдвинут ряд радикальных предложений, касавшихся реформирования армии и флота, изменения системы их взаимоотношений с государственной властью. В ряде статей отчетливо просматривались требования контроля за деятельностью военного ведомства со стороны членов парламента в вопросах общегосударственного законодательства, установления персональной ответственности военного министра перед Думой и включения его в состав подотчетного народным представителям Совета министров.

Специфическая же сфера жизни и функционирования армии — ее боевая подготовка и боевая деятельность, по мнению этих же авторов, должна быть неприкосновенной сферой воздействия и контроля со стороны монарха, как «верховного вождя армии»².

Вместе с тем, в сборнике весьма проблематичными выглядели бюджетные права Думы. В предложенных вариантах исполнительная власть фактически получала неограниченную возможность управления государством и даже ведения какой угодно войны, не считаясь с мнением представительного органа. Анализируя своеобразие государственного устройства Англии и Франции, составители сборника показали механизм решения бюджетных вопросов армии и флота в согласии с парламентами, без ущерба вооруженным силам, с большим или меньшим участием правящей бюрократии.

¹ См.: Военная реформа : сборник статей. СПб., 1906. С. 1.

² См. там же. С. 11.

Независимая оппозиционная газета «Военный голос» просуществовала недолго. С отступлением революции правительство сочло недопустимым критику армейских порядков в легальной печати и газету закрыли¹. Вместе с тем, статьи, опубликованные в «Военном голосе», и ряд отдельных брошюр и книг, изданных его редакцией («Военная реформа», «Думы после войны» и др.) и сегодня вызывают большой научный и практический интерес с точки зрения изучения мнений, которые складывались в армейской среде о высшем законодательном органе власти.

Вышеназванные публикации дают возможность яснее представить обстановку, в которой работала I Государственная дума, и понять причины, побудившие самодержавие ее распустить. Изученный массив литературы позволяет утверждать, что легальная подцензурная и антиправительственная печать включала значительные материалы по вопросам думской деятельности. Некоторые из них касались и военных аспектов парламентской работы. При этом в освещении последних определилось три основных направления. Монархисты призывали Думу поддержать меры правительства по усилению вооруженных сил и введению «драконовской» дисциплины, жестокой расправе над бунтующими солдатами и матросами. Более того, некоторые авторы считали, что Дума парализовала законодательную деятельность государства, и выступали сторонниками неограниченной власти царя. Так, А. П. Липранди (А. Вольнец), по своим взглядам убежденный монархист, утверждал в 1910 г., что за пять лет своего существования Дума не утвердила ни одного закона для народа и таким образом сама низвела себя на уровень законосовещательного учреждения. По его мнению, Дума не успевала за жизнедеятельностью страны, повязла в говорильне и единственная «великая реформа», которую она осуществила – назначение жалования депутатам в двойном размере против установленного

¹ См.: Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох. М., 1939. Ч. 1. С. 14.

Основными законами 1906 г. «суточного довольствия»¹. Парламентаризм, считал Липранди, несовместим с психологией и политическим мировоззрением русского народа, который никогда не примет ограничения царской власти².

В изданиях, занимавших крайние левые позиции, на опыте революции 1905–1907 гг. выдвигались требования перехода армии на сторону народа и активного использования революционерами думской трибуны для пропаганды своих позиций³.

Большинство же авторов верили в возможности Думы, желали видеть в государстве сильную современную армию, стоящую вне политики, способную надежно отстоять интересы России.

При всех различиях во взглядах, встречавшихся в то время в легальной печати, одно в них было общим и совпадало с мнением основной части членов Государственной думы – армия должна остаться в руках ее «державного вождя» (т. е. императора). В этом не было разногласий в позициях различных авторов от левых кадетов до крайних монархистов. Таким образом, вследствие того, что первые две Думы просуществовали недолго и крупные военные вопросы конкретно в ходе их работы не рассматривались, все написанное гражданскими и военными авторами носило скорее ожидаемый рекомендательный характер.

Б. Зарождение исследовательской литературы о думской военной проблематике

С 1908 г. начинается плодотворный период работы российского парламента. Новое Положение о выборах от 3 июня 1907 г. позволило сформировать третий состав Государственной думы, подавляющее большинство которого было настроено на кропотливую работу по реформированию различных сторон государствен-

¹ См.: *Липранди А. П.* Возможен ли в России парламентаризм? Харьков, 1910. С. 9.

² См.: *Липранди А. П.* Указ. соч. С. 4.

³ См.: *Ленин В. И.* Армия и народ // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1972. Т. 13. С. 282–284.

ной и общественной жизни в тесном сотрудничестве со столыпинским правительством. Военный вопрос стал одним из основных в думской деятельности. Среди многочисленных комиссий нижней палаты российского парламента была создана комиссия по государственной обороне. Именно с этого периода появляется солидная общественно-политическая и юридическая литература (а в дальнейшем – и исследовательская) по думской проблематике. С работой III Государственной думы многие авторы соединяли свои надежды на практическое разрешение злободневных вопросов, связанных с объединением Военного министерства, увеличением материальных запасов армии, ускорением процесса перевооружения армии и флота, улучшением социального положения офицеров и нижних чинов. В 1908 г. Д. Парский в книге «Что нужно нашей армии?» писал о том, какой должна быть роль Думы в деле осуществления военной реформы. В частности, он утверждал, что в силу специфики своей деятельности Дума способна влиять лишь на решение наиболее общих вопросов военного строительства. Среди них он отмечал:

а) исполнение населением воинской повинности и практическое оказание помощи военному ведомству в деле подготовки к войне «в общегосударственном отношении»;

б) защита прав военнослужащих и борьба со злоупотреблениями и казнокрадством в военном деле;

в) содействие гражданских властей армейским частям и подразделениям в обеспечении их стрельбищами и местами для лагерей;

г) контроль за состоянием учебно-воспитательного процесса в военных учебных заведениях;

д) «нравственная поддержка» военного ведомства в проведении реформы¹.

Вместе с тем, Парский подчеркивал, что было бы странным возлагать все надежды только на Государственную думу, поскольку этот орган власти не обладает должными полномочиями и необходимой компетенцией в решении всех вопросов, касающихся армии. «Самое важное – излишнее вмешательство Думы в

¹ См.: Парский Д. Что нужно нашей армии? СПб., 1908. С. 56.

этом отношении не доведет к добру, а только грозит внести в армию нежелательный дух партийности и политиканства. Горе той армии, которая не сумеет найти в себе достаточных сил для своего реформирования и будет искать их вне своей среды»¹ – заключал свои рассуждения Д. Парский.

Контр-адмирал В. К. Залесский, обобщая итоги работы первых двух Государственных дум отмечал, что «Россия до сего времени государство по преимуществу военное и потому делается непонятным отсутствие военного элемента в них (Думах – А. Д.) и фактическое исключение военного и морского дела в программах политических партий»². Он утверждал, что в парламентах западных стран представлено значительное число военных и морских офицеров, многие из которых специально оставили службу для выполнения задач народного избранника, в то время как у нас в первой и второй Думах решение военных вопросов оказалось в руках запасных унтер-офицеров и отставных солдат, а морские вопросы обсуждались присяжными поверенными³.

Некомплект молодых офицеров в армии, и в то же время избыток начальствующих лиц и штабных должностей, недостаточность обучения стрельбе в войсках, подавление личности в казарме – вот те большие вопросы, с которыми, по мнению Залесского, придется вплотную столкнуться депутатам III Государственной думы в процессе осуществления военных преобразований. Не с пуговиц, киверов и барабанов, подчеркивал Залесский, следует начинать дело реорганизации армии, а с восстановления «духовной силы и мощи военного сословия». Пока не выяснены причины, повлекшие разгром наших вооруженных сил в русско-японской войне, нельзя считать устраненными эти большие вопросы и новые колоссальные затраты окажутся не застрахованными от повторения подобного и впредь⁴.

¹ Парский Д. Что нужно нашей армии? СПб., 1908. С. 58.

² Залесский В. К. По поводу военных и морских вопросов перед выборами в III Государственную думу. СПб., 1907. С. 5.

³ См. там же. С. 7.

⁴ См. там же. С. 8.

Взгляды контр-адмирала В. К. Залесского отражали не только мнения широкой российской общественности, но и многих фракций Государственной думы. Это проявилось в бурных дебатах, развернувшихся в представительном органе власти, и принципиальной позиции председателя комиссии по государственной обороне Думы А. И. Гучкова и его коллег – членов комиссии в решении военных и военно-морских дел.

Из общего числа работ в дореволюционной России, наиболее полно освещавших военную проблематику Думы, следует отметить книгу Ближнего¹ «Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1908–1909 гг. по государственной обороне». Заслуга данного автора, пытавшегося дать объективную картину состояния вооруженных сил, состоит в том, что он проанализировал решения депутатов по военным вопросам на основе стенографических отчетов заседаний нижней палаты парламента. При этом Ближний явно придерживался точки зрения октябристов и их лидера А. И. Гучкова.

В своей работе Ближний отмечал большую щедрость, с которой относилась Дума к ассигнованию «... всяких средств на развитие армии и флота, содержание офицерам, и главным образом, на помощь строевому элементу, что говорит о полнейшем желании идти навстречу нуждам Вооруженных Сил»². Причем Дума учитывала не только пожелания военного ведомства, но и сама указывала его руководителям на необходимость дополнительных финансовых ассигнований. «Пример (этот – А. Д.) небывалый в истории парламентаризма, – отмечал в своем исследовании Ближний, – но пример для нашего Отечества отрядный»³.

Особое место в книге автор отводит рассмотренным Думой вопросам организации деятельности Военного министерства, и в первую очередь, Генерального штаба; улучшения качества командного состава армии, предотвращения случаев «розни и протекции» в

¹ Псевдоним, фамилия неизвестна. – А. Д.

² *Ближний*. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1908–1909 гг. по государственной обороне. СПб., 1910. С. 134.

³ *Ближний*. Указ соч. С. 135.

офицерской среде; подготовки инженерных и артиллерийских войск к стратегической обороне; упорядочения войскового хозяйства; улучшения пенсионного обеспечения нижних чинов.

Отмечая работу бюджетной комиссии и комиссии по государственной обороне, Ближний обращал внимание читателя на то, что Дума очень увлекается мелочами и упускает из вида серьезные вопросы жизни и деятельности войск. Частые расхождения во мнениях между членами комиссий мешали принятию решений Думой по вполне рациональным и конструктивным предложениям. В этом было повинно, по его мнению, и Военное министерство, которое не только обременяло комиссии недостаточно значимыми законопроектами, но и многие из них вносило недоработанными. В результате депутатам достаточно часто приходилось выполнять не свойственную для них черновую работу с документами, подменяя военное ведомство¹.

В исследуемый период военные вопросы думской деятельности отражали на страницах своих работ А. М. Волгин², М. Д. Бонч-Бруевич. Последний, в частности, активно выступал против требования некоторых депутатов Государственной думы превратить армию в школу грамотности, объясняя это тем, что «армия сама едва справляется со своими прямыми обязанностями по причине трудности военно-воспитательного дела и вследствие сроков службы под знаменами». «Гораздо справедливее было бы, – подчеркивал в своей книге Бонч-Бруевич, – подумать о введении общеобразовательного обучения грамоте молодых поколений до призыва их в ряды армии. А в армии предоставлять право развивать занятия грамоте лишь постольку, поскольку она непосредственно необходима для специального военного дела»³. Примечательным является то, что один из экземпляров книги автор с памятной надписью подарил помощнику военного министра А. А. Поливанову, который работал в тесном контакте с депутатами.

¹ См.: *Ближний*. Указ. соч. С. 89.

² См.: *Волгин А. М.* Об армии. СПб., 1908.

³ *Бонч-Бруевич М. Д.* Армейские дела и делишки : сборник статей. Киев, 1911. С. 83–84.

Плодотворная законодательная деятельность III Государственной думы сопровождалась изданием книг и брошюр, отражавших позиции различных фракций в нижней палате парламента¹. В частности, широкую известность получили регулярные отчеты кадетской фракции о своей работе. Они публиковались в открытой печати и освещали тактику кадетских думских представителей в решении военных вопросов².

С началом Первой мировой войны произошло объединение усилий депутатского корпуса и правительственных кругов на основе позиций «оборончества». Это не могло не отразиться на содержании исследовательской литературы по изучаемой проблематике.

Видный экономист и общественный деятель Н. Н. Суханов в работе «Наши левые группы и война» показал эволюцию процесса формирования и углубления идеологии войны – от июльского заседания Думы 1914 г. до второй «военной» сессии в январе 1915 г. На последней, считал Суханов, председатель нижней палаты российского парламента М. В. Родзянко сформулировал в отношении войны основную думскую позицию, вокруг которой и объединилось большинство фракций³.

Военные поражения, придворные интриги, неспособность правительства справиться со стоявшими перед ним задачами, противоречия, с которыми сталкивалась Дума, предопределили появление целого ряда критических работ, авторами которых были представители общественности. Так, Н. В. Устрялов в работе «Революция и война», отмечая «всемирный характер великой войны», утверждал, что власть не отказалась ни от «старых идей, ни от старых привычек». Не было сделано ни одного шага по пути реального сближения с народным представительством и прогрессивно мыслящими людь-

¹ См.: *Юрский Г.* Правые в третьей Государственной думе. Харьков, 1912; *Националисты в третьей Государственной думе.* СПб., 1912; *Милуков П. Н.* Третья Государственная дума и деятельность в ней фракции Народной свободы. СПб., 1909.

² См.: Третья Государственная дума. Сессии 1–4. Отчеты фракции Народной свободы. СПб., 1908–1913.

³ См.: *Суханов Н. Н.* Наши левые группы и война. Пг., 1915. С. 13.

ми страны. Их патриотическая тревога и попытки Государственной думы изменить систему управления страной и обществом в годы войны не дали результатов. С его точки зрения, «правительство убило государство», позорно проиграв войну, а сама война «...окончательно доказала всем негодность старого порядка»¹.

Подведем итоги. Активная деятельность III и IV Государственных дум (1908–1917 гг.) и вызванные ею надежды значительной части российского общества на рост военного могущества страны, существенные изменения в общественных настроениях в последние предреволюционные годы позволили увеличить число изданий о думской военной тематике. Однако формирование историографического облика Думы происходило без фундаментального анализа авторскими кругами важнейших сторон думской деятельности в области обороны, в технократическом стиле и пылу политической полемики. Этому во многом способствовала и закрытость документов Думы по военным делам от исследовательской аудитории.

В. Военные аспекты деятельности Государственной думы в воспоминаниях депутатских лидеров и современников

Значительный интерес в историографии темы представляют позиции непосредственных участников думского процесса в стенах Таврического дворца, а также крупных политических и военных деятелей, олицетворявших государственную политику России.

Часть мемуарной литературы появилась еще в дореволюционный период, но большинство изданий – в эмиграционные 20–30-е гг. Из этого исторического массива особого внимания заслуживают воспоминания председателя Государственной думы третьего и четвертого созывов М. В. Родзянко; руководителя кадетской фракции П. Н. Милюкова; националиста В. В. Шульгина; основателя русской авиации, историка и библиофила великого князя Алек-

¹ См.: Устрялов Н. В. Революция и война. Пг., 1917. С. 9–13.

сандра Михайловича Романова; товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова; военачальников А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, А. А. Поливанова, В. А. Сухомлинова. Оценка деятельности Государственной думы мы также можем найти в работах В. Н. Коковцова, С. П. Мансырева, В. А. Маклакова¹. Это были люди разных мировоззрений, политических сил и лагерей. В связи с этим каждый из них имел свои идеалы, собственное понимание событий истории.

На сохранившихся в эмиграции официальных и личных документах основаны, например, написанные ярким языком, воспоминания М. В. Родзянко. В то же время их тщательный анализ показывает, что автор в некоторых случаях был подвержен распространенным в тот период слухам, которые не всегда объективно отражали реальное положение дел.

Несмотря на это, для исследования рассматриваемой темы важны те положения из работы Родзянко, где дается развернутая характеристика противоречий, существовавших между Думой и правительством. Наиболее наглядно они проявились в конфликте по вопросу о привлечении общественных сил (в первую очередь – буржуазии) к обороне страны в годы Первой мировой войны. Родзянко писал, что резкое улучшение снабжения армии произошло лишь тогда, когда в реализацию процесса вооружения вмешались члены Думы, но правительство сразу стало им мешать, «создавая свои конспиративные совещания»². Война, считал Родзянко, показала и примеры плодотворного сотрудничества отдельных министров с Государственной думой. Среди них – А. А. Поливанов, И. К. Григорович.

В мемуарах Родзянко выделял активную роль Думы в осуществлении отпора, данного последней военному министру В. А. Сухомлинову по поводу незаконного изменения Устава Военно-ме-

¹ См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. : в 2 кн. М., 1992 ; *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе // *Историк и современник* : в 2 т. Берлин, 1922 ; *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России : в 3 кн. Париж, 1936.

² См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 151.

дицинской академии, а также в случае с покупкой у заводов Армстронга и Веккерса двух морских дредноутов.

Родзянко, пожалуй, один из немногих деятелей эмиграции, оставивших после себя воспоминания о ходе рассмотрения российским парламентом законопроектов о начале создания отечественной авиации. Добавим и то, что он дает нелестную характеристику великому князю Александру Михайловичу, с именем которого связывал злоупотребления в покупке аэропланов за границей¹.

Особый интерес в изучении процесса влияния членов Государственной думы на развитие военно-политической обстановки накануне и в ходе Первой мировой войны, формирование приоритетов российской внешней политики, определявших стратегию использования вооруженных сил, представляют «Воспоминания» лидера кадетской партии, ученого-историка П. Н. Милюкова. Для понимания своеобразия деятельности Думы в военной области важно утверждение Милюкова о том, что в период председательствования в комиссии по государственной обороне А. И. Гучкова левые фракции были сознательно отстранены от решения военных вопросов под предлогом сохранения военной тайны².

«Воспоминания» Милюкова свидетельствуют также и о том, что несмотря на активную, а порой шумную деятельность кадетов по разработке вопросов оборонной политики, конституционные демократы так и не смогли выработать самостоятельную конструктивную линию своей фракции в военной области в период функционирования Думы.

Различные аспекты взаимодействия представительного органа власти с офицерскими и солдатскими массами, окружением царя показаны В. В. Шульгиным. В своей книге он убедительно доказал катастрофичность предреволюционных лет, определившуюся бездарностью членов правительства, бессилием Думы в разрешении противоречий, накопившихся в обществе, ухудшением положения дел на фронте³.

¹ См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи. С. 174.

² См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 241.

³ См.: *Шульгин.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Активным сторонником монархии предстает перед исследователями великий князь Александр Михайлович. Он считал, что в 1905 г. царь согласился разделить свою власть с «бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов», что привело в конечном итоге к концу правления Романовых.

В резких тонах Александр Михайлович отзывался о Государственной думе, с трибуны которой «была оскорблена русская армия»¹. Члены Думы, по утверждению великого князя, лишь слушали сплетни клеветников и посещали фронт не в целях выяснения его нужд, а для установления контактов с командующими армиями и разложения последних².

Преувеличенное самомнение, приукрашивание различных сторон самодержавной власти не помешали Александру Михайловичу довольно-таки реалистично описать процесс зарождения российской авиации и ее роль в ходе Первой мировой войны³.

Во многом схоже описывал деятельность Думы и бывший товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов. С его точки зрения, нельзя себе представить, чтобы династия Романовых, возродившая Россию после Смутного времени и возвысившая ее за триста лет до положения великой державы, с которой считался весь мир, могла пасть так неожиданно, без предшествующих этому падению многочисленных обстоятельств и их причин. Среди них он отмечал и «паразитирование» на патриотизме русского народа в годы войны со стороны Государственной думы и других общественных организаций – Особого совещания по обороне и Центрального военно-промышленного комитета, возглавляемых М. В. Родзянко и А. И. Гучковым⁴. Характеризуя боевые действия, Курлов полностью оправдывал военного министра В. А. Сухомлинова, отстра-

¹ *Великий князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 156.

² См. там же. С. 214.

³ См. там же. С. 191–194, 211–212, 225–227.

⁴ См.: *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 33, 184–185.

ненного в 1915 г. от должности, писал о допущенной по отношению к нему жестокости и о том, что реформы, проведенные этим министром, выдержали «блестящую проверку» в годы войны¹.

В отличие от взглядов перечисленных авторов многие деятели России положительно оценивали факт существования Думы, как начало легальной борьбы за утверждение подлинного народоправия.

Генерал А. И. Деникин в книге «Путь русского офицера», поднимая проблему защиты чести и достоинства армии, вместе с тем отмечал, что аудитория первых двух Дум не раз использовалась для публичного оскорбления Вооруженных сил и подрыва в них дисциплины². Деникин подчеркивал, что для последующего думского периода было характерно повышение внимания парламента к интересам армии. Причем, информирование членов представительного органа власти о военных проблемах, по его мнению, шло двумя путями – официальными докладами военного и морского ведомств и частным путем.

Представляет определенный интерес описание Деникиным деятельности созданного по инициативе А. И. Гучкова и генерала В. И. Гурко военного кружка из лиц, занимавших ответственные должности в военном ведомстве, которые работали в тесном контакте с Думой. На совместных с членами парламента заседаниях кружка обсуждались вопросы военного строительства и проекты законов, подлежащие вынесению на рассмотрение Думы³.

Довольно обстоятельно Деникин анализировал причины неготовности России к мировой войне и отсталости в материальном снабжении армии. В частности, он указывал, что из-за инертности, бюрократической волокиты, межведомственных барьеров в высших эшелонах власти и бездарности военного министра Сухомятина «Большая программа усиления армии» была принята Думой и утверждена царем лишь в 1914 г. Этим и объясняется то,

¹ См.: Курлов П. Г. Указ. соч. С. 193, 197.

² См.: Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 186.

³ См.: Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 193.

что перед войной ничего существенного из данной программы осуществить не удалось, хотя Государственная дума кредиты на военные нужды отпускала широко¹.

Вопросу взаимоотношений высших органов государственной власти и армии в 1917 г. посвящены отдельные эпизоды воспоминаний П. Н. Врангеля². Н. Н. Головин описывал падение моральной дисциплины в войсках в предреволюционный период и негативную роль в этом деле депутатов – руководителей Думы³.

Ценными историческими источниками являются воспоминания помощника военного министра (1906–1912 гг.), а затем военного министра (июнь 1915 – март 1916 гг.) А. А. Поливанова и военного министра (1909–1915 гг.) В. А. Сухомлинова. Во время их руководства военным ведомством прошли основные реформы в армии и на флоте. Да и сама должность помощника военного министра была введена для «...облегчения Военному министру возможности справляться со своими сложными обязанностями при новом строе, требовавшем участия главы ведомства в заседаниях объединенного правительства и в заседаниях Государственной думы и Совета (а равно и в комиссиях при них)»⁴.

Поливанов дает характеристику динамике и механизма взаимодействия Думы с Военным и Морским министерствами. Анализ содержания публикаций тех лет позволяет считать его рассуждения и выводы достаточно объективными. Генерал, пользовавшийся большим авторитетом в думских кругах, будучи на посту военного министра, с помощью общественных кругов сумел наладить снабжение воюющей армии. Вместе с тем, по нашему мнению, он

¹ См.: Деникин А. И. Указ. соч. С. 235.

² См.: Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. М., 1992. Ч. 1. С. 26.

³ См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Ход войны и настроения армии и тыла в кампаниях 1914–1916 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 52–59.

⁴ Цит. по: Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности Военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 125.

был явно несправедливо обвинен великим князем Михаилом Павловичем в тесных кругах с «черносотенной кликой»¹.

Воспоминания А. А. Поливанова ценны еще и тем, что в них эпизоды думской деятельности, работа бюджетной и военной комиссий, ход военной реформы за период с 1907 по 1914 г. даются буквально по дням. По мнению Поливанова, Дума ни в чем не отказывала армии и флоту², шла навстречу военному и военно-морскому ведомствам при обсуждении проблем обороны – сухопутных и морских программ, реорганизации армии, призыва новобранцев (призывников) и т. д. Значительное место в своей книге Поливанов отвел внедумской работе депутатов, занимавшихся военными вопросами. В отдельные периоды им удавалось наладить тесные контакты с Военным и Морским министерствами, в первую очередь, по вопросам разумного и взаимоприемлемого расходования бюджетных средств.

На страницах воспоминаний другого военного министра – В. А. Сухомлинова особое внимание уделено склокам и интригам в эшелонах высшей государственной власти. Причем, отстаивая свои позиции, Сухомлинов сделал личными врагами всех своих оппонентов, в том числе и депутатов. По его мнению, Государственная дума до 1909 г. ничего существенного не сделала для повышения обороноспособности страны и лишь его приход к руководству военным ведомством позволил активизировать проработку военных вопросов в представительном высшем органе власти³.

Таким образом, мемуарная литература, представленная разработками депутатских лидеров, государственных, в том числе военных, политических деятелей дореволюционной России, позволила определенным образом расширить массив изданий, отражавших военно-думскую тематику. Вместе с тем, военные вопросы по-преж-

¹ Это обвинение было выдвинуто, как ни странно, в предисловии к посмертно вышедшей книге А. А. Поливанова (См.: *Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности Военного министра и его помощника 1907–1916 гг.* М., 1924. Т. 1. С. 5).

² См.: *Поливанов А. А.* Указ. соч. С. 129–130.

³ См.: Воспоминания Сухомлинова. М.–Л., 1926. С. 137–139.

нему оставались лишь фрагментами в авторском изучении непосредственных процессов парламентской деятельности. Острый дефицит многих необходимых источников у мемуаристов, схематичность представленного ими материала, отсутствие комплексного анализа проблем, политизированность авторских позиций позволили изучаемой нами проблематике оставаться лишь в числе малопривлекательных второстепенных тем отечественной истории.

Г. Литература советской эпохи по изучаемому вопросу

Исследование думской проблематики было осложнено идеологическими приоритетами данного времени, на которые были вынуждены ориентироваться исследователи. Характерно, что до второй половины 50-х гг. не были изданы документальные источники по данной теме. Не привлекла внимания деятельность Государственной думы даже в историографических работах по истории советского (российского) общества¹. В целом, этот период имеет следующие *особенности*.

1. *Сама советская историческая школа исходила из новых, классовых принципов и подходов, направленных на осуждение государственной политики императорской России*. И в этом деле для нее большим подспорьем была литература, вышедшая из-под пера большевистских лидеров революционной поры. Депутат Государственной думы А. Е. Бадаев рассматривал борьбу большевиков против гонки вооружений и милитаризации страны в IV Государственной думе². Безуспешные попытки Временного комитета Государственной думы сплотить вокруг себя армейские массы мы находим на страницах воспоминаний А. Г. Шляпникова³.

¹ См.: Историография истории СССР (дооктябрьский период). М., 1971 ; Историография истории СССР (эпоха социализма). М., 1982.

² См.: *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М.–Л., 1930.

³ См.: *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992.

2. В двадцатые годы появились первые монографии, посвященные исследованию развития Вооруженных сил России накануне мировой войны, в которых авторы, пусть и эпизодически, старались проследить и эволюцию государственных органов власти в этой области¹.

3. В тридцатые годы резко снизилось качество работ по рассматриваемой нами проблематике. Кроме причин политического, идейного характера, это произошло и потому, что многие важнейшие фонды архивохранилищ оказались труднодоступными (и часто – просто недоступными) для исследователей. Зато появилась масса конъюнктурных работ, выполнявших волю идеологических институтов².

Вместе с тем, историки и в то время продолжали творческий поиск, накапливали и анализировали ценный документальный материал. Проводились локальные исследования³.

Некоторый прогресс в исследовательской проблеме наблюдался в *сороковые годы*. Связан он был с выходом известных статей А. Л. Сидорова по периоду Первой мировой войны, в которых историк остановился на деятельности правительства и Государственной думы по привлечению сил буржуазной общественности к решению оборонных вопросов⁴.

Наряду с работами Сидорова, интерес представляет и неопубликованная кандидатская диссертация Е. Ф. Никитина⁵. Заслуга автора заключалась в том, что он впервые в советской историо-

¹ См.: Барсуков Е. З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926 ; Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926.

² См.: Баррандов Г. Столыпинская реакция. М., 1938 ; Городецкий С. Столыпинская реакция. М., 1940.

³ См.: Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). М., 1938.

⁴ См.: Сидоров А. Л. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915–1916 годах // Исторический журнал. 1944. Кн. 10–11. С. 37–58.

⁵ См.: Никитин Е. Ф. Русская армия накануне первой мировой империалистической войны : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1949.

графической практике занялся исследованием процесса выработки военных программ царской России.

В целом, проанализированные работы советских историков данного периода весьма разнообразны по тематическим направлениям научных поисков. Однако они не исследовали проблемы «Государственная дума – военные вопросы» в прямой постановке. Узкий профессиональный подход ученых не подкреплялся изучением значительного количества архивов, в первую очередь, связанных с областью деятельности высших государственных эшелонов власти в вопросах обороны.

Следующий период – с середины 50-х до конца 80-х годов. Он неразрывно связан с определенным подъемом советской исторической науки. Однако идеологические постулаты по-прежнему продолжали довлеть над творчеством ученых, объектом исследованием которых стала политическая история императорской России.

А. Я. Аврех¹, Е. Д. Черменский², В. С. Дякин³, Э. Н. Бурджалов⁴ положили начало новому направлению в советской историографии – исследованию политической истории императорской России и ее эволюции в органической связи с политикой либеральных и консервативных партий в 1905–1917 гг. Но изучение ими истории Государственной думы не было связано прямо с проработкой военно-политических проблем. Исключение составила статья А. Я. Авреха «Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе»⁵, которая с определенными изменениями вошла в его книгу «П. А. Столыпин и судьбы реформ в Рос-

¹ См.: *Аврех А. Я.* Столыпин и III Дума. М., 1968.

² См.: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

³ См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 1967.

⁴ См.: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

⁵ См.: *Аврех А. Я.* Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 21–33.

сии». Аврех полагал, что «помещичье-буржуазный лагерь в Думе придавал исключительно важное значение военному вопросу». Рассмотрев целый ряд думских баталей, он, в конечном итоге, связал их с «провалом попыток реформ» в области военного дела¹. Е. Д. Черменский исходил из существования, пусть и куцей, но конституции в России. Император, в сущности, по его мнению, отказался от двух важнейших прерогатив – неограниченного права законодательства и автономного распоряжения государственным бюджетом. При этом Черменский напоминал слова В. И. Ленина о том, что «фактически известная зависимость правительства от утверждения бюджета Думой существует»². Это очень важное напоминание, так как в своей работе «IV Государственная дума и свержение царизма в России» он полностью базировался на нем, говоря, в отличие от своих коллег – шестидесятников, о более осязаемой роли Думы в государственной, в том числе и военной политике, нежелании часто многих министров идти на обострение отношений с ней³.

Как свидетельствует анализ, ученые, занимавшиеся исследованием политического курса императорской России и специально историей Думы, оставили в стороне процессы милитаризации, гонки вооружений в стране, передоверив их подробное изучение другим специалистам, а военные вопросы ими были рассмотрены поверхностно, как простые факты думской деятельности. Остались неиспользованными военные документы, военные и морские архивы. Этими научными направлениями долгое время занимался К. Ф. Шаццлло. Большой научный интерес представляют его работы по истории подготовки Вооруженных сил и отдельно флота к Первой мировой войне, в определенной взаимосвязи с деятельностью высших органов власти (в том числе и Думы).

¹ См.: *Аврех А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1990. С. 62–74.

² *Ленин В. И.* Дума и утверждение бюджета // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1972. Т. 15. С. 163.

³ См.: *Черменский Е. Д.* Указ. соч. С. 24.

Что нового по исследуемым нами проблемам внес Шацилло?

Во-первых, в отличие от предыдущих историков, он показал более существенную роль Думы в решении оборонных вопросов в довоенный период.

Во-вторых, широко используя материалы военных и морских архивов Шацилло впервые глубоко проанализировал динамику рассмотрения представительным органом власти военных и морских программ.

В-третьих, принятие программ Думой автор непосредственно связал с усилением гонки вооружений в России.

В-четвертых, ученый показал отношение основных партий и их фракций в нижней палате парламента к развитию Вооруженных сил, суть разногласий между фракциями, правительством и Думой¹.

Четвертый период (современный) – с начала 90-х гг. по настоящее время. Он станет объектом отдельного исследования автора.

В результате накопленный исторический массив позволил появиться, в условиях изменений в государственных устоях и разнообразия научного поиска, непосредственному исследовательскому полю в отношении изучаемой проблематики.

¹ См.: *Шацилло К. Ф.* Россия перед Первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М., 1974 ; *Его же.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. 1906–1914. М., 1968 ; Развитие вооруженных сил России накануне первой мировой войны : дис. ... докт. ист. наук. М., 1968 и пр.

Глава 1. Роль Государственной думы в формировании и реализации оборонной политики России в начале XX века

1.1. Правовые основы деятельности Думы в области военного строительства

Работа дореволюционной Государственной думы совпала с периодом существенных изменений в государственном устройстве России.

Ранее в лице самодержавного монарха сосредоточивалась вся законодательная власть в стране и вся власть управления Вооруженными силами. С юридической точки зрения он осуществлял ее единолично, безраздельно и неограниченно.

Все повеления, исходившие от абсолютного монарха, независимо от их содержания и значения, имели одинаковую силу, силу закона. А имевшиеся коллегиальные органы в структуре высшего военного управления носили лишь законосовещательный характер.

С 1905 г. страна стала постепенно переходить от абсолютистских форм правления к становлению основ конституционной монархии и более цивилизованных образований и отношений в политическом устройстве и общественной жизни. И хотя это лишь с большим трудом признавалось и тут же оспаривалось законодательными положениями (законы во многом оставались рутинными – императору принадлежала верховная самодержавная власть¹) и заявлениями первых лиц Российского государства, вместе с тем действительность отчетливо доказывала буржуазную эволюцию России. Потребности страны требовали все новых изменений, в том числе и в области государственного обеспечения вооруженной защиты страны.

¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906. С. 3.

На наш взгляд, важнейшими причинами отказа царя от неограниченного права законодательства, явились:

во-первых, глубочайшие социально-экономические и национальные противоречия в государстве;

во-вторых, кризис самодержавной власти и рост революционного и оппозиционного движения;

в-третьих, необходимость укрепления внешнеполитических позиций царизма с опорой на парламентаризм в обстановке усиления межгосударственных разногласий;

в-четвертых, тяжелое поражение России в русско-японской войне и острая потребность существенных изменений в армии и на флоте;

в-пятых, взгляды передовой части государственных и общественных представителей власти и общества;

в-шестых, крах идеи и организационных действий, связанных с попыткой созыва законосовещательной Булыгинской Думы¹.

Во второй половине 1905 г. опубликованы ряд манифестов императора, в которых были определены законодательная роль, права и обязанности нового государственного органа власти – Государственной думы. По Манифесту от 6 августа 1905 г. Дума получила право «предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений и рассмотрения государственной росписи государственных доходов и расходов»². В новом «Высочайшем» Манифесте – 17 октября 1905 г. – эти права значительно расширились. Никакой закон не мог получить силу без одобрения Государственной думы. «Выборным от народа» обеспечивалась возможность «действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных... властей»³.

¹ Появление и расширение сфер действия вышеназванных причин обусловили обострение военных проблем и необходимость их разрешения депутатским корпусом Думы – авт.

² Савич Г. Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 22.

³ См. там же. С. 25.

Таким образом, Дума становилась высшим законодательным учреждением Российского государства, получив, фактически, статус нижней законодательной палаты. Верхней палатой становится Государственный совет¹. Законопроекты, не принятые Госсоветом и Госдумой, признавались отклоненными². Формально, Государственный совет имел равные права с Думой, но фактически он мог сорвать любое неудобное правительству решение Думы.

«Учреждение Государственной думы» от 20 февраля 1906 г. устанавливало полномочия этого представительного органа власти. Ведению Думы подлежали: «предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены; государственная роспись доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и Главных Управлений, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные; отчет Государственного контроля по исполнению государственной росписи; дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ, требующие Высочайшего соизволения; дела о постройке железных дорог непосредственным распоряжением казны и за ее счет; дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются изъятия из действующих законов; дела, вносимые на рассмотрение Думы по особым Высочайшим повелениям³; предметы, требующие издания распространяющихся на Великое Княжество Финляндское законов, если они относятся не к одним только внутренним делам этого края»⁴.

¹ Государственный совет существовал с 1810 года, будучи созданный по разработанному М. М. Сперанским государственному плану обустройства России. В его деятельности органично переплетались как законосовещательные, так и административные полномочия. В новом качестве помимо половины назначаемых императором сановников другая половина стала избираться из представителей общественных структур (См.: Высочайший Манифест 20 февраля 1906 г. // Справочная книга избирателя в Государственную думу. СПб., 1906. С. 221–225).

² См.: Свод законов Российской империи ... С. 18.

³ Там же. С. 7.

⁴ Государственная дума : справочник 1913 г. СПб., 1913. Вып. 6. С. 76–77.

Государственная дума получала право разрабатывать законопроекты об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных государственных законов¹.

На первый взгляд, вышеперечисленные полномочия Думы открывали определенную перспективу для успешной законотворческой деятельности депутатов. Дума получила право утверждать бюджет и тем самым влиять на финансовую политику правительства.

Вместе с тем, разработчики правовых актов внесли массу ограничений в законодательство, касающееся Думы, и в первую очередь, в вопросах внешней и внутренней политики, что свидетельствовало об определенных традиционных попытках сохранить монопольное положение самодержавной ветви управления. Кроме выработки основных принципиальных положений, им требовалось разработать тонкий и в то же время достаточной конкретный механизм классификации вопросов, относящихся к решению в законодательном порядке, при участии народных представителей, и вопросов, разрешаемых монархом единолично в порядке верховного командования Вооруженными силами. Данная проблема решалась очень болезненно и сопровождалась значительными конфликтами между властными структурами.

Анализ Основных законов Российской империи 1906 г., указов, манифестов императора, утвержденных им постановлений и положений министерств показывает, что Думе отводилась незначительная роль в целом ряде законодательных областей по военным вопросам:

во-первых, в непосредственном участии или разработке вопросов, контроле и осуществлении внешней политики государства и военного строительства. На основании ст. 12–14 Основных законов царь был «верховным руководителем внешних сношений Российского государства с иностранными державами». Им же определялось «направление международной политики» страны. Им-

¹ См.: Свод законов Российской империи ... С. 7.

ператор объявлял войну, заключал мир, договоры с иностранными государствами. Он же был, согласно ст. 14, «Державным Вождем» российской армии и флота. Царю принадлежало верховное руководство над всеми сухопутными и морскими Вооруженными силами России. Им определялось устройство армии и флота, издавались указы и повеления относительно: дислокации войск, «приведения их в военное положение», обучения, прохождения службы чинами армии и флота и «всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил и обороны государства»¹;

во-вторых, в предоставлении царю особых привилегированных прав в порядке верховного управления армией и флотом; издании, в соответствии с законами, указов «для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов», в том числе касающихся Вооруженных сил (ст. 11)²; в прямом представлении императору (то есть без участия Думы) постановлений по строевой, технической, хозяйственной частям, а также положений и наказов учреждениями и должностными лицами военного и морского ведомств, после рассмотрения Военным и Адмиралтейств Советами. Но это происходило в том случае, если данные постановления, положения и указы относились лишь к упомянутым ведомствам, не касались «предметов общих законов» и не вызывали новых расходов из казны, или же вызываемый ими новый расход покрывался ожидаемыми сбережениями по финансовой смете Военного или Морского министерств. В том же случае, когда новый расход не мог быть покрыт указанными сбережениями, представление вышеперечисленных постановлений, положений и наказов на царское утверждение допускалось лишь после «испрошения» в установленном порядке (т. е. через законодательные органы власти) ассигнования соответствующего кредита (ст. 96)³.

¹ См.: Свод законов Российской империи ... С. 4–5.

² См. там же. С. 4.

³ См. там же. С. 19–20.

В порядке верховного управления открывались также чрезвычайные сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующие войне¹.

Без участия Думы рассматривались и постановления по военно-судебной и военно-морской судебной частям – в порядке, установленном в сводах военных и военно-морских постановлений².

Основные законы предусматривали особые условия порядка и сроков призыва на военную службу. В них говорилось, что если после заблаговременного внесения в Государственную думу законопроектов о числе новобранцев, необходимых для пополнения армии и флота, закон по «данному предмету» не будет в установленном порядке издан к 1 мая, то указом императора призывается на военную службу необходимое число новобранцев, не свыше, однако, назначенного в предшествующем году³.

Из всех вышеизложенных статей Основных законов камнем преткновения в споре о разграничении законодательных прав и полномочий императора, правительства и Думы стала статья 96.

Вопрос о «правильном понимании и трактовке» этой статьи возник летом 1908 г. в связи с законопроектом о штатах Морского Генерального штаба, т. е. об утверждении как самих штатов, так и суммы, необходимой на эти штаты. В третьем чтении 6 июня проект был принят Думой без всяких прений, не вызвав возражений даже со стороны правых депутатов⁴. Однако Государственный совет провалил его на том основании, что Дума, утвердив штаты, нарушила тем самым 14 и 96 статьи Основных законов, согласно которым вся строевая часть, и, значит, вопрос о штатах, находится в компетенции императора, как «верховного вождя армии». Члены Госсовета – П. Н. Дурново, П. Х. Шванебах и другие – заявляли, что Дума обладает лишь правом утверждения ассигнований на

¹ См.: Свод законов Российской империи ... С. 23.

² См. там же. С. 20.

³ См. там же. С. 23.

⁴ См.: Стенографические отчеты Государственной думы (далее – стенографические отчеты Думы). Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 3590–3591.

штаты или отказа в них, утверждением же штатов она присвоила себе прерогативу монарха. Их поддержал также С. Ю. Витте¹.

Осенью 1908 г. правительство вновь внесло законопроект в Думу и 19 декабря 1908 г. последняя вторично, без всяких возражений, приняла законопроект о штатах Морского Генштаба. В докладе комиссии по государственной обороне Думы (докладчик – Н. В. Савич) указывалось, что по закону Морской Генеральный штаб не является чисто строевой частью, а есть составная часть центрального управления морского ведомства, по своему положению аналогичная Главному Морскому штабу. А раз это так, то Морской Генштаб получался частью общего государственного управления. Следовательно, отмечал Савич, организация данной части должна следовать общему законодательному порядку и это есть в полном объеме «предмет ведения Думы»².

Тем самым, Госсовет вновь был вынужден обсуждать данный законопроект. Прения в верхней законодательной палате, по свидетельству кадетской газеты «Речь», носили бурный характер, заседание сопровождалось рядом инцидентов³. На нем П. А. Столыпин заявил о правительственном признании, что Дума нарушила прерогативы монарха, но Совет министров настаивает на принятии законопроекта лишь в силу необходимости быстрее создать Морской Генеральный штаб. В результате больших усилий Столыпину незначительным большинством в 87 голосов против 75 удалось провести законопроект о штатах⁴.

Однако император не утвердил данный законопроект. Одновременно с не утверждением проекта 27 апреля 1909 г. был опу-

¹ См.: Стенографические отчеты Государственного совета (далее – стенографические отчеты Совета). Сессия 3. 1907–1908 гг. СПб., 1908. Стб. 1689–1882, 2221–2230.

² См.: Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы (далее – приложения к отчетам Думы). Созыв 3. Сессия 2. Т. 1. № 110. СПб., 1909. С. 89–90.

³ См.: Речь. 1909. 20 марта.

⁴ См.: Стенографические отчеты Совета. Сессия 4. 1908–1909 гг. СПб., 1909. Стб. 1335–1394, 1399–1442.

ликован его рескрипт на имя Столыпина, в котором предлагалось в месячный срок выработать правила, разграничивающие сферу компетенции верховной власти и законодательных учреждений в делах военного управления¹. Выработанные Правила, получившие по дате их утверждения Николаем II название Правил 24 августа, еще больше урезали права Думы в военных вопросах. Эти правила были опубликованы в собрании узаконений и распоряжений правительства в качестве закона. По ним, к области компетенции Думы были отнесены лишь кредиты на учреждаемые Военным и Морским министерствами должности. Рассмотрение штатов новых учреждений власти изъяли из полномочий нижней палаты парламента².

Заключительным актом конфликта, разразившегося на почве законопроекта о штатах, явилось обсуждение весной 1910 г. запроса социал-демократической фракции о нарушении правительством статьи 96 Основных законов. В запросе указывалось, что Правила 24 августа, исключая из ведения Думы штаты двух министерств, устанавливая «неведомый нашим Основным законом порядок военного законодательства», нарушают положения закона об Учреждении Государственной думы (пункт 1 статьи 31 гласил о том, что к ведению Думы относились дела, требовавшие издания штатов, их изменений, дополнений, приостановления действия и отмены)³. Эти Правила, отмечалось в запросе, являются несомненным и существенным изменением ст. 96 Основных законов, что, по существу, аналогично государственному перевороту 3 июня 1907 г.⁴.

Запрос, по признанию председателя комиссии по государственной обороне октябриста А. И. Гучкова, имеющий громадное

¹ См.: Речь. 1909. 28 апреля.

² См.: Государственная дума : справочник. 1913 г. Созыв 4. Сессия 1. СПб., 1913. Вып. 6. С. 220–223.

³ См.: Свод законов Российской империи ... С. 7.

⁴ См.: Приложения к отчетам Думы. Созыв 3. Сессия 3. Т. 1. № 1. СПб., 1910. С. 8.

значение, был направлен в комиссии Думы для доработки¹. Комиссия по запросам, подготовившая доклад, пришла к заключению, что и рескрипт 27 апреля, и сами Правила относятся к порядку верховного управления. Правила, в соответствии со ст. 11 и 24 Основных законов имеют значение «Высочайшего» указа, содержащего инструкцию для Военного и Морского министров о правилах и порядке понимания и применения ст. 96. А так как на основании этих Правил не последовало никаких действий правительства, в которых можно было бы усмотреть «незаконмерность», то комиссия предложила Думе запрос отклонить². К решению комиссии присоединилось большинство представителей фракций (правых, октябристов, кадетов)³, которые, фактически, капитулировали перед правительством и согласились с его вариантом ст. 96 Основных законов. Но следует отметить, что голосование было бурным и запрос депутаты отклонили далеко не подавляющим количеством голосов – 161 против 100⁴. Кроме социал-демократов и трудовиков, в поддержку запроса выступили прогрессисты, часть октябристов и кадетов. Так, октябристы бароны А. Ф. Мейендорф, А. О. Шиллинг заявили, что Правила 24 августа есть решение Совета министров по делу, подлежащему ведению Думы и Госсовета. Придание же этим Правилам межведомственного инструкционного характера не усматривается из текста Правил и не может быть сделано ни главой правительства, ни кем бы то ни было. Разграничение компетенции монарха и законодательных учреждений, отмечал Мейендорф, может быть разрешено лишь в законодательном порядке⁵.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 1. СПб., 1910. Стб. 169–170.

² См.: Приложения к отчетам Думы. Созыв 3. Сессия 3. Т. 1. № 16. СПб., 1910. С. 124.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1971–1973.

⁴ См. там же. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 709.

⁵ См. там же. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 705–706.

А один из инициаторов подачи запроса социал-демократ И. П. Покровский непосредственно связал издание Правил с серьезным посягательством на права Думы, так как Правила изымали, по его словам, «из ее ведения огромную область народного хозяйства – военно-морскую»¹.

Вопрос, поднятый социал-демократической фракцией, обсуждался длительное время, ему посвящено было специально четыре заседания, а в ложах Думы присутствовали во время дискуссии несколько десятков статских и военных генералов, что, как отметил трудовик А. А. Булат, ясно подчеркивало отнюдь не «инструктивный характер» обсуждаемых Думой Правил 24 августа².

Отметим, что злополучные штаты Морского Генерального штаба третий раз обсуждались в Думе уже в новом изложении. Особых прений 2 июня 1910 г. не было. За исключением выступления лидера кадетской фракции П. Н. Милюкова, который доказывал, что внесенный законопроект о штатах есть на деле нарушение ст. 96 Законов. Однако последний уже не был поддержан. Депутаты приняли только ассигнования на штаты³.

В дальнейшем, в ходе работ III Думы, Военное министерство чрезвычайно широко истолковывало Правила 24 августа и перестало, по сути дела, вносить в Думу штаты не только строевых частей, но и вообще всяких учреждений, имевших хотя бы отдаленное отношение к военному ведомству. Под Правила 24 августа были подведены даже штаты медицинского персонала Забайкальской области. Правда, под влиянием протеста комиссии законодательных предположений Думы проект этот был взят военными обратно и переделан⁴. Но, как показывает исследование, во всех делах, касающихся чисто военных учреждений, Военное министерство категорически настаивало на своем праве, при наличии

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 2482–2483.

² См. там же. Стб. 1989.

³ См. там же. Ч. 4. Стб. 3175.

⁴ См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 47.

«остатков» от сметы, создавать те или другие должности и даже учреждения, не входя с соответствующими представлениями в Думу. В подтверждение этого можно привести немало примеров.

При обсуждении сметы Канцелярии Военного министерства на 1910 г. бюджетная комиссия попыталась сократить кредит на содержание членам Военного Совета. В ответ на это помощник Военного министра генерал А. А. Поливанов заявил, что в данном вопросе министерство держалось Правил 24 августа, где говорилось, что «в тех случаях, когда расходы по новым мероприятиям могут быть покрыты сбережениями по смете, мероприятия эти представляются на Высочайшее усмотрение Военным Советом» помимо Думы. Так оно и поступило, как отмечал Поливанов, в вопросе об увеличении количества членов Военного Совета. На вопрос председателя комиссии октябриста М. М. Алексеенко о том, считает ли себя Военное министерство не «стесненным» сметными правилами, которыми установлена незыблемость параграфов смет, Поливанов отметил, что министерство стремится лишь покрывать новые постоянные расходы сбережениями в них и добавил, что к Правилам 24 августа будет издана дополнительная инструкция. Член комиссии октябрист И. И. Дмитрюков ответил на это, что в таком случае Думе придется иметь дело лишь с «толкованием» ведомства, которое может быть ошибочно, как и «толкование» бюджетной комиссии, а инструкция ничего не разъяснит¹.

Тем не менее, Военное министерство осталось при своем мнении («толковании») и проводило его на практике. При обсуждении смет Военного министерства на 1911 г. бюджетной комиссии вновь пришлось иметь дело с той же позицией этого ведомства в отношении ст. 96, как и прежде².

При рассмотрении смет Главного управления военно-учебных заведений Дума опять не сошлась с Военным министерством в смысле понимания и изменения ст. 96. Бюджетная комиссия, отмечал докладчик И. И. Дмитрюков, иначе понимает суть ст. 96,

¹ См.: Доклады бюджетной комиссии Государственной думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 2. № 43. С. 4–6.

² См. там же. С. 48.

чем ведомство. Комиссия исходит из того, что под словами «сбережения по смете» нельзя подразумевать кредиты, которые освобождаются вследствие того, что упразднено какое-нибудь учреждение или что не исполняются известные работы, которые прежде выполнялись. Использование таких кредитов для осуществления новых дел, помимо Думы, является совершенно неправильным и «изменяет существо дела». Между тем, говорил докладчик, военное ведомство за счет упраздненных местных команд, устанавливает: новые должности начальников юнкерских училищ, повышает их в чинах; штатные должности библиотекарей военных училищ; увеличило денежное содержание чинов Главного управления военно-учебных заведений и т. д.

Председатель бюджетной комиссии М. М. Алексеенко считал нужным указать на заседании, что такое «толкование» ведомства совершенно не гарантирует от того, что кредиты, ассигнованные на одно какое-нибудь дело, не будут использованы для другого мероприятия, ничего общего с первым не имеющего, и притом, помимо Государственной думы. В конце прений председатель комиссии выразил пожелание, чтобы при «установлении правительством однообразия» в применении ст. 96 дело было бы «разрешено» в том смысле, в каком его понимает бюджетная комиссия¹.

Однако пожелание Алексеенко осталось невостребованным. Отклонение Думой описанного выше запроса социал-демократов по поводу ст. 96, в конечном счете, уже окончательно предопределило изъятие из-под контроля Думы значительной части военно-морских вопросов.

Несмотря на это, разногласия по 96-й статье Основных законов продолжались и в течение предвоенных сессий Думы IV созыва. 12 марта 1913 г. военным министром В. А. Сухомлиновым было введено новое Положение о Военно-медицинской академии. Суть решения заключалась в том, что шла ликвидация данного учреждения как полувоенного – полугражданского учебного заведения и осуществлялось превращение академии в чисто военную

¹ См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 48.

школу. Эта реорганизация была зафиксирована в новом Положении, которое и явилось предметом трех запросов – кадетов, прогрессистов и трудовиков. Всех их комиссия по запросам признала обоснованными, и они были приняты Думой¹. Незаконность Положения, по взглядам интерpellлянтов², состояла в том, что оно было проведено не в обычном законодательном порядке – через Думу и Государственный совет, а через Военный совет – учреждение, не подведомственное даже Правительствующему Сенату. Новое Положение, отменившее Положение от 29 мая 1890 г., фактически уничтожило прежнее учебное заведение и создавало другое, чисто военное, с присягой и прочими элементами обязательной военной службы. Поэтому оно целиком входило в сферу общих законов, не говоря уже о том, что, как научное и учебное заведение, Военно-медицинская академия финансировалась в общем бюджетном порядке.

Правые депутаты и военное ведомство парировали этот довод тем, что новое Положение не закон, а наказ, инструкция, издать которую от своего имени военный министр имеет полное право, поскольку Военно-медицинская академия всегда и исключительно подчинялась только ему³.

В результате горячих дебатов в течение нескольких заседаний обсуждение запросов о Военно-медицинской академии осталось незавершенным. Октябристско-кадетская часть Думы осудила политику военного министра, демонстративно отвергнув три небольших законопроекта, связанных с финансированием нескольких лечебных учреждений академии. Суть демонстрации состояла в том, что законопроекты проваливались молча, без прений. Принимался спешный порядок обсуждения и отвергался

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 2. Стб. 375.

² Интерpellляция – особый вид запроса депутата парламенту или отдельному министру, ответ на который может быть подвергнут обсуждению в парламенте (См.: Словарь иностранных языков. 9-е изд. М., 1982. С. 199).

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 2. Стб. 354–360.

переход к постатейному рассмотрению, что означало «падение» законопроекта¹.

Еще одним серьезным препятствием в работе депутатов Думы стали бюджетные ограничения. Значительно урезывали права Думы, утвержденные царем 8 марта 1906 г. «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных», которые выводили из ведения Думы большое количество расходных назначений, так называемых «забронированных» расходов. По подсчетам министра финансов В. Н. Коковцова, забронированными являлись менее 40% кредитов всей росписи². А по свидетельству кадетского депутата А. И. Шингарева, для обсуждения в Думе были доступны лишь 15% бюджета Военного министерства³. Статья 6 бюджетных правил 8 марта бронировала десятиллионный фонд на экстренные, не предусмотренные росписью надобности. Распорядителем фонда являлся министр финансов⁴. Расходы из этого фонда были подробно разобраны в специальном докладе члена бюджетной комиссии октябриста Р. Я. Эргардта⁵. Выяснилось, что этот фонд служил часто для таких выдач, которые неудобно было проводить в бюджетном порядке, т. е. подвергать обсуждению или опубликованию. В выступлении кадета А. И. Шингарева в конце IV сессии III созыва приведены расходы, которые не соответствовали назначению фонда. По его словам, из фонда выделялись: «... генералу Сахарову по случаю назначения на высокий пост 10 тысяч рублей; адмиралу Авелану такая же сумма на переезд; монгольскому князю Удаю несколько сот ты-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 2. Стб. 479–480.

² См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 262–263.

³ См.: Падение царского режима. М.–Л., 1927. Т. 7. С. 11.

⁴ См.: *Сапилов Е. В.* Третья Государственная дума (1907–1912 гг.). М., 1993. С. 35.

⁵ См. там же.

сяч; ... пособие генералу Богдановичу; на приобретение имени генерала Аненкова»¹ и т. д.

Бюджетная комиссия пыталась воздействовать на пользование десятиmillionным фондом, но безрезультатно.

Статья 9 бюджетных правил исключала право Думы сокращать или изменять расходы, основанные на законах, штатах, положениях, расписаниях, «Высочайших» повелениях и т. д.² Таким образом, всякий акт верховной власти, изданный, когда бы то ни было до созыва Думы, покрывал расход и этот расход не мог быть исключен Думой без особого законодательного акта. Во время общих прений по росписи на 1908 г., характеризуя ст. 9, П. Н. Милюков сказал, что пока эта статья не будет отменена, до тех пор бюджетная комиссия останется бессильной³.

Между тем, статья бронировала огромную часть бюджета, более миллиарда рублей. Причем, за 1907–1912 гг. эта сумма возросла еще на 36 миллионов рублей⁴. Статья, в сущности, ограждала правительство от всякого воздействия Думы. И тем не менее думское большинство не пошло на ее отмену.

Роль бюджетной комиссии в данной части бюджета сводилась лишь к проверке так называемых легальных титулов, т. е. прежних законов, штатов, расписаний и прочих оснований, закрепляющих расходы. Причем такая проверка была крайне затруднена. Целый ряд титулов члены комиссии вынуждены были искать в полных собраниях законов, в неопубликованных узаконениях и в надписях царей на докладах министров, которые датировались еще с 18-го столетия.

В бюджетной комиссии велись длинные споры о кредитах, титулах и по военной и морской сметам. Причем, ведомства отстаивали их законность, ссылаясь часто на то, что нигде нельзя

¹ Сапилов Е. В. Третья Государственная дума (1907–1912 гг.).

² См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 216.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 1. Стб. 668, 671.

⁴ См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 215.

найти указанных титулов, а розыски – задача почти невыполнимая. Комиссия буквально тонула во всевозможной трухе легальных титулов. Для их изучения, по требованию комиссии, ведомства напечатали целые сборники. Однако они были готовы только к концу IV сессии III созыва.

Статья 17 правил 8 марта представляла собою своеобразного рода уникам. Она давала правительству право во всякое время, на любую цель и в каком угодно количестве тратить казенные деньги, даже не доводя об этом до сведения Думы, если будет признано необходимым сохранить такой расход в тайне. Однако, даже такая широта узаконенного произвола расходования по этой статье денег оказалась ведомствам недостаточной. Случаи применения ст. 17 вызывали протесты депутатов Думы. На неправильное пользование ст. 17 сметных правил, в особенности, на нужды военного ведомства, было указано А. И. Шингаревым при обсуждении доклада согласительной комиссии Думы и Госсовета по росписи на 1909 г. Вне законодательных учреждений, заявил он, в 1908 г. на нужды Военного министерства было израсходовано 20 млн рублей¹.

Бюджетная комиссия признала необходимым полное исключение этой статьи еще в январе 1908 г., но проект, принятый Думой, был отклонен из-за отсутствия соглашения Государственного совета и министра финансов.

В 1909 г. при обсуждении проекта об утверждении постановления Совета Министров о сверхсметном ассигновании интендантскому ведомству в 14 миллионов рублей Думой была принята формула, в которой выражалось пожелание, чтобы «министерства прибегали к ст. 17 только в тех случаях, когда действительная неотложная необходимость требует применения этой статьи»². Но это пожелание Думы военным и морским ведомствами часто нарушалось.

Исследования стенографических отчетов и архивных материалов показывают, что практически, в ходе всей думской деятельно-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 4. СПб., 1909. Стб. 2550.

² Там же. Стб. 2932.

сти, не прекращались споры депутатов с правительством по бюджетным правилам. Уже 27 ноября 1907 г., в самом начале работы III Государственной думы, во время общих прений по первому внесенному на рассмотрение Думы бюджету на 1908 г. октябрист А. В. Еропкин заявил, что «необходимо прежде всего изменить правила 8 марта 1906 г. в смысле расширения бюджетных прав Государственной думы». На что тут же последовало категорическое возражение Министра финансов В. Н. Коковцова¹.

Фракция кадетов разработала законопроект об отмене статей 6, 9 и 17 указанных правил. На рассмотрение Думы данный проект попал лишь в мае 1911 г. Докладчиком по проекту был октябрист Р. Я. Эргардт. После очень долгих обсуждений бюджетной комиссией законопроект кадетов был принят в неизменном виде. Отменялась полностью только ст. 17; отменялся пункт 2 ст. 6, бронирующий десятиmillionный фонд на непредвиденные надобности. Ст. 9 была сохранена в силе с добавлением лишь о том, что не могут быть изменяемы расходы, основанные на действующих законах, положениях, штатах, расписаниях, «Высочайших» повелениях, последовавших до 23 апреля 1906 г., т. е. до издания Основных законов².

В Думе проект, выработанный бюджетной комиссией, после упорных настояний кадетов, наконец начал обсуждаться 11 мая 1911 г. Этот проект защищал октябрист М. М. Алексеенко, который признал крайне необходимым разбронировать десятиmillionный фонд. Для чрезвычайных расходов, заявил он, имеются другие ресурсы в смете, а что касается секретных расходов, то на них и по смете ассигнуется свыше 7 миллионов рублей. Министр финансов и на этот раз заявил о неприемлемости законопроекта и изменений в спорных статьях³.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1909. Стб. 637.

² См.: Приложения к отчетам Думы. Созыв 3. Сессия 4. Т. 3. № 448. СПб., 1911. С. 116.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 3971–3986.

В порядке спешности данный законопроект, в том именно виде, в каком он был внесен бюджетной комиссией, был принят Думой в трех чтениях 12 мая¹ и передан в Государственный совет. Там этот проект ждала та же судьба, которые постигла и остальные думские проекты, направленные к некоторому расширению прав народного представительства. Он был отвергнут Госсоветом даже в тех частях, которые были признаны правительством приемлемыми².

Значительно ограничивались правовым порядком и контрольные функции Думы. Ей было категорически отказано в представлении журналов межведомственных сметных совещаний. Данный отказ мотивировался правительством тем, что журналы этих совещаний относятся к внутреннему делопроизводству органов управления и в них отражается процесс устранения ведомственных разногласий; в законодательные же учреждения представляются согласованные проекты объединенного правительства³.

В предоставлении материалов Думе отказывал даже Государственный контроль, в отчетах которого давалась лишь сухая бухгалтерская сводка формального характера. Специальные сведения о беспорядках и злоупотреблениях, бесхозяйственном ведении различных операций считались этим ведомством канцелярской тайной и не сообщались.

Интерпелляционные права Думы, изложенные в ст. 33, 40, 58–61 «Учреждения Государственной думы» также страдали крайней неполнотой, неясностью и противоречивостью. Это стало, в свою очередь, причиной для выдвижения депутатами требований к их пересмотру. Причем, в данном случае, пик активности со стороны парламентариев пришелся на военный 1915 г. 17 июля 42 депутата

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 3986–3990.

² См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 19.

³ См.: Приложения к отчетам Думы. Созыв 3. Сессия 2. Т. 3. № 475. СПб., 1909. С. 212.

внесли законодательное предположение о расширении интерpellационных прав Государственной думы. Суть требований авторов законопроекта представлена в таблице 1.

Этот думский законопроект был рассмотрен и отвергнут на заседании Совета министров 24 августа. Лишь один военный министр А. А. Поливанов не возражал против предложений депутатов, настаивая только на некоторых поправках. Остальные, в их числе министр финансов, Государственный контролер, министр торговли и промышленности, заняли противоположную от Поливанова позицию¹.

Таблица 1

Предложения депутатов о расширении интерpellационных прав Государственной думы

<i>Права Думы по действовавшему законодательству</i>	<i>Предложения авторов законопроекта</i>
<p>1. Делать запросы министрам по поводу «незаконмерных» (т. е. незаконных) действий их и подведомственных им чинов</p> <p>2. Обращаться к министрам за разъяснениями по рассматриваемым в Думе делам²</p>	<p>а) по запросам, касающимся «незаконмерных» действий исполнительных органов власти:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обязать министров давать разъяснения без особого постановления Думы о принятии запроса (если он подписан не менее 30 депутатами); - устранить правительственное право в отказе сообщения Думе необходимых сведений; <p>б) относительно дел, которые не носят «незаконмерного» характера:</p> <ul style="list-style-type: none"> - обязать министров давать разъяснения по всем делам, касающимся области ведения Думы; - устранить возможность отказа сообщений по тайным делам; - давать разъяснения незамедлительно и т. д.¹

¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1461. Л. 4.

² См.: Савич Г. Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 88–89.

Законодательное ограничение контрольных прав Думы сопровождалось, как отмечалось выше, концентрацией в руках самодержавия важнейших внешнеполитических и военных вопросов. К этому дополнялось и непосредственное подчинение министров иностранных дел, военного и морского царю и ответственность их только перед последним².

Таким образом, рутинность и консерватизм законодательных актов России в вопросах государственной обороны, с точки зрения их отношения к представительному законодательному органу власти страны, значительно снижали плодотворность и эффективность работы Думы, доводили до минимума ее влияние на внешнеполитические и военные дела, ставили в открытую зависимость от высшей власти и ее исполнительных структур.

Самодержавно-охранительная правовая база, как показывает исследовательский анализ законодательных и административных актов, дополнялась расплывчатостью и неопределенностью их внутреннего содержания. По этим положениям, оказывалось, что часто одни и те же полномочия были предоставлены различным властным структурам. А если к сказанному добавить прямые нарушения уже действовавшего законодательства императором и правительством (как в случае со ст. 95), то вполне понятны желания и стремления членов Думы отстоять свои и так усеченные полномочия, используя предоставленные формы и методы парламентской деятельности.

1.2. Влияние представительного органа власти на государственные и общественные структуры в решении военных проблем

Формально-правовая база законодательства, разработанная в 1905–1906 гг., по-прежнему охранявшая императорские приоритеты на внешнеполитические и военные дела (без активного участия законодательных органов власти), в годы работы Думы все

¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1461. Л. 4.

² См.: Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906. С. 24.

отчетливее стала вступать в явное несоответствие с реально складывавшейся общественно-политической обстановкой в стране, в Государственном совете и Думе.

Из этих двух государственных представительных органов власти именно в Думе, в силу более демократического способа комплектования депутатов, и, в определенной степени, объективного отражения ими различных общественных настроений, сложилось большинство, непосредственно заинтересованное в глубокой реализации всех сторон государственной обороны страны. Свою озабоченность состоянием дел национальной безопасности они сумели, благодаря кропотливой работе целого ряда депутатских неординарных личностей, воплотить в активной, целеустремленной деятельности, оказав тем самым существенное воздействие на состояние сухопутных и военно-морских дел.

Проведенный анализ литературы и архивного материала позволяет высказать мысль о том, что в непростых условиях российской действительности, порой конфронтационных, во взаимоотношениях между различными структурами власти, внутренней фракционной борьбе и правовых ограничений, Думе удалось наладить законодательный процесс по отработке проблем государственной обороны. Выработав, в целом, принципиальную позицию по отношению к деятельности ведомств, критикуя их и само правительство, активно развивая законодательный процесс, Дума ускорила ход реорганизационных процессов, а в дальнейшем – реформ в армии и на флоте. Тем самым, несмотря на все трудности, ошибки роста, она сумела определиться в структуре государственного механизма. Однако, это произошло с годами, когда организационно окрепла Дума, а дух непримиримости стал уступать стремлению найти компромиссные пути решения военных проблем.

Первые Думы двух созывов были распущены царем и правительством за их открытые антигосударственные настроения, борьбу против привлечения армии и флота к подавлению народных выступлений. Сам военный вопрос стал рассматриваться в качестве одного из основных (наряду с рабочим, национальным, крестьян-

ским), лишь с III Государственной думы¹. Вместе с тем, определенный интерес представляют и два первых созыва Государственной думы в плане понимания качества и объема разрешения депутатами отдельных аспектов военных проблем общественно-государственной жизни России, а также попыток рассмотрения важных вопросов бюджетного характера.

За пять лет работы Думы III созыва военным делам страны были посвящены 166 заседаний комиссии по государственной обороне представительного органа власти, на которых рассматривалось свыше 600 законопроектов, касавшихся различных сторон военного строительства². Аналогичное положение сложилось и в IV Государственной думе.

Особый интерес депутатского корпуса к решению проблем обороны был вызван следующими причинами.

Во-первых, бурным процессом вмешательства все более широких слоев общества и армии в разработку кардинальных военных и внешнеполитических задач страны. Революционный период 1905–1907 гг. привел к появлению новых «групп давления» на правительственную политику, в частности, в лице самой Государственной думы, массовой прессы различных направлений (при смягчении цензуры), предпринимательских и общественных организаций. Обсуждение военной проблематики сопровождалось длительной активной поддержкой большинством политических фракций в Думе великодержавного курса высшего руководства несмотря на усложнение правовой технологической цепочки принятия необходимых решений.

Во-вторых, все большим осознанием в высших эшелонах власти страны того факта, что одно правительство, без широкой помощи общественных кругов, справиться с важнейшим делом укрепления государственной обороны не сможет. Поэтому руководители, ответственные чиновники правительства и различных

¹ См.: *Аврех А. Я.* Столыпинский бонапартизм и вопросы военной политики в III Думе // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 21.

² См.: *Военная энциклопедия* : в 18 т. СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1913. Т. 13. С. 76–77.

ведомств, в основе своей, понимали, что им нельзя идти против думского большинства и допускали, на известных условиях, вмешательство этого большинства в вопросы обороны.

В-третьих, дискредитацией окружавшего царя круга сановников и крупных военачальников после неудачной войны с Японией, потерей инициативы императора в области внешнеполитического и военного руководства.

В-четвертых, изменением структуры государственного механизма управления страной. Помимо образования Государственной думы и реформы Государственного совета шло создание новых структурных элементов в Министерстве иностранных дел, военном и морском ведомствах. Это не могло не отразиться и на характере связей между ними и функционировании механизма в целом. Постепенно формировался его новый «управляющий центр» в лице Совета министров и его руководителя – П. А. Столыпина¹. Формально с течением времени внешняя политика и военное дело продолжали оставаться прерогативой Николая II. Вместе с тем, царская бюрократия предусмотрела в Основных законах 1906 г. «нормативные лазейки», которые на практике позволяли Совету министров добиваться контроля над Министерством иностранных дел, военными ведомствами, а Думе активно заниматься важнейшими государственными делами, в том числе, военными и морскими вопросами, с высокой полнотой используя предоставленные ей законом права.

Государственной думе удалось влиять на военную политику России и принимать в ней участие с помощью трех основных парламентских средств:

во-первых, путем утверждения бюджета. Именно бюджетное право позволяло Думе при рассмотрении смет различных ведомств непосредственно вторгаться во внешнеполитические и военные вопросы. Тем самым правительство оказывалось в существенной зависимости от Думы. Без нее оно не могло получить в

¹ См.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 67.

бюджете новые ассигнования, необходимость которых требовали процессы перевооружения армии и строительства флота.

Активно используя сметные обыкновенные и чрезвычайные ассигнования, сверхсметные и обычные кредиты депутаты Думы энергично субсидировали различные стороны государственной обороны страны. Причем, Дума сама часто выступала инициатором увеличения военных расходов¹. С участием Думы из года в год росли бюджетные ассигнования на оборону государства.

Таблица 2

Военные расходы России в млн руб.²
(Военное министерство – ВМ, Морское министерство – ММ)

Годы	Обыкновенные расходы			Чрезвычайные расходы		
	ВМ	ММ	Всего	ВМ	ММ	Всего
1907	389,6	75,0	464,6	-	-	-
1908	433,1	86,9	520,0	52,0	4,2	56,2
1909	473,9	89,4	563,3	64,9	0,3	65,2
1910	480,7	89,2	569,9	50,0	-	50,0
1911	482,7	108,3	591,0	48,6	-	48,6
1912	492,9	159,1	652,0	70,0	-	70,0

С годами совершенствовалась практика бюджетной деятельности депутатов в отношении решения военных и морских проблем. Связана она была с работой, образованной 15 ноября 1907 г. бюджетной комиссии в количестве 65 человек (председатель – октябрист М. М. Алексеенко, секретарь – октябрист А. В. Еропкин, товарищи председателя: октябристы Н. Л. Марков, В. А. Остроградский)³. В комиссию вошли представители всех фракций, даже

¹ См.: *Шаццло К. Ф.* Развитие Вооруженных сил России накануне Первой мировой войны (военные и военно-морские программы царского правительства в 1906–1914 гг.): дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 571–572.

² См.: *Обзор деятельности Государственной думы III созыва 1907–1912 гг.* Ч. 3. СПб., 1912. С. 72–77.

³ См.: *Сапрыкин В. О.* Борьба фракций III Думы по вопросам государственной обороны // *Вестник МГУ.* 1994. № 6. С. 50–60.

социал-демократы имели своих посланцев (Н. С. Чхеидзе, И. П. Покровского). Но основную политическую силу здесь представляли октябристы в союзе с фракциями, стоявшими правее центра. Численное количество членов комиссии, партийность депутатов III и IV составов Думы и их изменения с годами, представлены в приложениях 1 и 2.

Сметы военного и морского ведомств рассматривала, обычно, одна из подкомиссий бюджетной комиссии. Так, в ходе работы II Думы вторая подкомиссия во главе с лидером группы демократических реформ В. Д. Кузьминым-Караваевым осуществила первые сметные исчисления по Главному штабу, Канцелярии Военного министерства, Главного интендантского управления и некоторых других подразделений военного ведомства. Но дальше подкомиссии подготовительные проекты докладов не были представлены в связи с роспуском II Думы¹.

Основная работа бюджетной комиссии началась в III Думе и продолжалась в IV Думе. В этот период сметный материал по военному и морскому ведомствам был распределен между отдельными членами четвертой подкомиссии. К примеру, в 1913 г. над интендантской сметой работал кадет С. П. Мансырев, артиллерийской – представитель фракции центра Е. А. Судиенко, инженерной – октябрист Н. Г. Марков, морской – октябрист Н. В. Савич и пр.².

Ряд членов бюджетной комиссии стали видными экспертами Думы по военно-морским вопросам, входя, поочередно, то в бюджетную комиссию, то в комиссию государственной обороны, или в обе сразу. Это были, прежде всего, октябристы А. И. Гучков, А. И. Звегинцов, Н. В. Савич, В. В. Хвоцинский, Б. А. Энгельгардт и др.

Дума добилась прекращения действия так называемой системы предельного бюджета, существовавшей с 1889 г. Суть ее заключалась в том, что Военному министерству назначались на пять лет

¹ См.: Доклады бюджетной комиссии II Государственной думы, не рассмотренные Думой вследствие ее роспуска. СПб., 1907. С. 1–27, 331.

² См.: Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 4. Сессия 2. 1913–1914. Пг., 1914. С. 10–14.

вперед ежегодные «предельные» суммы расходов для того, чтобы не требовать сверхсметных кредитов, с предоставлением в полное его распоряжение всех остатков по предельному бюджету. Бюджетная комиссия пришла к выводу, что опыт такого предельного финансирования в России и за рубежом показал его несостоятельность:

во-первых, предельный бюджет не достиг той цели, ради которой он вводился, так как не остановил увеличения военных расходов и существования сверхсметных кредитов во время его действия;

во-вторых, он положил, в действительности, только границы уменьшению военных расходов;

в-третьих, принес прямой вред общегосударственным интересам тем, что устранил, в сущности, законодательные учреждения от контроля военного бюджета. Тем самым и ограничил одну из существенных прав органа народного представительства;

в-четвертых, действию предельного бюджета всемерно способствовали установленные бюджетные Правила от 8 марта 1906 г. (ст. 9 и пр.), позволявшие правительству тратить огромные дополнительные средства в обход Думы¹.

С 1909 г. прекращалось действие предельного бюджета, рассчитанного на 1904–1908 гг. и военное ведомство переходило к общеустановленному сметному порядку, т. е. обязано было ежегодно входить с представлением в законодательные учреждения об ассигновании соответствующего кредита на определенные нужды.

Стремясь использовать процесс перехода в своих целях, военный министр весной 1909 г. внес в Думу законопроект о предоставлении ведомству возможности пользования остатками от сметных кредитов прежних лет после прекращения действия системы предельного бюджета. В то же время, он был не в состоянии показать точную сумму этого остатка (лишь приводились представителями министерства общие цифры около 10 млн рублей). А расходы здесь планировались большие.

¹ См.: Доклады бюджетной комиссии II Государственной думы (не рассмотренные Думой вследствие ее роспуска). СПб., 1907. С. 334–336.

Бюджетная комиссия, словами Н. В. Савича, посчитала невозможным предоставить в руки военных руководителей вышеприведенной остаточной суммы, неопределенной по своим размерам и уходящей на потребности, точная сумма которых тоже, кстати, была неизвестна. Законопроект на пленарном заседании Думы 28 мая 1909 г. депутаты отклонили¹. Тем самым в результате прекращения действия предельного бюджета Дума получила возможность ежегодно контролировать расходы Военного и Морского министерств и влиять на их распределение.

С годами бюджетная комиссия обеспечила довольно таки тщательную отработку процесса выделения денежных ассигнований. При этом учитывались действия различных экономических, общественно-политических и собственно военных факторов, влиявших на величину того или иного отпуска средств. Так, исходя из общего состояния бесхозяйственности и запущенности морского ведомства, негативного отношения к этому широких общественных кругов, бюджетная комиссия потребовала коренных реформ в военно-морских управленческих структурах и отказывала в течение 1908–1911 гг. в выделении средств на постройку четырех линейных кораблей для Балтийского моря.

Предвидя важность и перспективу развития авиационного дела, бюджетная комиссия поддержала предложение комиссии по государственной обороне об изменении постановляющей части внесенного Военным министерством в апреле 1912 г. законопроекта об отпуске средств на расходы, связанные с покупкой земли и возведением необходимых построек для школы авиации на реке Каче (близ Севастополя). Дума отпустила на эти нужды 400 тыс. рублей в 1912 г. (ведомство просило 250 тыс. рублей), а также 650 тыс. рублей в 1913 г. и установила в законопроекте, что устройство школы должно быть закончено в 1913 г., а не в 1914 г., как предложило Военное министерство².

¹ См.: Доклады бюджетной комиссии II Государственной думы (не рассмотренные Думой вследствие ее роспуска). С. 334–336.

² РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–19.

Наряду с этим, целый ряд кредитов, внесенных ведомствами, был отменен, сокращены отдельные ассигнования депутатами из-за не проработанности проектов законов, их маловажности или по другим причинам. Дума отклонила законопроект об отпуске Военному министерству дополнительного кредита в сумме 1,8 млн рублей для оплаты за работы и поставки по сооружению казарм в 1912 г.¹.

Второе парламентское средство влияния Государственной думы на состояние военного-сухопутного и морского дела обеспечивалось самим процессом разработки и обсуждения законодательных актов по проблемам государственной обороны.

Основательная проработка военной проблематики, нашедшей свое воплощение в законопроектах, началась с избранием комиссии по государственной обороне (15 ноября 1907 г.) в составе 37 человек. Сам факт создания комиссии по инициативе октябристов во главе с А. И. Гучковым, стал смелым шагом, так как он был прямым ответом на позицию крайне правых в Думе, требовавших недопущения вмешательства депутатов в важнейшие прерогативы императора².

Своей главной задачей комиссия поставила рассмотрение законопроектов, имевших отношение к вопросам «сухопутной и морской обороны государства». Инициаторы ее создания оговаривались, что их деятельность не будет касаться «верховных прав Державного Вождя армии»³.

Тем самым, на плечи членов комиссии ложились вопросы как бюджетного, так и внебюджетного характера, относившиеся к тщательной проработке профессиональных военно-технических сторон, вносимых министрами законодательных предположений (т. е. проектов). А это требовало подробного знания военного де-

¹ См.: Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 4. Сессия 1. 1912–1913. СПб., 1913. С. 100.

² См.: Юрский Г. Правые в III Государственной думе. Харьков, 1912. С. 72–78.

³ См.: Военная энциклопедия : в 18 т. СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1913. Т. 13. С. 76.

ла, поддержания связей со специалистами государственной обороны и учета их позиций в правовом процессе.

Деятельность комиссии протекала в тесной взаимосвязи с другими комиссиями Думы (о путях сообщения, продовольственной, сельскохозяйственной, по запросам, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, по направлению законодательных предположений), и в первую очередь – с бюджетной комиссией.

Усилиями фракций правых и октябристов, занимавших умеренные позиции и лояльных правительству, в нарушение установленного в Думе принципа пропорционального представительства, левые фракции (в том числе и кадеты) не были избраны в комиссию по государственной обороне¹ из-за «отсутствия патриотизма» и необходимости сохранения государственной тайны².

Октябристы получили 18 мест в комиссии, умеренно-правые (чаще всего действовавшие в блоке с октябристами) – 8 (по подсчетам автора – 7), националисты – 2, прогрессисты – 3, мусульмане – 1³. От сессии к сессии состав комиссии претерпевал изменения. Динамика этого процесса представлена в приложениях 3–4. Председателем комиссии был избран лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков, секретарем – А. И. Звегинцов (октябрист), товарищами председателя – В. В. Хвощинский (октябрист) и князь П. И. Шаховской (националист)⁴.

Таким образом, почти половину мест в комиссии по государственной обороне получили октябристы, составившие в союзе с умеренно-правыми подавляющее большинство. Они и определили в дальнейшем позицию Думы при решении проблем обороны. Несмотря на односторонние действия большинства в Думе, именно такое представительство политических сил в комиссии фак-

¹ За исключением трех прогрессистов – авт.

² См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 282–283.

³ См.: *Сапрыкин В. О.* Борьба фракций III Думы по вопросам государственной обороны... С. 51.

⁴ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 1. СПб., 1912. С. 116–117.

тически обеспечило взаимопонимание и постоянные контакты правоокеабриетских депутатов с членами правительства по военным вопросам.

На общих собраниях Думы ораторы от всех левых фракций часто сетовали об ущемлении своих прав. В первую очередь, это были кадеты, которые неоднократно указывали на просчеты и промахи как самой комиссии по государственной обороне, так и ведомств.

Правоокеабриетское преобладание имело в своем распоряжении целый арсенал средств, создававших препятствия для критического изучения сути военных вопросов представителями левой оппозиции. Дума в ноябре 1908 г. приняла постановление, разрешавшее председателю комиссии по государственной обороне объявлять ее заседания закрытыми под предлогом соблюдения военной тайны по требованию любого представителя военного и морского ведомств, дающего объяснения в комиссии¹. Были случаи, когда депутатов лишали возможности заблаговременно ознакомиться с законопроектами, утаивая от них документы, которые могли пролить свет на истинное положение дел. Свидетельством тому является заседание 2 апреля 1910 г., посвященное новым ассигнованиям по смете чрезвычайных расходов на нужды Военного министерства. Депутатам, за исключением членов комиссии по государственной обороне, не были своевременно представлены необходимые материалы для изучения обсуждаемого вопроса. Все это вынудило лидера кадетов П. Н. Милюкова сделать заявление о воздержании фракции от участия в прениях и от голосования при таком ничем не вызванном недоверии².

В связи с закрытым характером целого ряда заседаний по оборонным вопросам, было решено Думой их стенограммы не публиковать. Военный министр имел право подвергать цензуре материалы закрытых заседаний Думы перед публикацией их в пе-

¹ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 1. СПб., 1912. С. 116.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 733–734.

чати. Но на практике такие действия не имели решительного успеха. Значительная доля информации, считавшейся секретной, публиковалась в иностранных газетах. Кроме того, информация просачивалась через стены Таврического дворца и попадала также в отечественную прессу.

Изменение ситуации в стране, в представительном органе власти, недовольство влиятельных сфер работой комиссии по обороне и развитие подходов к военным проблемам с течением лет привели к созданию в IV Думе (1912 г.) комиссии с несколько менее широкими полномочиями – по военным и морским делам (см. приложения 3, 5). Существенное влияние на качество работы комиссии оказало и не избрание А. И. Гучкова в IV Государственную думу.

Соответственно этому, изменилось и отношение к данной комиссии представителей Военного и Морского министерств. Вместо прежних обстоятельных и документированных объяснений они старались ограничиваться общими и суммарными данными. А недостаточность объяснений отразилась и на краткости, мало-содержательности прений в самой Думе.

Вместе с тем, к 1914 г. удалось поднять уровень работы комиссии по военным и морским делам, что обеспечило довольно-таки тесный контакт Думы и министерств. К примеру, имеющиеся в РГА ВМФ дела морского ведомства за 1913–1914 гг. о переписке с Государственной думой подтверждают тот факт, что данное министерство с большим вниманием следило за обсуждением военно-морских проблем в Думе, тщательно готовило ответы на вопросы, посылаемые ей комиссией по военным и морским делам, работавшей над очередными законопроектами. Лишь при рассмотрении сметы Морского министерства на 1914 г. комиссия по военным и морским делам послала 80 вопросов ведомству и получило обстоятельные ответы¹.

Характер думских материалов свидетельствует, что попытка правых и октябристов скрыть от левой оппозиции суть рассматриваемых военно-сухопутных и морских вопросов не увенчалась

¹ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1277. Л. 1–7.

полным успехом. Несмотря на то, что комиссии по гособороне в ее избранном составе удавалось находить контакт с правительственными кругами и ведомствами, односторонние действия правоокабристского большинства по недопущению кадетских и более радикальных депутатов в состав комиссии лишь обострили межфракционную борьбу в Думе.

Усиление критики со стороны оппонентов заставило лидирующую октябристскую группу в комиссии искать контакты с наиболее приемлемыми для них кадетскими депутатами. В результате, уже в ходе обсуждения морской программы 1908 г. состоялись первые взаимные консультации между руководителями фракции народной свободы и комиссией по гособороне. Во время руководства комиссией А. И. Гучковым отдельные представители кадетов стали допускаться к участию в ее заседаниях. Это относится к кадетам – членам бюджетной комиссии, специалистам по военным вопросам – М. В. Челнокову, А. Ф. Бабянскому, а также эксперту по внешнеполитическим вопросам – П. Н. Милюкову. Они работали здесь в качестве докладчиков вышеупомянутой бюджетной комиссии¹. Поэтому регулярные заявления кадетских лидеров о полном отстранении оппозиции от участия в разработке оборонных вопросов звучат довольно-таки малоубедительно и грешат зачастую политическими предубеждениями².

7 декабря 1912 г. группа кадетов была избрана в комиссию по государственной обороне. Однако, выяснилось, что в ходе выборов вновь оказался нарушен порядок пропорциональности. В знак протеста избранные представители фракции Народной свободы отказались участвовать в работе комиссии до тех пор, пока в нее не войдут остальные представители «демократических элементов страны» (т. е. социал-демократы и трудовики). Это заявление кадетов произвело сильное впечатление. Отказались от участия в работе комиссии и избранные в нее прогрессисты. Было решено оставить в составе комиссии кадетов-казаков, а остальные, из-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 444. Л. 1–154.

² См.: III Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 – 5 июня 1910 г. Сессия 3. СПб., 1910. С. 97.

бранные в комиссию депутаты от кадетской фракции, подали письменные заявления об отказе¹.

21 июля 1915 г., уже во время войны, кадеты вошли в комиссию по военными и морским делам, на условии, которого требовали (вместе с представителями других оппозиционных фракций). Ее членами стали: А. М. Александров, К. Л. Бардиж, Л. А. Велихов, В. А. Виноградов, М. Д. Калугин, П. Н. Милуков, М. И. Пападжанов, В. А. Степанов, А. И. Шингарев. Были включены в списки комиссии и избраны представители трудовиков: В. И. Дзюбинский, Н. О. Янушкевич, социал-демократов: А. И. Чхенкели, В. И. Хаустов². А председателем комиссии депутаты избрали известного кадетского лидера А. И. Шингарева, который заменил на этом посту националиста П. Н. Балашова. Последний отличался покладистым характером и, руководствуясь позицией националистически настроенных думских депутатов, нередко шел на уступки ведомствам в ущерб позиции самой Думы. При выборах кадетского председателя комиссии за Шингарева голосовали даже правые (в том числе В. М. Пуришкевич) и националисты. Новый председатель сумел оживить и качественно улучшить работу комиссии. Об этом говорят, хотя бы, сами журналы ее заседаний. Вновь в комиссии стали бывать первые лица министерств, улучшилась отработка выносимых на заседания вопросов, усилился контроль за реализацией решений. Сразу же после своего избрания председателем, Шингарев составил широкую программу опроса ведомств, в том числе морского и военного. Полученный путем опроса обильный материал был положен в основание записки, которую комиссия поручила Шингареву представить императору, что и было выполнено при открытии Особых совещаний 22 августа 1915 г. В этой записке предлагались конкретные меры по решению проблем снабжения фронта и тыла и пр.³.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 384–386.

² См.: Указатель к стенографическим отчетам Думы. Созыв 4. Сессия 4. 1915–1916 гг. Пг., 1916. С. 35.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 9.

С годами определились две характерные особенности процесса законотворческой деятельности комиссий в оборонной области. В первую очередь, через Думу прошли законодательные акты, касающиеся самых различных сторон военной жизнедеятельности: реформирования армии и флота после неудачной войны с Японией; рассчитанных на годы вперед военных и морских программ; военно-экономических проблем, связанных со строительством стратегически важных железных дорог, с работой военных и морских заводов. Не могла обойти Дума стороной внешнеполитические аспекты проблем военной политики. Особое место принадлежит периоду Первой мировой войны, в ходе которого депутатам пришлось заниматься вопросами снабжения армии и флота личным составом, вооружением, продовольствием и т. д. Сами прения в общих собраниях Думы и ее комиссиях, проходили, в основном, с активным участием представителей ведомств.

В то же время, депутаты с годами усовершенствовали механизм прохождения военно-морских законопроектов в Думе, который позволял добиться их тщательной проработки и принятия. И это произошло, несмотря на острую межфракционную борьбу и попытки большинства отстранить левую оппозицию от активного влияния на ход решения оборонных проблем.

Идея законопроекта исходила, в первую очередь, от императора, руководителей ведомств, а также депутатов Думы.

Обычно законодательное предположение, требовавшее прохождения в законодательном порядке, разрабатывалось аппаратом Военного и Морского министерств, рассматривалось на Военном Совете (Адмиралтейств-Совете) и вносилось в Думу. Здесь, после предварительного обсуждения в Совете нижней палаты парламента, общее собрание Думы принимало решение о направлении законопроекта в комиссию по государственной обороне (военным и морским делам). После изучения данной комиссией, законопроект поступал на рассмотрение бюджетной комиссии, которая давало окончательное предварительное решение по тем или иным ассигнованиям. Нередко устраивались совместные заседания обеих ко-

миссий. Если проекты законов не встречали препятствий, их вносили на общее собрание Думы.

С 1910 г. стал применяться несколько иной порядок, чем раньше, в отношении смет Военного и Морского министерств, условных кредитов, законопроектов, связанных с ассигнованиями из государственного казначейства по данным ведомствам. Согласно постановлению Думы от 5 июня 1910 г., эти сметы (по ходатайству комиссии по обороне), а также наиболее важные кредиты и законопроекты передавались на предварительное рассмотрение соединенного заседания комиссии по государственной обороне и подкомиссии из 7 человек, избранных бюджетной комиссией из среды своих членов¹. Тем самым, бюджетной комиссии пришлось, кроме основных финансовых вопросов, рассматривать и заключения комиссии по государственной обороне (по военным и морским вопросам) по этим сметам и другим ассигнованиям, и независимо от доклада по ним, представлять на общее собрание Думы также и соображения по заключениям данной комиссии.

Остальные законопроекты по военному и морскому ведомствам продолжали следовать общему установленному Наказом Думы порядку, т. е. рассматривались отдельно комиссией по государственной обороне (по военным и морским вопросам), а затем передавались на заключение бюджетной комиссии.

Принятый в Думе законопроект (голосами не менее половины депутатов) направлялся в Государственный совет, а после принятия его последним – на окончательное утверждение царем. День подписания императором законопроекта считался днем принятия закона.

В случае отклонения Госсоветом законопроекта он возвращался в Думу для дальнейшей проработки. Если Госсовет, не отклоняя само «законодательное предположение», не соглашался с некоторыми его положениями, то в соответствии со ст. 49 Учреждения

¹ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 1. СПб., 1912. С. 116–117.

Госсовета создавалась особая (согласительная) комиссия из равного количества депутатов со стороны Думы и Государственного совета. Из комиссии дело, с ее заключением, вносилось в Думу и получало дальнейшее движение в установленном порядке¹.

За годы работы III Государственной думы более десяти законопроектов по военно-морской тематике рассматривались в вышеназванной особой комиссии².

Дума пользовалась правом самостоятельной инициативы в разработке того или иного проекта закона. В таком случае депутатами вносилось заявление о законодательном предположении, а затем соответствующее ведомство (а параллельно этому, могла и та или иная думская комиссия) разрабатывало сам законопроект. Среди девяти заявлений по проблемам обороны, внесенных депутатами в ходе работы III Думы, назовем основные: о военно-судовой повинности (1910 г.), о пенсиях нижних чинов (1912 г.). Они были поддержаны министерствами, которые, в свою очередь, взяли за разработку соответствующих законопроектов. По инициативе Думы были разработаны также законопроекты о справедливом вознаграждении войска Донского за земли, отведенные в области под Донское частное коннозаводство (май 1909 г.), о распространении Земского положения на область войска Донского (январь 1912 г.) и т. д.

И наконец, третьим, важным парламентским средством, с помощью которого Дума могла существенно влиять на процесс реформ в области обороны, являлась налоговая политика. Это было вызвано тем, что вплоть до самого кануна войны, когда доходы стали несколько превышать расходы, источниками для перевооружения армии и флота могли быть только новые налоги, ибо заключение внешних займов, по признанию министра финансов В. Н. Коковцова, было для правительства в эти годы невоз-

¹ См.: Государственная дума. Созыв 4. Сессия 1. Справочник 1913 г. Вып. 6. СПб., 1913. С. 164–172.

² См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Т. 1. СПб., 1912. С. 171–172.

можным¹. Введение же новых налогов стало прерогативой Думы, обойти которую в этом вопросе было никак нельзя².

Таким образом, вопросы обороны, совершенно необходимое реформирование разгромленной в войне с Японией русской армии и флота оказалось в прямой зависимости от Государственной думы. Возможность непосредственного влияния на разрешение военных вопросов и искренняя забота большинства фракций в представительном органе власти о всемерном развитии и укреплении Вооруженных сил России сделали их, по словам А. И. Гучкова, «любимым вопросом III Государственной думы»³.

С полномочиями Думы вынуждены были считаться и сам император, и правительственные чиновники различных степеней. Стремление власти многое оставить по-старому, следуя вековым традициям русской государственности, необходимость соблюдения положений Основных законов, часть статей которых трактовалась по-разному, а также объективные процессы перемен в стране, обусловили крайне противоречивый характер взаимоотношений Думы с Николаем II, правительством, военным, морским и другими ведомствами империи.

С одной стороны, царь выражал поддержку «благим намерениям» Думы, лично инструктировал министров, как им вести себя при обсуждении в ней дел Военного и Морского министерств, МИДа. К примеру, перед проведением программы усиленного судостроения Балтийского флота весной 1912 г. Николай II при встрече с В. Н. Коковцовым в Ливадии подробно беседовал с ним о том, как проводить эту программу через Думу и, в частности, «высочайше повелел» премьеру пользоваться каждой встречей с членами Государственной думы, чтобы объяснить им в частных

¹ См.: *Сидоров А. Л.* Из истории подготовки царизма к первой мировой войне // Исторический архив. 1962. № 2. С. 127.

² Вопросы налоговой политики непосредственно не вошли в круг исследований автора и поэтому они анализируются в общем составе проблем и вопросов Думы – авт.

³ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 511. Л. 3.

беседах, насколько не отвечает достоинству России современное состояние ее флота¹.

Выполняя волю императора, В. Н. Коковцов начал поодиночке «обхаживать» наиболее влиятельных членов Думы, убеждая их голосовать за кредиты на судостроение. На всех этапах прохождения программы через комиссию государственной обороны и бюджетную комиссию, через пленарные заседания правительства, по словам его премьера, пришлось проявить «самые упорные настояния», чтобы Дума утвердила программу. Узнав, что председатель бюджетной комиссии М. М. Алексеенко намерен не очень торопиться с обсуждением этой программы, В. Н. Коковцов неоднократно и настойчиво убеждал его до тех пор, пока последний «обещал не создавать искусственных препятствий»². В день обсуждения этого вопроса в бюджетную комиссию явилось почти в полном составе все правительство. Убеждая членов комиссии не отклонять кредитов, В. Н. Коковцов выступал трижды. В поддержку программы помимо морского министра И. К. Григоровича высказались министр иностранных дел С. Д. Сазонов, помощник военного министра А. П. Вернандер (замещавший военного министра В. А. Сухомлинова), Государственный контролер П. А. Харитонов³. На пленарном заседании Думы присутствовало не только все правительство; чтобы произвести большее впечатление на депутатов, пригласили почти всех офицеров Морского Генерального Штаба. День утверждения Думой программы Николай II назвал историческим днем, «днем» великих надежд для России⁴.

С еще большей тщательностью готовилось всем Советом министров проведение через Думу «Закона о флоте».

Как видим, в важнейших военно-морских вопросах император уже был не всегда всемогущ и оказывался связанным в некоторых своих действиях предварительным решением органа власти, в котором были широко представлены общественные круги России.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 653. Л. 17.

² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 653. Л. 18.

³ См.: Речь. 1912. 26 мая.

⁴ См.: Морской сборник. 1912. № 7.

Дума часто слышала в стенах Таврического дворца заявления руководителей правительства П. А. Столыпина, В. Н. Коковцова, И. Л. Горемыкина, А. Ф. Трепова о их большом желании к совместной работе с думскими депутатами. Столыпин неоднократно заявлял, что Государственная дума встретит в правительстве «живейшее и искреннейшее» стремление к согласованной, плодотворной творческой работе¹. В. Н. Коковцов, будучи еще министром финансов, выступая в «Особом совещании по рассмотрению программы развития морских вооруженных сил России», был вынужден признать, что с появлением Думы уже нельзя действовать «старыми приемами», когда начальники генеральных штабов за спиной кабинета министров через царя проводили те или иные решения. «В настоящее время, – подчеркивал он, – соглашение двух начальников генеральных штабов ничего не стоит, пока дело ... не проведено через Государственную думу в смысле расходов»². Даже великий князь Николай Николаевич, председательствовавший в Совете Государственной обороне (далее – СГО), был вынужден признать, что реорганизация армии и флота зависит не столько от СГО, сколько от Думы, которая на это «дает деньги»³.

В целом, многие государственные и военные деятели стремились получить поддержку и помощь думского большинства, понимая весомость общественного мнения и конкретной помощи буржуазных кругов в реформировании армии и флота. Поэтому, несмотря на протесты крайне правых в Думе, правительство, видя, что комиссия по гособороне иногда выходит за пределы своих формальных прав, вместе с тем не шло открыто против большинства членов Думы, допуская их вмешательство в дело обороны⁴.

За период работы Думы целый ряд министров: министр иностранных дел А. И. Извольский, военные – А. Ф. Редигер, А. А. Поливанов, Д. С. Шуваев, морской – И. К. Григорович имели плодот-

¹ См.: *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 65.

² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1372. Л. 26.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 26. Л. 24.

⁴ См.: *Юрский Г.* Правые в III Государственной думе. Харьков, 1912. С. 72.

ворные контакты с влиятельными группами депутатов в вопросах реформирования министерств и отпора внешнему врагу в годы мировой войны. Извольский (годы деятельности министром – 1906–1910 гг.), а затем, сменивший его министр иностранных дел С. Д. Сазонов (1910–1916 гг.), чтобы придать больший вес своим дипломатическим акциям, неоднократно выступали в Думе с разъяснениями (так было, например, во время Боснийского кризиса) (см. приложение 6).

Наибольшим уважением в Думе пользовался помощник военного министра А. А. Поливанов (в июне 1915 – марте 1916 г. – военный министр). Как свидетельствовал в своих воспоминаниях министр финансов В. Н. Коковцов: «Поливанову бесспорно принадлежала совершенно исключительная способность приравниваться к настроению Думы и привлекать к себе расположение центральной группы – октябристов, в особенности в лице Гучкова, Савича, Звегинцова; не брезгал он и кадетскими депутатами, но не заглядывал уже левее их»¹. В дневниках самого Поливанова содержатся интересные факты, свидетельствующие о его близких отношениях с членами комиссии по обороне. Из записок Поливанова следует, что контакты с представителями комиссии были довольно частыми и происходили не только в стенах Таврического дворца, но и в неофициальной обстановке². Нижняя палата парламента приветствовала назначение Поливанова летом 1915 г. на должность военного министра и оказала ему свою помощь в ликвидации известного «кризиса вооружения», направляя усилия промышленных кругов в военном производстве.

Целая группа офицеров военного ведомства, Генерального штаба, занимавших ответственные посты (А. С. Лукомский, Ю. Н. Данилов и др.) вошла в тесный контакт с умеренными представителями думской оппозиции по государственной обороне. В результате в 1909 г. по инициативе А. И. Гучкова и генерала В. И. Гурко (председателя комиссии по описанию русско-японской войны) и под

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. Париж, 1933. С. 60.

² См.: Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности Военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. С. 40, 55, 57.

председательством последнего образовался военный кружок. На совместных с членами Думы частных собраниях широко и откровенно обсуждались вопросы военного строительства, подлежащие внесению на рассмотрение нижней палаты парламента. Собрания эти проходили на частных квартирах и были известны Военному министерству, которое не мешало их проведению. Более того, оно не раз командировало на эти собрания специалистов по тем или иным вопросам¹.

Так шла совместная работа два года, пока в самом кружке не образовался раскол на почве резкой и обоснованной критики ее членами некоторых законопроектов, внесенных уже в Думу, но без предварительного обсуждения на заседаниях кружка. В знак протеста, А. С. Лукомский и трое других участников вышли из состава кружка. «Мы не могли, – писал впоследствии А. И. Денникину А. С. Лукомский, – добиваться, чтобы Дума отвергала законопроекты, скрепленные нашими подписями»². В отношении других, более «строптивных» участников кружка, в том числе и самого В. И. Гурко, В. А. Сухомлинов, после доклада императору принял меры. Они были направлены на «распыление членов этого сопрательства», как он выражался, предоставив бывшим участникам кружка соответствующие должности вне Петербурга. Заметим, что значительная часть кружковцев играла впоследствии большую роль в Первой мировой войне³.

Несмотря на довольно-таки печальный исход работы самого кружка, в нем возник ряд добрых начинаний, которые в форме законодательных предположений или пожеланий значительно «продвинули дело обороны»⁴. И не случайно, генералы, являвшиеся представителями ведомств в Думе, не стеснялось говорить, что комиссия по гособороне им помогает, их выручает⁵.

¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 32.

² Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 193.

³ См. там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 32.

⁵ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 7.

Надежную опору в своей деятельности Дума нашла во многих общественно-политических организациях, печатных органах, особенно в годы войны. Среди них были газеты: конституционных демократов – «Речь», октябристов – «Голос Москвы» и «Слово», прогрессистов – «Утро Москвы» и пр. На их страницах обсуждались позиции политических фракций по военно-морским вопросам, шли дискуссии о ходе реформ в Вооруженных силах.

Созданные в годы Первой мировой войны Городской и Земский союзы, военно-промышленные комитеты оказывали осязаемую помощь Думе в отстаивании ей своей позиции в оборонных делах. Сама Дума, в свою очередь, в декабре 1916 г. выступила с резким осуждением репрессивных действий властей в отношении городских и земских деятелей, посмеявших высказать несколько иные точки зрения по проблемам снабжения армии и флота в отличие от правительственных¹.

Естественно, чувствуя свою возрастающую силу, основные думские фракции стремились использовать ее для реализации требований общественности, что и нашло свое отражение в самой законотворческой работе и в ходе депутатских баталлий (см. приложение 7).

Под нажимом Думы были уволены не пользовавшиеся доверием у нее морские министры И. М. Диков и С. А. Воеводский. Назначенный вместо последнего И. К. Григорович при своем назначении получил указание «ладить с Государственной думой». Григорович и товарищ морского министра М. В. Бубнов писали о том, что даже «священная» prerogative императора – назначение морского министра – стала осуществляться с учетом пожеланий либерально-буржуазной общественности (с участием прессы) и главным образом Государственной думы².

На заседания думских комиссий, общие пленарные заседания Думы регулярно приглашались представители правительст-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 1169–1239.

² См.: *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 176–177.

ва, министерств. Особенно активно это происходило в период председательствования в комиссии по государственной обороне А. И. Гучкова (1908–1910 гг.) и непосредственно в последний год перед Первой мировой войной. В результате к началу войны был уже в значительной степени выработан довольно-таки тесный механизм взаимодействия представительного органа власти и министерств. В военном и морском ведомствах активно рассматривали принятые Думой пожелания, а на очередных общих собраниях нижней палаты парламента министры и их представители стали регулярно информировать депутатов о ходе реализации этих пожеланий. И вместе с тем, здесь были и свои трудности. Как отмечал старший товарищ председателя Государственной думы С. Т. Варун-Секрет: «если наблюдалась вполне согласованная и солидарная работа Государственной думы и ее комиссий с представителями военного ведомства, то эта солидарность никак не относится к главе ведомства, к военному министру генералу Сухомлинову, который почти не показывался в стенах Таврического дворца»¹.

С другой стороны, Николай II не терпел никакого вмешательства со стороны народных избранников в пределы своей власти и власти министров. В беседе с В. А. Сухомлиновым об отношениях с Думой 22 апреля 1909 г., он сказал: «Я создал Думу не для того, чтобы она мне указывала, а для того, чтобы советовала»². Лучшим доказательством определенного взгляда императора на Думу является тот факт, что сам он за почти одиннадцатилетний период думской деятельности лишь один раз (февраль 1916 г.) побывал на заседании законодательного органа власти страны³.

В стремлении поставить Думу «на место» Николай II запрещал ряду министров выступать в ней. Со слов того же Сухомлинова, постоянно подчеркивавшего свое пренебрежение к Думе и нередко демонстративно отказывавшегося посещать ее заседания,

¹ РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 22. Л. 655–656.

² Цит. по: *Поливанов А. А.* Указ. соч. С. 63.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1210–1215.

царь в апреле 1909 г. сказал ему в отношении депутатов: «что вам с ними спорить – Вы мой министр»¹.

Ряд военных министров (А. Ф. Редигер, А. А. Поливанов) за сотрудничество «поплатились» и были сняты со своих должностей. Так, Редигер, выступая на закрытом заседании Думы 23 февраля 1909 г. согласился с октябристами, что среди генералов немало бездарностей. На трибуне немедленно появился лидер крайних правых Н. Е. Марков и стуча кулаком по пюпитру закричал, что это неслыханное оскорбление доблестной русской армии, которое крайние правые никак не могут допустить². Вскоре Редигера вызвал император и объявил ему: «После того, что произошло в Думе, вы потеряли авторитет в армии и мое доверие»³. Его преемником стал В. А. Сухомлинов.

Документы свидетельствуют, что *причинами конфликтных ситуаций и острых разногласий между Думой и вышеназванными властными структурами по проблемам обороны стали:*

во-первых, естественный процесс борьбы между различными ветвями власти. Он наблюдался и в западных странах и не мог не состояться в России, раз она объективно постепенно переходила к новым основам государственно-политического устройства. Каждая фракция Думы отражала интересы определенных общественно-политических сил в стране и имела свое видение разрешения вопросов военного строительства. А это, в свою очередь, вело к формированию общей позиции самого законодательного органа власти, не всегда совпадающей с официальной линией правительства;

во-вторых, стремление Думы расширить свои узкоограниченные правовые рамки решения внешнеполитических и военных проблем, открыто влиять на процесс укрепления государственной обороны и стремление бороться с явными пороками в ведомствах и конкретными лицами, не справлявшимися со своими обязанностями.

¹ Цит. по: Поливанов А. А. Указ. соч. С. 34.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 157. Л. 67.

³ Цит. по: Поливанов А. А. Указ. соч. С. 63.

Позиция депутатского корпуса Государственной думы столкнулась с консерватизмом высшей власти, упрощенным пониманием «верховным вождем армии и флота» и правительственными чиновниками задач и предназначения нижней палаты парламента.

Вместе с тем, не могли не вызвать сопротивления правительства требования депутатов о прекращении попыток превращения Думы в полицейскую силу в годы революции, их острая критика недостатков в деятельности министерств и великих князей, своя трактовка некоторых положений законодательных актов и несогласие с мнениями ряда министров о путях реформирования Вооруженных сил;

в-третьих, значительное влияние скрытых причин. В бюджетной комиссии, комиссии по государственной обороне при рассмотрении росписей доходов и расходов ведомств открылась крайняя бесхозяйственность ведения дел, финансовая неразбериха, а подчас и прямые хищения казенных средств в Военном и Морском министерствах.

Желания чинов этих министерств и управлений избежать гласности о действительном состоянии дел, сохранить свое должностное и материальное положение неизбежно вели к росту напряженности во взаимоотношениях с Думой.

И наконец, к четвертой причине можно отнести тот факт, что само существование Думы затрудняло «непосредственные сношения» между самодержавной законодательной и исполнительной властью, контролировало ее ветви. Естественной реакцией было стремление отторгнуть Думу от дел государственной обороны, выйти из-под ее контроля (см. приложение 10).

Определение Думой с течением времени своего места в решении вопросов государственной обороны и установление вертикальных и горизонтальных взаимосвязей с различными государственными и общественными структурами сопровождалось фракционной борьбой, в ходе которой вырабатывались конкретные позиционные ориентиры основных политических сил Думы.

Все основные фракции (правые, националисты, октябристы, кадеты, прогрессисты) выступали за необходимость всесторонне-

го укрепления оборонного потенциала страны, совершенствования всех структур армии и флота, в чем были солидарны с императором и правительством.

Главные противоречия обнаружались в ходе дискуссий о том, какими средствами стоит укреплять оборону страны, какова должна быть военная политика Думы. Октябристы в деле реорганизации обороны, Вооруженных сил отводили Государственной думе вспомогательную роль, оставляя, впрочем, за собой право критиковать действия военного и морского ведомств. Основная же работа по совершенствованию государственной обороны и развитию Вооруженных сил должна была, по мнению думского большинства, лечь на плечи правительства, Военного и Морского министерств. «Почин преобразований правительство должно взять в свои руки» – настаивал лидер октябристов А. И. Гучков в «Записке о реформах, которые должно провести правительство»¹.

Кадеты занимали совершенно противоположную позицию. Ведомствам они отводили подчиненную роль, а за Думой оставляли право окончательного вердикта.

Не было единства среди думских депутатов и по вопросам ассигнований. Представители двух основных фракций Думы – октябристы и кадеты – по-разному подходили к вопросу отпуска денежных средств на укрепление обороны. Обе фракции выступали за кредиты, но расходились в подходах о конкретных мероприятиях военного и морского министерств, размерах и целесообразности испрашиваемых ассигнований.

Платформа октябристов заключалась в том, что они, с одной стороны, требовали от Совета министров и ведомств хорошо подготовленной и обоснованной программы повышения обороноспособности государства, с другой же – настаивали на реорганизации военной системы страны. Причем считали, что реорганизация армии и флота также должна быть разработана в виде определенного плана. В частности, октябрист А. И. Звегинцов в апреле 1912 г.,

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

при обсуждении сметы морского ведомства с горечью отмечал, что до сих пор «большой реформы, коренной реорганизации Морского министерства нет и не было»¹.

Таким образом, октябристы не ограничивались обсуждением одной лишь финансовой стороны дела. Они увязывали проблему финансирования с общими глубокими изменениями в вопросах государственной обороны, но, в отличие от кадетов, первоочередной задачей считали вотирование кредитов на военные расходы, а уже затем реорганизацию Вооруженных сил. Несколько иначе, в первые годы думской деятельности, они смотрели на развитие флота. Здесь они настаивали сначала на глубоких реформах в ведомстве, а уже затем допускали необходимые бюджетные выделения. В целом же, благодаря их усилиям нижней палате парламента удавалось наладить довольно-таки тесное сотрудничество с правительственными кругами, ведомствами, отвечающими за состояние за обороны страны.

Конституционно-демократическая фракция, напротив, на первый план выдвигала реформы в военной области. В отличие от октябристов, кадеты были сторонниками радикальной перестройки военной системы России и в этом отводили соответствующую роль Думе. Представитель кадетов Н. Н. Кутлер, выступая на заседании в марте 1907 г., подчеркивал, что «Дума наиболее правильно исполнит свой долг и поступит истинно патриотично, если в ответ на призыв увеличить ассигнования по государственной обороне, подвергнет кредит военному и морскому ведомству самой тщательной критике и, устранив все, что не нужно, оставит только то, необходимость чего безусловно доказана»².

Представители партии Народной свободы выступали за контроль и тщательную проверку того, как расходуются средства военными, насколько эффективно министерства используют ассигнования на нужды обороны. Кадеты никогда не замыкались на чисто

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 58. Л. 65–66.

² Стенографические отчеты Думы. Созыв 2. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 825–826.

военных вопросах, всегда увязывали их с необходимостью преобразований в государственном устройстве России, понимая, что сила армии и флота заключается в силе и прочности общественного строя. Депутат А. Ф. Бабянский так изложил позицию кадетской фракции: «Меньшинство и та фракция, к которой я имею честь принадлежать, всегда высоко ставили необходимость боевой подготовки армии, но только фракция полагает, что армия есть неразрывная часть народа, что неустройство государственное отзывается на всем государстве, в том числе и на армии, что сила армии находится в единении с народом и зиждется на его благополучии и культурном развитии, и стало быть, и ассигнуемые средства должны быть в соответствии с платежными силами населения»¹.

Правые и националистические фракции нижней палаты парламента, в основном, открыто проводили проправительственный курс в вопросах государственной обороны. Их лидеры В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков и другие активно отстаивали военно-патриотические настроения в стране, защищали неприкосновенность прав императора во внешнеполитических и военных делах, честь и достоинство армии, русского офицерского корпуса. Однако, в отличие от некоторых крайних правых (А. С. Вязигина, А. А. Бобринского), готовых везде и всюду следовать решениям верховной власти, они, в определенные периоды, могли высказать и свою, отличную от правительства, точку зрения. Наглядными подтверждениями этому стали их требования реорганизации Морского министерства перед ассигнованием средств на постройку 4 линейных кораблей на Балтике в 1908–1909 гг., изменений в окружении царя накануне Февральской революции 1917 г.

От большинства фракций коренным образом отличались позиции социал-демократов и трудовиков. Первые в своих крайних радикальных требованиях исходили из программы самой партии, решений съездов, Пленумов ЦК по думским вопросам, указаний партийного руководства. Они настаивали на необходимости сме-

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 788–789.

ны государственного строя, замены постоянной армии всеобщим вооружением народа, выступали против любых бюджетных ассигнований на содержание Вооруженных сил. Трудовики, в основном поддерживая позиции социал-демократов, иногда занимали более конструктивную позицию при обсуждении наиболее важных военно-морских проблем, настаивая на широких реформах Вооруженных сил, не отвергая в перспективе их замену милиционной системой.

Таким образом, жесткие правовые рамки деятельности Государственной думы не помешали ей определить свои ориентиры в военной области, поставить проблемы обороны в центр законодательной работы. Этому способствовали целый ряд причин и условий, личная активность и незаурядные качества ряда депутатов. С III Государственной думы стала складываться система ощутимого воздействия представительного органа власти на состояние обороны России. В первую очередь – через бюджет, налоги, саму законодательную деятельность.

Начало Первой мировой войны прервало этот поступательный процесс. Военные сессии имели специфический характер и привели к утверждению ее морального авторитета в общественных и армейских массах.

Постепенное признание прав Думы в военной сфере сопровождалось упорным сопротивлением верховной власти, свято охранявшей свои консервативные приоритеты в оборонной области, которое постоянно сменялось периодами делового сотрудничества молодого российского парламента с правительственными кругами. С течением времени, постепенно от созыва к созыву, в Думе налаживался процесс плодотворного сотрудничества в деятельности представительных и исполнительных органов власти, укрепились связи депутатов с общественными структурами.

Впервые со времен Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. две силы, вечно, казалось бы, непримиримо враждовавшие между собой – власть и общественно-политические структуры – сблизились, благодаря факту существования Государственной думы, и пошли одной

дорогой в деле укрепления обороны страны. Император и правительство, отдельные ведомства быстро почувствовали нужду в поддержке общественных кругов дела реформирования армии и флота. Однако сама верховная власть не собиралась предоставлять депутатам реальные законодательные права в военной сфере. Думе пришлось самой определиться и в непосредственных условиях, порой конфронтационных, депутатам удалось наладить законодательный процесс по отработке проблем государственной обороны. Выработав, в целом, принципиальную позицию по отношению к деятельности ведомств, критикуя их и само правительство, активно развивая законотворчество, Дума ускорила ход реорганизационных процессов, а в дальнейшем – реформ в армии и флоте.

Так в условиях российской действительности, реальная практика представительного органа власти в области обороны оказалась шире и богаче узко-формальных рамок законодательства.

Глава 2. Внешнеполитические и военно-экономические проблемы в деятельности Думы

2.1. Проблемы войны и мира в работе думских депутатов

Несмотря на то, что вопросы внешней политики, тесно связанные в начале века с сохранением хрупкого мира на ближних подступах к России, а в дальнейшем – с войной против Германии и ее союзников, и были «отодвинуты» от Государственной думы (депутаты имели право обсуждать лишь финансовую сторону деятельности Министерства иностранных дел), правительство по собственной инициативе нарушило закон, стремясь получить поддержку буржуазной общественности.

Императорский режим долго колебался, прежде чем предпринять такой шаг. В первых двух Думах вопросы внешней политики ни разу не были предметом депутатского обсуждения, несмотря на то только что закончившуюся русско-японскую войну (за исключением незавершенного рассмотрения сметы МИДа бюджетной комиссией II Думы)¹.

Министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф демонстративно заявлял, что «не желает иметь с Думой ничего общего и что, если обстоятельства принудят его к этому, он предпочтет подать в отставку»².

Но уже накануне роспуска II Думы в мае 1907 г., согласно официальному заявлению нового министра иностранных дел А. П. Извольского в Совете министров, император дал ему «общее указание относительно возможности в нужных случаях выступления Министра иностранных дел в законодательных учреждениях с

¹ См.: Доклады бюджетной комиссии II Государственной думы (не рассмотренные Думой вследствие ее роспуска). СПб., 1907. С. 28.

² Цит. по: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910 гг. М., 1961. С. 89.

объяснениями по поводу тех или иных касающихся высочайше вверенного ему ведомства вопросов международной политики»¹. Извольский воспользовался этим разрешением вскоре после созыва III Думы².

Действия правительства соответствовали интересам большинства членов нижней палаты парламента, которые, со своей стороны, были заинтересованы в участии во внешнеполитическом процессе и добивались этого. Степень данного участия выразил А. И. Гучков, который в 1909 г. на заседании Думы отмечал, что область иностранной политики, как бы ее не отгораживали от депутатов, несомненно, постепенно и быстро войдет в круг «если не распоряжения, то в круг критики, обсуждения, влияния народного представительства». «Цена дипломатическим шагам в том, – продолжал он, – насколько народное сознание, общественные симпатии стоят за ними или нет. Ведь когда вам придется (обращаясь к представителям МИДа – А. Д.), повышая свои требования, дойти до ультиматумов, до высшей санкции для этих ультиматумов, ведь вы придете же сюда, вам нужны будут военные кредиты, вам нужна будет кровь наша, наших братьев и сыновей, и вы тогда придете и за деньгами, и за людьми, и мы вам их дадим. Но мы можем дать вам еще одно: залог победы, тот энтузиазм, без которого борьба и победа невозможны. И вот, именно, потому, что эта последняя санкция вам нужна, вы должны с самого начала ввести нас в круг тех вопросов, которые вы решаете»³.

Приведенные слова А. И. Гучкова довольно-таки отчетливо демонстрировали роль Думы, отводимую депутатами во внешнеполитической области, непосредственно связанной с обороной государства, простыми проблемами войны и мира.

¹ Цит. по: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики 1906–1910 гг. М., 1961. С. 89.

² Всего А. П. Извольский за 1906–1910 гг. 4 раза выступал в Думе с внешнеполитическими обзорами (один раз – без «испрошения» разрешения царя, его преемник – С. Д. Сазонов (1910–1916 гг.) – также 4 раза – авт.

³ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 58. Л. 51.

Помимо всего, парламентариям, прессе, различным общественным организациям стали известны немало фактов келейного решения ближайшим императорским окружением вопросов внешней политики государства, приведшей к синдрому русско-японской войны¹. Этому способствовали и структурный застой, снижение эффективности деятельности внешнеполитического механизма (в первую очередь – МИДа), рост в нем бесконтрольности, безответственности и падение профессионального уровня дипломатического корпуса. Данные негативные процессы, в конечном счете, отражались на международном авторитете Российского государства.

Воздействие Думы на решение внешнеполитических вопросов, и в частности, на реализацию проблем войны и мира, можно представить в двояком виде: в плане морально-психологического давления на выработку высшими структурами власти курса международной политики и в плане непосредственной разработки парламентских форм влияния на ход внешнеполитических процессов.

Морально-психологическая сторона давления заключалась в следующем. Наличие Государственной думы являлось в глазах ведущих западных стран доказательством политической стабильности России после революции 1905–1907 гг. А это вело к укреплению союзнических связей страны, в первую очередь, с государствами Антанты, заключению с ними международных займов. К примеру, в 1912 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков за день до открытия II сессии Думы обратился с письмом к императору, в котором просил его согласия на ее роспуск, если она не умерит свой оппозиционный пыл. Хотя Николай II и согласился с Маклаковым, последний не посмел пойти на такой шаг. По мнению Е. Д. Черменского, это объясняется неудачей, постигшей В. Н. Коковцова в переговорах о железнодорожном займе, которые он вел в Париже. Невыгодные условия займа, как ему объяснили, были обусловлены шатким положением Думы. Поэтому

¹ См.: Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 68.

Коковцов телеграфировал в Петербург о том, чтобы намеченные меры о роспуске представительного органа власти и введении чрезвычайного положения были бы отложены до его возвращения. Доклад премьер-министра произвел на «сферы» большое впечатление, в результате чего было решено Думу сохранить в прежнем виде¹.

В свою очередь, Государственная дума стала средоточием авторитетных умов России, представлявшим различные слои населения. Сюда правительство могло обратиться и обращалось в трудные минуты за военными кредитами, советами в действиях. Особенно это было характерно для критических предвоенных лет и в тяжелые месяцы Первой мировой войны (Боснийский кризис 1908 г., Балканские войны 1912–1913 гг., начало Первой мировой войны и период «кризисов», связанных с нехваткой для фронта вооружения, продовольствия и т. д.). В это время ведущие дипломатические лица страны, в целях предания большего веса своим международным акциям, выступали в Думе с разъяснениями, приглашали к себе лидеров думских фракций на «чашку чая» и пр.². Но как только очередной «кризис» проходил, министры внешнеполитического ведомства вновь становились нечастыми гостями среди депутатов. И в то же время с годами механизм взаимодействия между ветвями власти, все же, постепенно отработывался. А. П. Извольский, С. Д. Сазонов относились к либеральному правительственному крылу, которое выступало за развитие тесных контактов с думскими кругами и удовлетворение их требований, чего нельзя сказать, например, о Б. В. Штюрмере, исполнявшим обязанности министра иностранных дел в 1916 г.

Особо выделим, в плане дополнения вышеизложенных положений, военные сессии Государственной думы. Они служили для правительства своеобразным громоотводом при появляющихся время от времени вспышках напряженности в обществе, когда

¹ См.: *Черменский Е. Д.* Царизм и третьеиюньская Дума // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 38–39.

² См.: *Черменский Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 24.

депутаты выражали дружное единство и в комиссиях, и на самих пленарных заседаниях в выделении военных кредитов и в волеизъявлении о продолжении военных действий до победного конца.

Среди парламентских форм влияния на ход решения общегосударственных внешнеполитических вопросов, непосредственным образом отражавшихся на состоянии обороны страны, следует выделить:

во-первых, непосредственное обсуждение Думой вопросов внешней политики, несмотря на яростное сопротивление крайних правых. Тем самым законодательный орган выходил за рамки представленного ему права бюджетного рассмотрения смет МИДа и ряда других частных финансовых вопросов. В результате, в Думе, где скрещивались позиции различных политических сил, складывались мнения, не всегда совпадавшие с официальными установками верхов.

Вместе с тем, специальной комиссии, занимающейся внешнеполитическими вопросами, в Думе не было создано. Рассмотрением отдельных законопроектов ведала комиссия по направлению законодательных предположений. В бюджетной комиссии экспертами, отвечающими за рассмотрение смет МИДа и других вопросов внешнеполитического характера в изучаемый период были: националист П. Н. Крупенский, земец-октябрист Е. П. Ковалевский, кадеты П. Н. Милуков, Н. А. Захарьев и ряд других депутатов¹.

С годами улучшались качество и широта рассмотрения вопросов внешней политики в нижней палате парламента. В первые годы ее существования лишь один Милуков старался квалифицированно оппонировать выступлениям представителей МИДа, делая развернутые доклады на час-два по различным регионам мира с оценкой международной деятельности Российской империи². А на заседаниях IV Думы обстоятельные речи уже произносили депутаты: кадет

¹ См.: Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 4. Сессия 1. 1912–1913 гг. СПб., 1913. С. 11.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1786–1799; Там же. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 2. СПб., 1910. Стб. 2772–2792.

М. И. Пападжанов, националист П. Н. Крупенский, социал-демократ А. И. Чхенкели и др.¹.

Во-вторых, Государственная дума выделила группу приоритетных проблем войны и мира, вокруг которых завязались межфракционные баталии в ходе заседаний. Среди них: определение наиболее оптимальных вариантов решения отдельных внешнеполитических вопросов и основных союзников России; реформирование внешнеполитического ведомства с целью усиления внешнеполитических, стратегических и экономических позиций в различных районах мира; укрепление международной безопасности и налаживание межпарламентских связей; определение целей, задач и перспектив ведения мировой войны, обеспечение союзнических связей с членами антигерманского блока. Решение этих проблем нашло свое конкретное воплощение в пожеланиях, формулах перехода (постановлениях) общих заседаний Думы.

В-третьих, уяснению ситуаций в различных регионах (Балканы, ведущие европейские страны, США) и выдвигению требований общественности, вытекающих из их анализа, способствовали парламентские и частные поездки депутатов за рубеж. Эти посещения иностранных государств вели к повышению авторитета российского парламента, более широкому разъяснению его требований и влияли на позиции стран, которые строили свои дипломатические отношения с Россией. Наиболее активны были в налаживании таких международных связей кадетская фракция и прогрессисты.

Важнейшей проблемой, с которой столкнулись депутаты, стало определение наиболее оптимальных вариантов решения внешнеполитических вопросов и определение выбора главных союзников России. Основными мировыми регионами, приковавшими внимание Думы, стали – Дальний Восток, Балканы, черноморские проливы, Персия, а затем уже, в ходе мировой войны – Европа в целом. Именно здесь «тлели угли» будущей войны и именно здесь мир мог прерваться (что, в конечном счете, и случилось).

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 1008–1110 и т. д.

Обсуждение вопросов внешней политики впервые состоялось в Думе 27 февраля 1908 г. в связи с внесенным Министерством иностранных дел законопроектом о преобразовании в посольство русской миссии в Токио. На нем депутаты практически всех фракций (за исключением социал-демократов) потребовали необходимости коренной реформы внешнеполитического ведомства¹. Среди называемых грехов ведомства крайний правый С. И. Келеповский указывал на прошедшую войну, где министерство «уже подготовило нам однажды Цусиму»².

В целом же, дальневосточный курс правительства на дальнейшее русско-японское сближение был на заседании поддержан октябристами А. И. Гучковым, М. Я. Капустиным, и с некоторыми оговорками – кадетами (П. Н. Милюков), выступившими за преобразование миссии в посольство. Милюков, кроме того, приветствовал первое выступление руководителя внешнеполитического ведомства перед народными представителями³.

Наиболее решительно против идеи реванша высказывался Гучков. «Я полагаю, – заявил он, – что даже какими-либо возможными благоприятными конъюнктурами не следовало бы пользоваться для того, чтобы отвоевать то, что нами там утеряно». Наряду с этим, он требовал от правительственных структур определенных разъяснений, насколько наши интересы на Дальнем Востоке в настоящее время ограждены⁴.

Тревога, прозвучавшая в речи Милюкова по поводу продолжавшейся японской экспансии⁵, оказалась, в дальнейшем, обоснованной. Расширение Японией сфер своего влияния заставило Россию принимать значительные усилия по укреплению своих позиций на востоке (строительство Амурской железной дороги

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 102, 107.

² Там же. Стб. 109–110.

³ См. там же. Стб. 106, 121–123.

⁴ См. там же. Стб. 105.

⁵ См. там же. Стб. 121–122.

и т. д.). Этот процесс сопровождался в стране отходом оппозиционных партий от курса на сближение с Японией.

Обсуждение балканских вопросов началось через месяц после первого внешнеполитического заседания Думы в связи с осложнением положения на самих Балканах. В это время императорская власть особенно нуждалась при проведении своей политики в поддержке общественного мнения. Такие дебаты, в которых окончательно выяснились позиции всех основных политических сил, состоялись 4 апреля 1908 г. в ходе обсуждения сметы МИДа на 1908 г. Они закончились, в целом, поддержкой со стороны кадетов, октябристов и части правых балканской политики правительства России. Но, вместе с тем, представители партии Народной свободы (выступление кадета М. С. Аджемова) потребовали, чтобы Совет министров продолжал внимательно прислушиваться к позиции Государственной думы по внешнеполитическим вопросам¹.

В отличие от кадетов, требовавших проведения активного политического курса на Балканах, основанного исключительно на российских интересах (выступление П. Н. Милюкова), значительная часть правых придерживалась позиции невмешательства в балканские дела, критикуя правительственную балканскую политику. «Мы должны быть осторожны, нужно помнить о японской войне», – говорил В. М. Пуришкевич². Правые требовали исключения «агрессивной российской политики» в этом районе, которая, в ином случае, может привести к европейскому пожару, а также отказа от всяких обязательств в отношении других стран³.

Общим диссонансом стало первое программное выступление наиболее радикальной части социал-демократов по внешнеполитическим вопросам. И. П. Покровский, излагая позицию большевиков, охарактеризовал царизм как международного жандарма, назвал своекорыстием и авантюризмом политику правительства на Дальнем Востоке и на Балканах. Подчеркнув, что обсуждение

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1782–1785.

² Там же. Стб. 1819–1820.

³ См. там же. Стб. 1814–1815.

сметы МИДа в Думе носит формальный характер, поскольку почти 5/6 всех расходов этого ведомства забронировано правительством и обсуждению не подлежит, он в резолюции фракции отверг ассигнования по этой смете¹.

Трудовики, так же, как и социал-демократы, впервые ясно высказавшись по международным вопросам, фактически поддержали кадетов, призвав к «исправлению» внешней политики России, считая это возможным в рамках существующего строя (выступление Н. С. Розанова)².

В целом же, либеральная пресса восторженно писала по поводу «единения» правительства с парламентом³.

Осенью 1908 г. в центре внимания думских кругов оказался Боснийский кризис, вызванный аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, что вызвало возмущение общественного мнения России, направленного, в частности, и против А. П. Извольского. Печать (кроме крайней правой) развернула кампанию за немедленное открытие дебатов в Думе. Непосредственным предлогом к этому стало полицейское закрытие лекции профессора кадета А. Л. Погодина об аннексии.

Немедленно был сделан запрос группы октябристов и кадетов министру внутренних дел по данному случаю. Депутаты признали запрос срочным подавляющим большинством (против – крайние правые). Правительство и ведомства (в том числе военный и морской министры А. Ф. Редигер, С. А. Воеводский) поддержали требования общественности в том, чтобы открыть прения по боснийским событиям в Государственной думе⁴.

Прения состоялись 12 декабря 1908 г. в связи с обсуждением сметы МИДа на 1909 г. Большинство фракций вновь выразило доверие правительству в преодолении кризиса (октябристы, прогрессисты, умеренно-правые, националисты, кадеты). Однако на

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1804–1805, 1812.

² См. там же. Стб. 1816–1817.

³ См.: Голос Москвы. 1908. 6 апреля.

⁴ См.: *Бестужев И. В.* Указ соч. С. 105.

этот раз доверие Думы было представлено в уже разработанной депутатами программе балканской политики, которая объединила основные фракции. Программа выражала горячее сочувствие славянским странам. В ней говорилось о надежде на то, что «правительство приложит усилия к ограждению справедливых интересов» данных государств, «питая при этом уверенность», что такая цель будет достигнута мирным путем, при безусловном соблюдении национального достоинства России¹.

Программа рекомендовалась Министерству иностранных дел, которое придерживалось ранее несколько иного, в сравнении с Государственной думой, курса. В дальнейшем эта программа стала основой тесного непосредственного сотрудничества членов правительства с представителями основных фракций, ориентиром большинства из них в анализе Балканских войн 1912–1913 гг.

В период Боснийского кризиса проходили встречи П. А. Столыпина с председателем Думы и лидерами думских фракций, на которых были подвергнуты детальному обсуждению направления балканской политики России². Совет министров, руководители внешнеполитического ведомства и после кризиса продолжали время от времени устраивать совещания с думскими лидерами. А. И. Гучков регулярно получал информацию из Министерства иностранных дел³.

Такие совместные совещания проводились, часто, без приглашения представителей социал-демократической фракции и трудовиков. Для примера, руководители этих фракций А. Ф. Керенский (трудовик) и Н. С. Чхеидзе (социал-демократ) на заседании Думы 4 марта 1914 г. говорили о том, что, учитывая «антимилитаристские» позиции трудовиков и социал-демократов, председатель Думы 1 марта «не пригласил их прислать» своих депутатов на проводимое руководством Думы совещание лидеров фракций с

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 2676–2677.

² См.: *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 118.

³ См. там же. С. 119.

представителями правительства по вопросам внешней политики и обороны¹.

В результате взаимных консультаций правительство получало от думского большинства не только заверения о поддержке, но и прямую помощь. В период Боснийского кризиса с «Обращением к сербскому народу» выступила группа депутатов Думы (кадеты и октябристы). Они призвали «соблюдать умеренность в сношениях с Австрией». А «Обращение к парламентам всего мира», составленное октябристом Н. А. Хомяковым и кадетом В. А. Маклаковым призывало «предостеречь и остановить Австрию от непоправимого шага»². Поддержка депутатами курса правительства на отказ от агрессивных действий на Балканах, проведение политики нейтралитета было обосновано А. И. Гучковым на заседании Государственной думы вечером 23 февраля 1909 г. Он заявил, что «та сдержанность, то благоразумие, та умеренность, которые руководят нашей внешней политикой, диктуются прежде всего сознанием нашей военной неподготовленности. И пускай внешняя политика будет ныне непопулярна, пускай она привлекает на себя ядовитые стрелы, но я думаю, что она правильна»³. Так, в частности, Думой обосновывалась взаимосвязь внешнеполитической линии страны с состоянием государственной обороны.

В ходе Балканских войн и общего роста международных очагов напряженности накануне Первой мировой войны правительству постоянно приходилось искать объяснения огромным расходам на новые вооружения, разрешения которых правительство требовало от Государственной думы. П. Н. Милоков от имени кадетской фракции регулярно давал обстоятельный анализ международных событий, и в первую очередь, балканского вопроса, а также – ошибок, совершенных нашей дипломатией. Они, считал он, привели к падению влияния России на междуна-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 2. СПб., 1914. Стб. 345–346.

² Голос Москвы. 1909. 3 марта; Новое время. 1909. 4 марта; Речь. 1909. 5 марта.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 157. Л. 38.

родных весах и к крайне неустойчивому положению, созданному на Балканах¹.

В изучаемое время в общественных кругах страны произошел взрыв поддержки славянским народам Балкан в их борьбе и противодействия германизму. Полное сочувствие большинство фракций выразило славянам в ходе двух Балканских войн и негодование за промахи российской дипломатии, в особенности за С. Д. Сазонова, который, по мнению думских кругов, заставил Россию играть ничтожную роль в международных событиях². Не раз члены Думы провозглашали громкие здравицы за дальнейшее сплочение «братско-славянской» семьи во время приезда в Россию болгарского героя Балканских войн Радко-Дмитриева³. Такие выступления, естественно, не могли не вызвать раздражения в высших кругах, обеспокоенных слишком большой активностью депутатского корпуса.

Дело поддержки балканских народов не ограничилось только выступлениями в Думе и прессе. Еще весной 1908 г. было создано, при весомом участии парламентариев, Общество содействия общению славян, куда вошли такие видные деятели Государственной думы, как кадеты, прогрессисты и октябристы: П. Н. Милуков, В. А. Маклаков, А. А. Федоров, Н. Н. Львов, А. И. Гучков, М. Я. Капустин, Н. А. Хомяков и др., и даже несколько крайних правых⁴.

Существенное место в работе Думы занял персидский вопрос. С ним непосредственно связано два запроса депутатов. Первый, 7 мая 1908 г. внесли правые, протестовавшие по поводу бездействия русских властей на границе с Персией. Запрос был сделан с целью давления на правительство, которое, по мнению правых, недостаточно энергично вело борьбу с революцией в Персии. Совет министров немедленно дал разъяснения, подготовив пространную справку, и дело оказалось решенным⁵. Тем самым,

¹ См.: IV Государственная дума. Фракция народной свободы (в период с 15 октября 1913 по 24 июня 1914 г.). Сессия 2. СПб., 1914. С. 28.

² См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 71.

³ См. там же. С. 69–74.

⁴ См.: Слово. 1908. 5 апреля.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 6971. Л. 90–105.

именно правые в данном запросе, сами того не подозревая, открыли таким образом возможность ставить на обсуждение вопросы внешней политики.

Дважды социал-демократы совместно с трудовиками делали запросы о деятельности в Персии полковника В. П. Ляхова, руководившего подавлением персидской революции (запросы от 15 ноября 1908 г. и 1 июня 1909 г.), протестуя против роли жандарма, которую российские власти взяли на себя в иранских событиях¹.

Постепенное осложнение международной ситуации, непоследовательная политика правительственных кругов, особенно накануне Первой мировой войны, не могли не вызвать поляризации сил в Государственной думе. Господствовавшими здесь стали два направления: за союз с Германией (часть депутатов правых фракций) и за союз с Францией и Англией (большинство состава Думы).

Сторонники сближения с Германией (В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков, Г. А. Шечков, И. И. Балаклеев и др.) опасались, что столкновение с Германией и Австро-Венгрией, или с Японией неизбежно ведет к новому военному разгрому России и почти наверняка, в таком случае – к новому революционному взрыву. На заседании Думы 2 марта 1910 г. В. М. Пуришкевич демонстративно говорил о «симпатии, которую мы чувствуем к тому соседу, с которым рядом живем в течение ста лет в доброй дружбе» (т. е. к Германии – А. Д.) и о недопустимости каких бы то ни было шагов, способных «вести к озлоблению против нас тех, кто является нашими соседями»².

В целом же, о существовании в стране «могущественной германофильской партии» свидетельствуют мемуары деятелей думского периода³.

Основные группировки Государственной думы – от кадетов до умеренно-правых – категорически отвергали германскую ориента-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1270–1276; Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1909. Стб. 3122–3123.

² Там же. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 2. СПб., 1910. Стб. 2797.

³ См.: *Vumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 460–468; *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.-М., 1924. С. 34, 186.

цию, доказывая необходимость сближения с Англией и Францией. При этом они указывали на непримиримость русских и немецких интересов¹. Во имя этих целей устраивались публичные обсуждения вопросов ориентации внешней политики страны с привлечением членов Госсовета и Думы, русских дипломатов и т. д.².

В Государственной думе прогерманские интересы имели некоторое влияние до 1910 г. Однако, в последующие 1911–1914 гг. в представительном органе власти, а затем уже в самих верхах, не без думского участия, окончательно победила англо-французская ориентация.

Немаловажное значение в думской работе заняла проблема реформирования внешнеполитического ведомства. Для нас ее рассмотрение важно не само по себе, а в плане укрепления российских приоритетов в военно-политических, стратегических и экономических областях в различных мировых регионах.

В общих чертах, установки, предложенные Думой Министерству иностранных дел, включали следующие положения:

1. Изменение структуры министерства в соответствии с содержанием его деятельности, связанное, в первую очередь, с преобразованиями центральных учреждений ведомства. Дума особенно настойчиво требовала этих реформ в 1907–1912 гг.

Соответствующий законопроект был разработан правительством по инициативе А. П. Извольского и внесен в Думу в 1910 г. Однако депутаты не смогли его рассмотреть в связи с окончанием срока полномочий III Думы. И лишь 6 июня 1914 г. проект закона «Об изменении учреждения и штатов центральных установлений» МИДа депутаты одобрили³.

2. Реорганизация заграничных учреждений внешнеполитического ведомства, консульской службы. Упразднение потерявших свое значение миссий и консульств и учреждение их там, где этого требовали внешнеполитические, военные и торговые интересы России.

¹ См.: *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 317.

² См.: Речь. 1910. 24 января.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 5. СПб., 1914. Стб. 679–681.

К примеру, были созданы миссии и консульства в Софии, Тегеране, Праге и других местах. При этом депутаты внесли ряд существенных изменений в некоторые рассматриваемые ими законопроекты. Так, на закрытом заседании Государственной думы 6 июня 1912 г. депутаты не согласились с планом МИДа по упразднению консульства в Гонконге. Это мнение депутатов, предложенное докладчиком комиссии по направлению законодательных предположений Н. А. Антоновым, мотивировалось следующими несколькими причинами:

а) несмотря на значительное дипломатическое сближение с Англией, отношения России с ней могут измениться;

б) Гонконг – это солидный экономический центр. Там есть русские интересы, которые могут развиваться и в будущем;

в) наше консульское представительство слабо. И надо развивать консульскую сеть, а не сокращать без особых надобностей.

Представитель правительства В. А. Арцымович согласился с позицией Думы¹.

3. Изменение порядка прохождения дипломатической службы с установлением регулярного обмена служащих между заграничными центральными учреждениями министерства, а также между собственно дипломатической и консульской службами. Введение образовательного ценза для поступления на дипломатическую службу и «твердо регламентированного» порядка прохождения службы.

Эти положения, выдвинутые парламентариями, были связаны с низким уровнем подготовки дипломатов. При рассмотрении в феврале 1908 г. законопроекта о преобразовании в посольство русской миссии в Токио некоторые депутаты (правый С. И. Келеповский, октябрист А. А. Уваров) прямо связывали втягивание России в японскую военную авантюру с невежеством дипломатов и незнанием ими положения дел на местах². С. И. Келеповский утверждал, что если бы МИД «был на высоте, то мы бы знали, к чему готовится Япония, что нас ожидает и результаты войны были

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 634. Л. 2.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 110, 376.

бы не те»¹. Не случайно и П. Н. Милюков настаивал на необходимости иметь хорошо осведомленных наших представителей в Токио².

На этом же февральском (1908 г.) заседании депутаты подняли вопрос, связанный с последствиями русско-японской войны – о незнании военными и дипломатами японского и других азиатских языков (умеренно-правый П. Н. Крупенский и др.)³. А в дальнейшем, в апреле 1912 г. Думой (по инициативе П. Н. Крупенского) была принята формула перехода, в которой предлагалось правительству учредить восточную академию «для дела правильной постановки преподавания восточных языков» в целях обеспечения кадрами внешнеполитического и других ведомств (в том числе морского и военного)⁴.

Разрешение проблем международной безопасности и налаживания межпарламентских связей было нелегким для депутатского корпуса уже в том смысле, что прерогатива «внешних сношений» Российского государства с иностранными державами находилась в сфере императорской власти. И вполне естественно, что в законодательном органе власти постоянно происходили инциденты, связанные с действиями правых депутатов. Последние протестовали против поездок членов Думы за рубеж, ответных визитов иностранных парламентариев в Россию. Для их пресечения В. М. Пуришкевич грозился «пустить» монархические организации⁵. Выходом за пределы компетенции представительного органа власти правые считали даже попытки депутатов послать телеграммы от имени Государственной думы. Среди них: Болгарскому народному собранию – поздравление по случаю признания независимости Болгарии⁶, анг-

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 111.

² См. там же. Стб. 122.

³ См. там же. Стб. 109.

⁴ См. там же. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 2296.

⁵ См.: III Государственная дума. Фракция народной свободы (в период с 10 октября 1909 по 5 июня 1910 гг.). Сессия 3. СПб., 1910. С. 70.

⁶ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1592.

лийской палате общин – соболезнование по поводу смерти короля Эдуарда VII¹. А крайние правые не раз ставили вопрос о самом прекращении рассмотрения проблем внешней политики на заседаниях Государственной думы².

Несмотря на все эти действия правых, большинство членов нижней палаты парламента было настроено на расширение международных связей депутатского корпуса и участия его в разрешении внешнеполитических вопросов.

Уже в ходе работы Государственной думы первого созыва была осуществлена попытка депутатов, хоть и неудачная, включиться в борьбу за сохранение мира, ликвидацию насильственных средств разрешения международных столкновений и замену их правовыми. В начале июля 1906 г. состоялась первая поездка избранных I Думой шести депутатов (кадеты Ф. И. Родичев, А. В. Васильев, М. Я. Острогорский, А. А. Свечин, М. М. Ковалевский, трудовик А. Ф. Аладьин) в Лондон на межпарламентскую конференцию. Вернуться обратно в Россию, до начала работы конференции, депутаты были вынуждены в связи с роспуском Думы. Лишь руководитель делегации М. М. Ковалевский, по решению делегации, выступил на ней с коротким словом на английском языке³.

Депутатами I Думы было положено начало и существованию русской межпарламентской группы, которая скоро распалась⁴. В конце II сессии III Думы по инициативе прогрессиста И. Н. Ефремова работа группы возобновилась. В бюро группы вошли, в основном, представители кадетской фракции, принявшие затем активное участие в организации ее работы (П. Н. Милуков, Ф. И. Родичев, А. И. Шингарев). По окончании вышеупомянутой

¹ См.: III Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 294–295.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 2. Стб. 2792.

³ См.: *Васильев А.* Идея парламента мира и I Государственная дума. Пг., 1916. С. 152.

⁴ См.: III Государственная дума. Сессия 2. Отчет фракции народной свободы и речи депутатов. СПб., 1909. С. 54.

сессии 15 депутатов во главе с председателем Н. А. Хомяковым приняли приглашение от межпарламентского комитета¹ посетить Англию и Францию², что сыграло определенную роль в борьбе Думы за определенный контроль над отечественной внешней политикой. Эта поездка в июне 1909 г., по мысли ее инициаторов, призвана была как бы противостоять факту очередного свидания русского и немецкого императоров. Как средством косвенного влияния на политику России стали длительные беседы А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова и других членов Государственной думы (при участии русских послов в Лондоне и в других городах) с министрами иностранных дел Англии и Франции³.

Ответный визит французской парламентской делегации в феврале 1910 г. сопровождался множеством торжественных приемов, банкетов, речей и комментариев в печати, обратясь, таким образом, в средство пропаганды укрепления франко-русского союза, что, впрочем, и не скрывали ни гости, ни принимавшие их хозяева⁴.

Осуществлялись и частные поездки отдельных депутатов в различные страны мира. К примеру, П. Н. Милюков побывал в 1907–1909 гг. в США, на Балканах, в Англии; в 1912 г. – вновь в балканских странах⁵. Это существенно помогало ему в подготовке к выступлениям в Государственной думе по международным вопросам.

Начало Первой мировой войны обусловило необходимость определения Государственной думой целей, задач и перспектив ее

¹ В него входили самые влиятельные политические и общественные деятели Англии – авт.

² В поездке приняли участие только представители блока умеренно-правых, октябристов и кадетов. Крайние правые, с одной стороны, трудовики и социал-демократы, с другой, отказались от поездки – авт.

³ См.: Слово. 1909. 4 июня; Новое время. 1909. 10 июня; *Ефремов И.* Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. СПб., 1911. С. 138.

⁴ См.: Речь. 1910. 2, 5, 13, 14 февраля; Голос Москвы. 1910. 9, 11 февраля.

⁵ См.: *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 296–309, 351–366.

ведения, нашедших свое обоснование в разработанной депутатами (в первую очередь – кадетского направления) идеологии войны.

На первом же «военном» заседании Думы, созванном на основании указа императора Правительствующему Сенату, 26 июля 1914 г., лидеры практически всех фракций (кроме социал-демократов) выступили с призывом сплотиться вокруг «своего Государственного вождя, ведущего Россию в священный бой с врагами славянства», отложив в сторону внутренние споры с правительством¹.

Общее идеологическое определение значения войны как освободительной, поддержанное большинством депутатов, было дано уже на июльском (1914 г.) заседании Думы в кадетской фразе П. Н. Милюкова: «Наше дело – правое дело. Мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянства – от германского преобладания; всего мира – от невыносимого гнета постоянно растущих вооружений, разоряющих мирных тружеников и вызывающих все новые и новые вооруженные столкновения»².

В формуле перехода, принятой Думой на данном заседании после объяснений правительства и их обсуждения, отмечалось, что Советом министров были исчерпаны все средства для сохранения мира, отвечающие достоинству России, как великой державы. Дума выразила убеждение в том, что в тяжелый час испытаний все народы страны, объединенные единым чувством любви к Родине «твердо веруя в правоту своего дела, по призыву своего Государя» готовы встать на защиту Родины, «ее чести и достоинства». Было заявлено о полной готовности депутатов содействовать делу обороны страны и обеспечения помощи семьям фронтовиков. Братский привет посылался доблестным защитникам России³.

На следующей сессии, в январе 1915 г., продолжалось обоснование депутатами идеологии войны. Тот же П. Н. Милюков под-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 1–28.

² Там же. Стб. 24.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 29.

черкивал глубокий нравственный смысл участия в войне «двух наиболее передовых демократий современного человечества» (т. е. Англии и Франции – А. Д.), и что «это участие обеспечивает России полное достижение освободительных целей этой войны». Данные цели он определял как устранение «стремления германства к господству над миром, которые создавали необходимость бесконечного роста вооружений», становившегося причиной кровопролитных войн. Он противопоставлял этому «утверждение мирного правового сожительства народов на основах взаимоуважения к самостоятельности каждого»¹.

В июле 1915 г. председатель Думы и лидер октябристов М. В. Родзянко при открытии очередной сессии отмечал, что переживаемая война уже не является противоборством армий, а властно требует участия в ней всего нашего народа. И от «имени народа» он заявлял, что растёт решимость довести войну до единого возможного конца – решительной нашей победы над врагом. А осуществление этой задачи требует высшего напряжения сил и полного объединения страны.

Итоги выработки внешнеполитических ориентиров государства на ближайшее будущее, а они конкретно, выражались, кроме полной победы над германским блоком, в территориальных приобретениях России, были представлены в думских выступлениях большинства фракций от правых до кадетов. В наиболее концентрированном виде эти притязания нашли свое отражение в программной статье П. Н. Милюкова «Территориальные приобретения России»². Их можно свести к следующему:

- а) присоединение к России и объединение в этнографических границах русских народностей Галиции и Угорской Руси;
- б) освобождение и объединение в этнографических границах Польши, предоставление ей автономии в составе Российской империи;

¹ IV Государственная дума. Фракция народной свободы (26 июля 1914 г. – 3 сентября 1915 г.). Пг., 1916. С. 7.

² См.: Милюков П. Н. Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны? Сборник статей. Пг., 1915. С. 50–62.

в) приобретение в полное обладание Россией проливов Босфор и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов», а также Константинополя;

г) объединение в этнографических границах Армении под протекторатом России¹.

В результате победы и территориальных приобретений должны были укрепиться стратегические позиции России; усилено ее политико-экономическое и военное могущество; защищены интересы малых, прежде всего, славянских народов; открыт путь к принципиально иной международной организации Европы; освобожден внутренний рынок от германского засилья².

Как видим, с победоносным исходом войны подавляющая часть фракций Думы связывала экономический, политический, культурный и военный прогресс страны, перспективу укрепления ее международного авторитета, сближение со странами буржуазной демократии.

Из этих общестратегических замыслов логически вытекал лозунг укрепления союзнического сотрудничества со странами Атланты. И Государственная дума стала, в условиях постоянных колебаний правительственных кругов, той «стержневой осью», которая в значительной степени обеспечивала незыблемость союзнических обязательств. В ответ на заявление 2 декабря 1916 г. главы внешнеполитического ведомства Н. Н. Покровского о том, что Германия, захватив часть территории России, выступает с официальным предложением начать мирные переговоры, октябрист С. И. Шидловский выступил с формулой перехода от имени групп и фракций: независимых правых, русской национальной фракции, прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, союза 17 Октября, кадетов, прогрессистов, польского кола, польско-литовско-белорусской группы, мусульманской группы и

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 3237–3272.

² См.: *Шелохаев В. В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 127–140.

группы независимых. В этой формуле, принятой Думой, депутаты единодушно присоединились к решительному отказу союзных правительств вести какие бы то ни было переговоры о мире при настоящих условиях. Дума считала, что германское предложение мира является лишь новым доказательством ослабления противников России и лицемерным шагом, рассчитанным на сложение с себя ответственности за начало войны и за ее продолжение перед общественным мнением Германии. Указывалось, что прочный мир возможен только после решительной победы над военным могуществом наших врагов и после окончательного отказа Германии от тех стремлений, которые сделали ее виновницей войны¹.

Правые считали, что русский народ «затрачивает гораздо больше своей крови, чем наши союзники», которые «мудро и разумно берегут свои войска, дабы к моменту заключения мира не быть окончательно обессиленными» (Н. Е. Марков)². В свою очередь, участники образовавшегося в августе 1915 г. из большинства членов Думы и Государственного совета Прогрессивного блока всячески превозносили заслуги союзников. Так было 17 февраля 1916 г. на банкете общества русско-английского флага (П. М. Милюков)³, при посещении Англии, Италии, Франции парламентской делегацией России. В ней приняли участие 17 человек (6 – из числа Госсовета, 11 – Госдумы). В состав входили кадеты, земцы-октябристы; представители партии центра, националистов, польско-литовского кола. Парламентская делегация весной 1916 г. побывала на фронтах: англо-бельгийском, французском и итальянском. Ей показали военные заводы, арсеналы, аэродромы⁴.

Поездка русских парламентариев укрепила у союзников, правда ненадолго, веру в прочность участия России в войне. После возвращения домой члены делегации (П. Н. Милюков, А. И. Шингарев,

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 664.

² Там же. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 4094.

³ См.: Речь. 1916. 18 февраля.

⁴ См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Л., 1967. С. 186–187.

В. Я. Демченко, Б. А. Энгельгардт) на заседаниях Думы, в комиссии по военным и морским делам выступили с пространными речами, в которых восхищались «колоссальным размахом» военной индустрии союзников, «поразительным единством» всех классов населения в союзных странах¹.

Активные контакты думские лидеры наладили с участниками конференции союзников в Петрограде (19 января – 7 февраля 1917 г.), что вызвало большое раздражение придворных кругов².

Но в это время внутреннее единство в России было уже взорвано. И не помогли здесь ни доблесть русских войск, ни полководческие качества целого ряда военачальников. Разрыв единства, в конечном счете, привел к тому, что внешняя война для России стала постепенно перерастать во внутреннюю.

Таким образом, за годы деятельности Государственной думы сформировалась разнообразная палитра позиций и мнений думских фракций по внешнеполитическим вопросам, проблемам войны и мира.

Большинство думских депутатов (кадеты, прогрессисты, октябристы, умеренно-правые, часть националистов и правых) выступали за сохранение общеевропейского мира. Их отличало наличие сдержанности в подходах при анализе международных «горячих точек» в начале века, что, в основном, отвечало политике правящих кругов страны. Лишь кадеты из этой группы фракций выступали за более активное проведение внешнеполитической линии правительством страны в поддержку славянских народов. Но, как правило, и они открыто в предвоенные годы не призывали к агрессивным действиям Российского государства.

Критическая оценка парламентариями деятельности внешнеполитического ведомства и конкретные предложения дополняли официальную политику, что служило, в значительной степени, опорой руководству страны. Их открытые симпатии к укреплению сотрудничества с Англией и Францией в годы войны превратились в налаживание тесных союзнических связей между странами Антанты.

¹ См.: *Дякин В. С.* Ука. соч. С. 187.

² См.: *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 199–200.

Правые и часть националистических фракций в довоенное время настаивали на сохранении традиционных дружественных связей со странами германского блока. Они боялись активных действий России в Европе (в том числе на Балканах), которые могли бы пойти в ущерб Германии. Данная позиция подкреплялась требованием о «невмешательстве» Думы во внешнеполитическую прерогативу императора и правительства.

События мировой войны заставили правых в значительной степени изменить свои позиционные установки. Нападение Австро-Венгрии на Сербию, бомбардировки Белграда, начало боевых действий между армиями двух враждебных блоков окончательно предопределили переход бывших союзников «прусского самовластия» на сторону его противников. Однако и в военное время от них с думской трибуны сыпались упреки в адрес союзников, особенно, Англии, с мыслью, что «они сваливают всю тяжесть войны на Россию»¹.

Правые депутаты (Н. Е. Марков и др.) обвиняли Думу, Государственный совет, все русское интеллигентское общество в том, что плодами гаагского миролюбия воспользовалась Германия, которая в предвоенные годы, в отличие от нас и наших союзников, вооружалась до зубов. «Перестаньте поклоняться миролюбию ... Никакого международного права нет» – обращались они к кадетам, прогрессистам, которые, по их мнению, увлекались до войны пацифизмом»².

Социал-демократы в своих думских действиях развернули активную агитацию против «контрреволюционной внешней политики правительства и поддерживающих его партий», а также против «империалистических и националистических устремлений» кадетов и октябристов. Как и трудовики, социал-демократы считали русскую внешнюю политику захватнической, не отвечающей интересам народа. Социал-демократ Н. С. Чхенкели предрекал, что рост вооружений ни к чему хорошему не приведет. «Мы идем на-

¹ См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967. С. 174.

² Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 50–55.

встречу общеевропейской развязке, – говорил он с трибуны Думы в мае 1914 г., – когда придется вступить в решительный бой не народам, а господствующим и угнетенным классам всех народов»¹.

Во время войны социал-демократы, которых фактически поддерживали трудовики, выступали за ликвидацию самой войны, начатую правительствами вопреки «воле народов». Самими народами, при этом условии, утверждали они, «будет обеспечен и прочный, устойчивый мир: мир без аннексий и контрибуций»².

Впоследствии по вопросу о войне думская фракция РСДРП раскололась на две части. Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, В. И. Хаустов, ссылаясь на решения Циммервальдской социалистической конференции (сентябрь 1915 г.), продолжали отстаивать лозунг «борьбы за мир». Другая же группа, в которую входили А. Ф. Бурьянов, И. Н. Маньков, А. И. Чхенкели, стояла на позиции Г. В. Плеханова, т. е. вышеназванные депутаты требовали продолжения войны до полной победы. При этом Бурьянов и Маньков сделали соответствующее заявление о своем отношении к войне на заседании Государственной думы 12 февраля 1916 г.³

Император, правительство вынуждены были делать из опыта обсуждения вопросов внешней политики, проблем войны и мира в Думе в военное и мирное время определенные выводы. При этом П. А. Столыпин находил вполне возможным даже такое положение, когда под давлением общественного мнения правительству пришлось бы пойти на изменение курса внешней политики или даже на войну⁴. А П. Н. Милюков, в свою очередь, публично констатировал тот факт, что активность общественных кругов оказала «известное влияние на руководителей нашей иностранной политики»⁵.

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 410.

² Там же. Созыв 4. Заседание 26 июля 1914 г. СПб., 1914. Стб. 20.

³ См. там же. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1516–1522.

⁴ См.: *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 80.

⁵ См.: *Милюков П. Н.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910. С. 7.

Англо-французская ориентация основной части думского корпуса, в конечном счете, заставила царскую дипломатию плыть в форватере антантовского союза.

При активном участии Государственной думы произошла своеобразная модернизация внешнеполитического ведомства, что способствовало повышению профессионального уровня русской дипломатии. Был обсужден и одобрен депутатами, а также частично осуществлен проект коренной реформы центральных учреждений МИДа (созданы политический, правовой отделы, бюро печати и пр.). Однако реорганизация заграничной службы так и не была осуществлена из-за начавшейся мировой войны.

В военные годы влияние общественных организаций, оппозиционных сил, в частности, Государственной думы, на принятие внешнеполитических решений (особенно в 1914–1915 гг.) снизилось, что было связано с естественными военными условиями, действием чрезвычайных органов власти и расширением сети секретной дипломатии. Вместе с тем, взятая на себя депутатами Думы разработка идеологических основ ведения войны, забота о сохранении союзнического единства играли важную роль в решении нелегких проблем войны и мира.

В результате, не только в решении военных, но и внешнеполитических вопросов, проблем войны и мира Государственная дума на практике становилась органом, с которым было вынуждено считаться самодержавие. Это свидетельствует о том, что Россия развивалась в рамках общеевропейской тенденции разделения властей. А она, в свою очередь, предусматривала постепенное повышение роли представительных органов власти во всех областях общественно-политической жизни страны с ориентацией на мирное разрешение ветвями власти возникающих проблем.

2.2. Военно-экономические аспекты оборонной политики России в решениях Думы

Военные и морские приготовления России требовали колоссальных расходов, размеры которых стремительно возрастали. Как бы ни были значительны абсолютные цифры ассигнований

по сметам Военного и Морского министерств, они еще не выражали общей совокупности затрат на военные нужды государства, так как многие потребности обороны удовлетворялись за счет других источников и проходили по графам иных ведомств (строительство стратегических железных и шоссейных дорог, содержание пограничной стражи, различные денежные пособия инвалидам или их семьям, некоторые расходы по военной части в казачьих областях и т. п.).

Первые годы работы Государственной думы (1906–1909 гг.) были характерны отчаянным положением государственного казначейства. Относительно слабо развитая экономика страны была явно не в состоянии обеспечить удовлетворение всех непосильных для нее оборонных требований. Более того, последствия русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. сократили доходную часть бюджета (прекратились ежегодные поступления в 90 млн рублей, взимаемые с крестьян в виде выкупных платежей) и одновременно увеличили на 90 млн рублей расходную часть (выплата процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов)¹. Такие изменения не могли не сказаться на состоянии отпуска средств на государственную оборону (в результате, и первичное реформирование армии и флота шло, во многом, вхолостую). В данный период Совет министров одобрил план министра финансов В. Н. Коковцова о перечне удовлетворения новых ассигнований оборонных министерств (винная монополия, увеличение прямых и косвенных налогов: подоходного налога, налога на наследство, на табак, гербовый сбор и т. д.) и вошел с ним в 1909 г. в Думу. Но последняя не торопилась с рассмотрением указанного законопроекта, а вскоре надобность в нем значительно уменьшилась в связи с улучшением финансового положения России, что не требовало больше «приведения в действие экстренных мер»².

¹ См.: *Шаццлло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 203.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 634. Л. 94.

Начало финансового оздоровления страны (с 1909–1910 гг.) позволило Думе в полную меру подключиться к решению целого ряда оборонных экономических проблем:

а) принятию необходимых для армии и флота военных и морских программ;

б) строительству важных, в стратегическом отношении, железных дорог;

в) наведению порядка и повышению производительности работы оборонных заводов;

г) в годы мировой войны – созданию органов военно-экономического управления и обеспечению фронта всем необходимым.

Стоит отметить, что решение значительной части этих военно-экономических проблем началось уже в 1908 г., т. е. в условиях серьезных финансовых трудностей России. Несмотря на бюджетный голод, правительство посчитало нужным, в связи с тяжелым военно-стратегическим положением на востоке, вызванным расширением экспансии Японии, начать железнодорожное строительство. Всего же, по расчетам Министерства путей сообщения, на улучшение пропускной способности путей, строительство планируемых Амурской и Тюмень-Омской железных дорог и прокладку второй колеи Сибирского железнодорожного полотна, на работы по улучшению водных путей необходимо было израсходовать около полутора миллиардов рублей в течение 5 лет¹. Вполне естественно, что данные планы правительства не могли не встретить самого серьезного обсуждения и столкновения позиций различных политических сил в стенах Таврического дворца. Более того, новое строительство подверглось предварительной строгой общественной экспертизе в представительном органе власти.

Вопрос о строительстве Амурской железной дороги² обсуждался в марте 1908 г. на ряде заседаний Государственной думы, которым предшествовала бурная компания в печати³. Законопро-

¹ См.: *Шаццлло К. Ф.* Указ. соч. С. 203.

² Участок Транссибирской магистрали Чита – Хабаровск. Протяженность – 2040 верст. Закончено строительство в 1916 г. – авт.

³ См.: Россия. 1908. 3, 5, 7 и 8 марта.

ект сначала рассматривался на соединенном совещании комиссий по государственной обороне, о путях сообщения и бюджетной, а затем каждой из этих комиссий в отдельности.

Против законопроекта выступили кадеты, прогрессисты, социал-демократы, трудовики, мирнообновленцы. Свои отрицательные доводы они обосновывали следующими положениями:

1) трата почти 300 млн рублей на железнодорожное строительство в настоящее время для государства является «непосильной и безумной затеей». Страна наша ослаблена и необходимо все силы народа направить на возрождение центра и западных районов страны, внутреннюю «культурную» работу, т. е. на рост экономического благосостояния масс и народного образования (кадет А. И. Шингарев)¹;

2) правительство не извлекало уроков из истории, не уяснило, насколько стране нужен глубокий мир и вновь вовлекает народ в военную авантюру (кадет Ф. И. Родичев)²;

3) железнодорожная линия станет, в случае начала боевых действий, «легким призом» для наших неприятелей. Стратегическая необходимость требует строительства на востоке крепостей (кадет А. Ф. Бабянский)³;

4) нет общего плана, целей, задач строительства. Правительство не знает местности. Надо быть осторожными. Как бы то, что хотим строить, не обернулось против нас – как это случилось с Китайской Восточной железной дорогой (далее – КВЖД)⁴ (мирнообновленец Н. Н. Львов)⁵;

5) военное ведомство раньше занималось «шапкозакидательством», а сейчас действует под влиянием паники. На деле же, на-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 952–954.

² См. там же. Стб. 1389–1400.

³ См. там же. Стб. 1443–1444.

⁴ Южное направление КВЖД по Портсмутскому договору 1905 г. отошло к Японии – авт.

⁵ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 939–945.

ше положение в Маньчжурии довольно крепко. Более безопасным является совершенствование водного пути по реке Амур (кадет А. Ф. Бабянский)¹;

б) в строительстве дороги заинтересован не народ, а промышленники, высшие слои общества (социал-демократ Н. С. Чхеидзе)²;

7) нужны первоочередные коренные реформы в интересах крестьянства (трудовик А. А. Булат)³.

Следует заметить, что многие противники строительства не отрицали саму необходимость иметь такую дорогу. Они лишь требовали перерыва в налоговом бремени на определенное время и строительства дороги в перспективе (А. И. Шингарев)⁴.

В защиту законопроекта в Думе активно высказывались министр путей сообщения Н. К. Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус⁵, помощник военного министра А. А. Поливанов⁶. Их поддержали ораторы крайних и умеренных правых, октябристов, а также депутаты – представители восточных окраин страны: социал-демократ Ф. Н. Чиликин (Амурская область)⁷, кадет Н. К. Волков (Забайкальская область)⁸. С большой речью выступил в том же духе П. А. Столыпин.

Среди доводов сторонников строительства выделялось следующее:

1. Это законопроект чрезвычайной государственной важности. Главная цель – дороги, защита русских дальневосточных окраин, с которыми связь центра слаба. Основная ее роль – стратегическая. Получено согласие компетентных военных чинов на

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1448–1450.

² См. там же. Стб. 1480–1482.

³ См. там же. Стб. 1510–1512.

⁴ См. там же. Стб. 1536–1538.

⁵ См. там же. Стб. 915–925.

⁶ См. там же. Стб. 926–929.

⁷ См. там же. Стб. 971–972.

⁸ См. там же. Стб. 1494–1498.

строительство дороги. Министерство финансов этот расход, по его заявлениям, выдержит (октябрист Н. В. Савич)¹.

2. Постройка дороги освободит государственное казначейство от многих расходов на содержание сильной армии на Дальнем Востоке, необходимости постройки большого числа крепостей и казарм для солдат. Тем самым будет обеспечено удешевление обороны восточных границ (умеренно-правый В. А. Бобринский)².

3. Появляется возможность, при громадности нашей территории, быстро перебрасывать армию из одного угла страны в другой (А. А. Поливанов)³.

4. Построив дорогу, можно будет спокойно заняться внутренними делами, не отвлекаясь с тревогой на дальневосточные рубежи (октябрист Н. В. Савич)⁴.

5. «Суровая окраина» богата золотом, лесом, пушниной и т. д. Необходима ее быстрая колонизация (чтобы армия имела оплот в местном населении). В ином случае, ее заселят «чужестранцы» (а это уже происходит) (П. А. Столыпин)⁵.

6. Отмечается значительный рост вооружений в соседних странах (Китай). Только тогда в государстве будет мир, когда все будет приготовлено для войны (крайний правый В. М. Пуришкевич, независимый депутат А. А. Уваров)⁶.

7. Еще со времен постройки Сибирской железной дороги вопрос о необходимости сооружения такого же полотна по левому берегу Амура не сходит со страниц русской печати. Появилась возможность связать рельсами Уссурийский край с Восточной Сибирью независимо от КВЖД⁷.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1541–1544.

² См. там же. Стб. 962–970.

³ См. там же. Стб. 926–927.

⁴ См. там же. Стб. 900–904.

⁵ См. там же. Стб. 1410–1416.

⁶ См. там же. Стб. 948–950, 1330–1332.

⁷ См.: *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 282.

В прениях в ходе общего обсуждения данного законопроекта в Думе было записано 78 депутатов. Выступили многие из них. Большинство депутатов поддержало предложение своих комиссий о разрешении постройки Амурской железной дороги. Однако правительство вынуждено было согласиться с мнением комиссий об экономическом предпочтении начала постройки магистрали не от города Нерчинска, как оно планировало, а от станции Куэнга. А Нерчинск, удобная стратегическая и продовольственная база, связывался ветвью с линией Забайкальской железной дороги.

Дума решила «дозировать» строительство магистрали в порядке ежегодных сметных ассигнований. Тем самым, законодательные учреждения брали под свой контроль ход дорожного сооружения и выделение средств распределялось на несколько лет вперед¹.

Приняв во внимание, что формирование новой японской армии должно было закончиться к 1913 г. и к этому же сроку ожидалось исполнение американской программы судостроения, комиссия по государственной обороне единогласно признала необходимым оговорить в законе, чтобы работы по сооружению дороги были закончены к 1912 г. Дума указала Министерству путей сообщения, чтобы для работ по сооружению дороги привлекались исключительно русские рабочие, в том числе, запасные нижние чины, а также, если это окажется возможным, и железнодорожные батальоны².

Ассигнование средств на Амурскую железную дорогу, для более прочной связи окраин страны с центром, вело к необходимости постройки второй колеи Сибирской³ и Тюмень-Омской железных дорог.

Рассмотрение соответствующих законопроектов в июне 1908 г. проходило более быстро и безболезненно, нежели по амурской магистрали. Положительные решения, с некоторыми конкретными предложениями комиссий, были приняты депутатами,

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 1576–1578.

² См. там же. Стб. 1578–1583.

³ См.: Железная дорога от Омска через Иркутск до станции Байкал. Протяженность 3214 верст – авт.

фактически, без серьезных сопротивлений. Лишь один трудовик Н. С. Розанов высказался открыто против постройки второй колеи Сибирской дороги¹.

Резкое усиление враждебных антирусских настроений в Турции в 1910–1911 гг. и быстрый рост в ней гонки вооружений заставил правительство России принять надлежащие меры к укреплению сухопутной Кавказской оборонительной линии, как по турецкой границе, так и по Черноморскому побережью. Стратегические и экономические интересы государства требовали соединения Закавказья с внутренними районами России. С этой целью правительство приняло решение выйти в Государственную думу с законопроектом о финансировании сооружения Черноморской железной дороги. Данная постройка должна была иметь временное значение для военного ведомства, пока не будет сооружена Перевальная дорога через Главный Кавказский хребет. Расчеты показывали, что время на постройку Черноморской дороги (4 года) и затраты обходились значительно меньше, чем на сооружение Перевальной дороги (9 лет). На совместных заседаниях комиссий о путях сообщения и по государственной обороне 26 марта и 28 апреля 1911 г. парламентарии, поддерживая правительственный проект, утвердили стоимость производства изысканий будущего пути и составления проекта дороги².

Следует отметить, что почти одновременно с проектом Черноморской дороги, представленный в Думу и рассмотренный ею 13 мая 1911 г. законопроект об отпуске кредита на производство Перевальной железной дороги через Главный Кавказский хребет был отклонен депутатами по причине не проработанности внесенного документа³.

В канун и в годы Первой мировой войны продолжалось железнодорожное строительство. Тщательное обсуждение в трех думских

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 2084–2086.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3329. Л. 134.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 4322–4323.

комиссиях (бюджетной, по военным и морским делам, о путях сообщения) прошел важный в стратегическом отношении проект закона, внесенный Министерством путей сообщения о «производстве изысканий» для постройки железнодорожной линии Рязань-Тула-Сухиничи-Барановичи-Варшава. Поддержав законопроект, депутаты, вместе с тем, предложили ведомству изменить маршрут прокладки не через г. Сухиничи, а через город Рославль, обосновывая это целым рядом военно-экономических факторов¹.

В 1915–1916 гг. в стенах Думы активно обсуждались вопросы строительства Мурманской железной дороги².

Обширные планы правительства и общественных кругов по укреплению государственной обороны требовали бесперебойной работы заводов, и в первую очередь, военных.

В промышленности России казенные заводы принадлежали, в основном, Морскому министерству – Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский, Обуховский; военному ведомству – Тульский, Сестрорецкий, Ижевский оружейные, Пермские орудийный и сталелитейный заводы, патронные, пороховые, трубочные, снарядные, заводы по производству взрывчатых веществ и пр. Уральские заводы Министерства торговли и промышленности почти исключительно работали на военные нужды.

Получая регулярно военные заказы, казенные заводы то в пожарном порядке расширяли производство, то свортывали его ниже экономически допустимого уровня, но не «прогорали», так как казна не могла допустить этого. Выступая в Государственной думе III созыва, министр торговли и промышленности С. И. Тимашев заявлял: «казенные заводы имеют одно преимущество перед частными: они не могут обанкротиться»³.

Это «преимущество», а также, долгострой стали главным тормозом совершенствования государственного хозяйства и основной причиной вопиющей бесхозяйственности, казнокрадства и

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 199. Л. 1–2.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 287–289.

³ Цит. по: *Шаццлло К. Ф.* Казенная промышленность царской России // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 37.

безответственности, которые, по мнению значительного числа депутатов, господствовали здесь. Данные пороки, в свою очередь, приводили к технической отсталости казенных заводов, их задолженности в финансовом отношении.

При обсуждении сметы Морского министерства на 1908 г. кадетом А. Ф. Бабяньским было указано, что Обуховский завод все расширял свои производства, а вместе с тем и накапливал долги, сумма которых к 1908 г. равнялась 13 млн рублей. Благодаря этим долгам завод оказался в очень тяжелом положении, и единственным выходом из него было давать заводу все новые заказы¹.

На задолженность морских заводов и на бесхозяйственность ведения в них дел обращал внимание кадет М. В. Челноков при рассмотрении сметы Морского министерства на 1910 г. Как выяснилось в бюджетной комиссии, заявил Челноков, никому неизвестно, сколько задолжало ведомство заводам и сколько должны сами заводы. В общем, по Балтийскому и Адмиралтейскому заводам долг достигал 11 млн рублей. К тому же, станки и машины устарели, техническое оборудование предприятий находится в печальном положении. Поэтому, считал Челноков, чтобы заводы могли строить большие корабли, необходимо их вновь оснащать².

Неразбериха в финансовом положении заводов была в первые годы работы Государственной думы следствием незнания со стороны Совета министров истинного положения дел на предприятиях, доках³. А затем, с течением времени, когда члены бюджетной комиссии стали пристальней вникать в действительное хозяйственное состояние дел на заводах, ведомства замалчивали информацию или давали цифры, которые их устраивали. Со страниц отечественных газет не сходили следовавшие одно за другим разоблачения воров и взяточников, буквально заполонивших хозяйственные отделы ведомств, заводские администрации. Об этом говорят результаты специальных сенаторских ревизий и проверок

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1260.

² См. там же. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1472–1473.

³ См.: *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 113.

сенаторов В. И. Гарина, С. Н. Дедюлина, Д. Б. Нейдгарта и других, боровшихся с лихоимством чиновников¹.

Необорудованность предприятий для постройки судов, запущенность на них счетов, печальное положение технического оборудования, большие задолженности заводов способствовали появлению беспрецедентного случая в условиях самодержавной России, когда Государственная дума отказывала в течение 1908–1911 гг. в ассигнованиях на строительство четырех броненосцев для Балтийского флота, необходимость которых была уже заранее предрешена императором. Депутаты, от крайних правых до кадетов, настаивали на проведении senatorской ревизии морского ведомства и его заводов. Дума большинством голосов включила этот пункт в формулу перехода к постатейному рассмотрению бюджета Морского министерства на 1910 г.² Однако Николай II не согласился на проведение senatorской ревизии. «Государь в Риге сказал Столыпину, – отмечал в своем дневнике 10 августа 1910 г. А. А. Поливанов, – что никакой ревизии не надо, что Григорович все привел в порядок, «а деньги я прикажу дать»³.

Но правительство вынуждено было все же пойти, в некоторой степени, навстречу требованиям Думы. Признавая, что «у Думы создалось предубеждение и недоверие к хозяйственной деятельности Морского министерства, что в результате отражалось на ассигновании кредитов по судостроению»⁴, Совет министров после специального рассмотрения этого вопроса просил Николая II разрешить обследование хозяйственной деятельности морского ведомства комиссией из членов Государственного совета. На этот раз царь согласился. Беседуя со членами назначенной комиссии во главе с сенатором Д. Б. Нейдгартом, Николай II заявил, что пору-

¹ РГИА. Ф. 1333. Оп. 1. Д. 10. Л. 16–17.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1539–1540.

³ См.: *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности Военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 99.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 182. Л. 5.

чает им «обследовать кораблестроительное дело в видах скорейшего воссоздания нашего боевого флота»¹.

Комиссия в течение нескольких месяцев провела всю свою работу и в январе 1911 г. представила императору доклад. С комиссией сотрудничали лидеры фактически всех основных думских фракций. Так, кадеты А. Ф. Бабянский, М. В. Челноков, прогрессисты Н. Н. Львов, А. А. Федоров составили и подали ей специально составленную «Записку о мерах, необходимых для ускорения и удешевления кораблестроения», в которой вопросы о причинах дороговизны и медленности кораблестроения в России рассматривались в единстве с общим состоянием «русской морской силы», историей ее развития, необходимости реорганизации морского ведомства².

В ходе работы самой комиссии выяснилось, что казенные заводы в России стоили в полтора-два раза дороже своих иностранных собратьев. Представители Морского министерства так и не смогли ответить на вопрос членов комиссии: во сколько же обходится строительство на их заводах? По официальным сведениям комиссии Госсовета, стоимость строительства одной тонны водоизмещения броненосца в Англии в 1909 г. составляла 674 рубля, броненосного крейсера – 727 рублей, в Германии – соответственно 764 и 839 рублей, а в России цена фактически вообще не была известна до тех пор, пока корабль не вступал в строй³.

Николай II приказал учесть выводы комиссии, и, в частности, реорганизовать Главное управление кораблестроения и снабжения, Морской технический комитет, переработать Положение об управлении заводами морского ведомства и об управлении портами.

Бесхозяйственность и безответственность чиновников ведомств, офицерского состава флота, заводских администраций вели к пожарам, взрывам и другим происшествиям на оборонных предприятиях.

¹ Цит. по: *Шаццлло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). М., 1968. С. 178–179.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2027. Л. 1–30.

³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 761. Л. 2.

В 1908 г. произошел пожар на Обуховском сталелитейном заводе. Ранее, в Петрограде сгорел эллинг крейсера «Витязь», в Кронштадте – казенный завод для изготовления противоминных сетей. Пожар уничтожил канонерские лодки для Амура, изготовленные на Балтийском заводе. Большой шум вызвало дело, связанное с постройкой английской фирмой Виккерс крейсера «Рюрик», в ходе которого были выданы иностранцам важные военные секретные данные. Одновременно в эти годы сели на мель в Балтийском море морские суда «Петр Великий», «Штандарт» (в присутствии императора)¹; в Гибралтарской порт был доставлен на буксире, вышедший из строя при переходе из Портсмута в Алжир, линейный корабль «Слава» (отказали все котлы на корабле). Здесь вскрылись как заводские недоработки, так и отсутствие профессионализма у ряда самих моряков².

Все эти случаи, а произошли они лишь в пределах одного, морского ведомства, не могли не вызвать внимательного к себе отношения со стороны Государственной думы.

Инициативу в деле наведения элементарного порядка на заводах взяли на себя правые фракции. Их оппозиционные выступления вылились в запрос о пожаре на Обуховском сталелитейном заводе. Первым подписавшимся под запросом был В. М. Пуришкевич.

В ночь на 12 апреля 1908 г. в Петербурге на Обуховском заводе сгорели наиболее крупные и важные отделы – замочный, бронестроительный и пушечный. Убытки от пожара составили 1,5 млн рублей.

Группа депутатов (П. И. Шаховской, А. И. Гучков, Н. В. Савич, В. В. Хвоцинский, В. М. Пуришкевич и др.) побывала на заводе. Результаты поездки довел на заседании Думы 20 мая при обсуждении запроса В. М. Пуришкевич. Оказалось, что завод является должником, на нем отсутствует противопожарное имущество. Хозяйственная работа велась из рук вон плохо. Предприятие кредитовалось у частных лиц. Были случаи изготовления некачественных снарядов на заводе, что послужило причиной «малого

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1133–1134, 1148–1149.

² См. там же. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 2803–2804.

эффекта в годы японской войны, когда наши ядра не пробивали японские суда». «У завода вечно нет денег, – возмущался Пуришкевич, – он принимает постоянно заказы себе в убыток». Отметив, что порядки на заводе ненормальные, Пуришкевич заявил, что долг Думы – бросить в глаза морскому ведомству обвинение и потребовать от него ответа, чтобы «поставить нашу оборону на должную высоту и прекратить ту возмутительную серию пожаров, хищений и безобразий, которые царят в этом ведомстве и могут нас привести ко второй Цусиме»¹. По итогам заседания депутаты приняли постановление, в котором признали необходимым образование специальной правительственной комиссии для тщательной проверки деятельности Обуховского завода, а также выработку действенных мер к предупреждению пожаров на казенных заводах². Вполне можно было понять опасения другого крайнего правого Г. Г. Замысловского, который восклицал: «если этот случай нам раскрыл такую картину, что же будет, если мы пойдем дальше и начнем расследовать другие отрасли Морского министерства? Становится страшно и больно за дело нашей государственной обороны»³.

Второй совместный запрос, с которым выступили правые и октябристы, еще больше противопоставил значительную часть проправительственных думских кругов самому правительству. Касался он постройки английской фирмой Виккерс крейсера «Рюрик». Обычно фирма строила только корабль, а артиллерия для него изготовлялась в России. На этот раз фирма Виккерс заявила, что берется построить крейсер лишь только в том случае, если артиллерия будет изготовлена ею же. На этом основании в сентябре 1905 г. она получила от министерства русские секретные чертежи, по которым и изготовлялись орудия. Вскоре Морское министерство выдало той же фирме секреты изготовления мягкой палубной брони и нагонки ведущих поясков снаря-

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 1145–1147.

² См. там же. Стб. 1173–1174.

³ Там же. Стб. 1170–1172.

дов. В этом были повинны высокопоставленные ведомственные чиновники, ратовавшие за укрепление русского военно-морского флота. Данную эпопею довели до сведения Думы октябристы А. И. Звегинцов и Н. В. Савич¹. Фирма Виккерс не построила «Рюрик» в положенный срок и должна была заплатить в связи с этим большую неустойку. Чтобы снять с себя ответственность, она пустила в ход придворные связи, подкупы, угрозы разоблачением весьма тесных и нечистоplotных связей с ней ряда высокопоставленных лиц и т. п.

Ответ товарища морского министра И. Ф. Бострема на депутатский запрос о «Рюрике» был неприкрыто циничный и пренебрежительный в отношении Думы. Морской министр поручил ему сообщить последней, заявил Бострем, что, во-первых, запрос касается прежних руководителей министерства, но поскольку их уже нет более года, «то и отвечать за деятельность прежнего состава министерство не может». Во-вторых, хотя чертежи орудий и других изделий были действительно выданы фирме Виккерс с разрешения прежнего министра, но последний за это ответственности не несет и его действия «нельзя считать незаконными, так как статья 306 книги 16 Свода Морских Постановлений», по которой привлекаются к военному суду за подобного рода поступки, «касается только военного времени и в данном случае неприменима». И, в-третьих, Дума вообще не имеет никакого права предъявлять претензии и выносить порицания морскому министру, потому что он ответственен только перед императором². После этого лидер русской национальной фракции П. Н. Балашов от имени октябристов, умеренных, националистов и крайних правых предложил формулу перехода, в которой объяснения Бострема были признаны Думой неудовлетворительными и заявлялось о том, что Дума ожидает от правительства тщательного расследования указанных в запросе не порядков и привлечения виновных в них к

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 1190–1202.

² См. там же. Стб. 1205–1208.

суду, если таковые при расследовании обнаружатся¹. К этому решению присоединились также прогрессисты и кадеты.

В это же время депутаты рассматривали смету Морского министерства на 1908 г. и ассигнование средств на постройку четырех линейных кораблей (броненосцев улучшенной конструкции) для Балтийского флота. Вопиющие беспорядки на заводах, засвидетельствованные самими крайними правыми депутатами в ходе поездок и обсуждений в Думе, послужили причиной чрезвычайно острой критики абсолютным большинством депутатов порядков в морском ведомстве и отказа в выдаче средств со стороны даже самых ревностных поборников правительственного курса.

Через месяц, (23 июня), нижняя палата парламента, учитывая, что Обуховский завод имеет важное значение для сухопутной и морской обороны, предложила морскому ведомству представить ей расчет денежных средств по оборудованию и расширению завода. Кроме того, было отпущено сверхсметным кредитом в 1908 г. для восстановления завода от пожара 1,5 млн рублей. Данная ссуда подлежала постепенному погашению из прибылей в ходе исполнения Обуховским заводом казенных заказов².

В дальнейшем, вышеназванное предприятие и ряд других важных морских заводов были под постоянным контролем Думы. При рассмотрении сметы морского ведомства на 1909 г. бюджетная комиссия, а затем и сама Дума высказали мнение о том, что заводы этого министерства следует расширять не за счет мнимых прибылей, которые ожидаются, а за счет особых кредитов, «испрашиваемых» в законодательном порядке на совершенно определенные надобности расширения заводов в известных размерах и по известному плану. Так, во исполнение этих пожеланий, Морское министерство весной 1910 г. вошло в Думу с представлением об отпуске кредита на расширение и техническое переоборудование трех заводов: Обуховского, Ижорско-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 1211–1213.

² См. там же. Стб. 3969–3972.

го, Адмиралтейского. Всего Дума 4 июня 1910 г. выделила на них около 9 млн рублей¹.

Комиссия по военным и морским делам Думы отпускала кредиты на реконструкцию заводов вплоть до Первой мировой войны. К примеру, на ее заседании 12 марта 1913 г. был рассмотрен вопрос об отпуске на 1913 г. кредитов на постройку судов военного флота и на оборудование заводов морского ведомства. Кроме одобренных средств депутаты высказали свои пожелания о том, чтобы ведомство приняло все зависящие меры к ускорению постройки на российских заводах военных кораблей; было предложено для ускорения построек судов передать заказы заграничным заводам на те части кораблей, изготовление которых у нас будет затягиваться². Одновременно с утверждением «Программы усиленного судостроения Балтийского флота» летом 1912 г., всего за два года до начала мировой войны, Дума отпустила еще около 10,5 млн рублей на развитие четырех казенных судостроительных заводов³.

Далеко не в лучшем положении, как и их морские «собратья», находились заводы военного ведомства. Им также сопутствовали техническая отсталость, долги, постоянные спутники – происшествия и неполадки.

17 декабря 1912 г. во время производства работ в трубочной мастерской Охтенского завода взрывчатых веществ, находившегося в ведении Главного артиллерийского управления, произошел взрыв. В результате погибло много рабочих. Администрация не сделала соответствующих выводов. В результате 3 января 1913 г. в мелинитовом отделе завода прогремел новый взрыв. Вновь были жертвы.

По инициативе социал-демократической фракции 32 члена Думы подписали заявление о запросе на имя председателя Совета

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 1. СПб., 1911. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 3423–3430.

² См.: Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 4. Сессия 1. 1912–1913 гг. СПб., 1913. С. 143.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2287. Л. 82.

министров и военного министра. Катастрофа в запросе была расценена как результат порядков, которые систематически насаждались на предприятии. Указывалось, что чрезвычайно опасное для жизни и здоровья производство требует высококвалифицированного труда. А рабочий персонал вербуется лишь из «темных элементов (т. е. непрофессиональных – А. Д.) пролетариата». Договоры на заводе отсутствовали. Властвовало грубое обращение начальников с подчиненными. Последние получали нищенскую зарплату. Завод не имел специального технического надзора за производством работ. В целом, основное содержание запроса наглядно подтверждало преступную небрежность администрации по отношению к жизни и здоровью рабочих.

Запрос был 25 января принят в спешном порядке. Государственная дума требовала наказания виновников в гибели более 60 человек, принятия мер по недопущению в будущем повторения подобных катастроф¹.

10 марта военный министр в письменном виде ответил на запрос.

Однако президиум Думы не удовлетворился этим и потребовал личных объяснений министра. Их дал 8 мая в Думе помощник военного министра А. П. Вернандер. Ведомство рассматривало данный случай лишь как неотвратимую случайность, с которой «сопряжена» любая работа вообще, связанная с опасными веществами. И не считало нужным привлекать кого-либо к ответственности².

После этого потянулись длинные месяцы выяснения отношений между ведомством и Думой по сути запроса. И лишь 30 октября депутаты на очередном заседании приступили к новому его рассмотрению. Социал-демократы, возмущенные такими растянутыми сроками, требовали признания объяснений военного министра неудовлетворительными (выступления социал-демократов А. Е. Бадаева, И. Н. Тулякова). Их поддержали октябристы (П. А. Неклюдов), кадеты (М. В. Челноков). В результате, Дума, удовлетво-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 1115–1127.

² См. там же. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 858–862.

ренная разъяснениями военного министра, повторно заявила о том, что усматривает со стороны администрации завода недопустимую небрежность и требовала принятия конкретных мер от правительства о наказании виновных¹.

В предвоенные годы нижняя палата российского парламента все чаще обращала внимание ведомств на необходимость заблаговременной подготовки заводов, работающих на оборону, к войне. Комиссия по государственной обороне в III Думе специально остановилась на вопросе о недостаточной производительности артиллерийских заводов и высказала пожелание, «чтобы Военное министерство безотлагательно и в кратчайший срок озаботилось выпиской из-за границы станков и вообще надлежащим, в целях повышения производительности, оборудованием наших патронных заводов»², расширением выпуска продукции орудийными, снарядными, пороховыми и прочими казенными предприятиями.

Совету министров пришлось пойти навстречу пожеланиям Думы, настаивавшей на значительных улучшениях в управлении государственными заводами. В первую очередь, это связывалось с необходимостью перевода ряда морских заводов на коммерческие основания. Суть их определялась так: никаких средств по финансовой смете Морского министерства на содержание и действие заводов не назначается, расходы же их покрываются из сумм, выручаемых по заказам и из других доходов предприятий, а в случае надобности – из запасных капиталов заводов. Правда, положение это полностью не удалось осуществить: реорганизация и расширение заводов требовали таких средств, которыми они не обладали, а без специальных ассигнований из государственного казначейства реорганизовать их было невозможно. И Думе постоянно приходилось выделять средства на потребности заводов. И в то же время, перевод заводов на коммерческие основания позволил

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 478–499.

² Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировой войне. М., 1937. С. 55.

многим казенным предприятиям рассчитаться с долгами, что положительно отразилось на их производительности.

Годы войны показали, что миллионы, вложенные ранее в казенные судостроительные заводы, оказались в значительной степени мертвым капиталом, а предприятия, производившие сухопутное вооружение, развивались накануне войны явно недостаточно. Поэтому в трудных военных условиях пришлось спешно переориентировать большую часть военной промышленности с морского производства на выпуск сухопутного оружия.

Естественно, что военное время заставило предпринять энергичные меры к милитаризации заводского производства. Летом 1915 г. военный министр направил в Государственную думу законопроект об оставлении подлежащих призыву на действительную военную службу рабочих на предприятиях, выполняющих заказы для армии, с подчинением их воинской дисциплине¹. Комиссия по военным и морским делам, вследствие того, что в проекте закона речь шла о мобилизации не всех, а только части рабочих, что могло дать обильную пищу для недовольств, отложила его рассмотрение. При этом было отмечено, что вопрос будет рассмотрен в Думе тогда, когда правительство внесет законопроект о полной милитаризации заводов, работающих на оборону². Комиссия отметила, что более предпочтительным является введение на заводах военного положения, подобно тому, как это происходит на железных дорогах.

В соответствии с пожеланиями Думы военный министр в феврале 1916 г. внес в законодательные учреждения законопроект о мобилизации промышленных предприятий, устанавливающий закрепление всех без изъятия рабочих на службе конкретного предприятия. 2 июля этот законопроект обсуждался в комиссии по военным и морским делам. Н. В. Савич находил его в принципе вполне приемлемым, т. к. государственная власть должна вмеша-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 310–311.

² Там же. Л. 311.

ваться во взаимоотношения предпринимателей и рабочих, образовывая из последних кадры «работообязанных»¹.

Напротив, прогрессисты, левые кадеты и часть социал-демократов полагали, что указанный законопроект ничего, кроме ущерба делу обороны не принесет. Массовые репрессии не достигнут своей цели, считали они, а только уменьшат производительность труда и создадут угрозу всеобщей забастовки. Председательствующий националист В. В. Шульгин сказал, что к разрешению этого вопроса комиссия должна, ввиду его остроты, приступить с большой осторожностью.

Комиссия, в дальнейшем, не возвращалась к рассмотрению проекта, и он до конца сессии так и не был поставлен на повестку общего собрания Думы².

Затяжной характер войны, быстрый рост потребностей фронта в вооружении, боеприпасах и неспособность звеньев аппарата власти справиться с делом снабжения армии приводили к тому, что в стенах Государственной думы на смену патриотическим лозунгам и призывам все чаще стали раздаваться тревожные голоса.

А. И. Шингарев уже 20 января 1915 г. на заседании бюджетной комиссии упрекал правительство в неподготовленности к войне, в результате чего армия оказалась «без сапог, без одежды, без ружей»³. Представители ведомств и крайние правые в лице Г. Г. Замысловского и Н. Е. Маркова, отвечая П. Н. Милюкову и А. И. Шингареву, указывали, что в неподготовленности к войне больше всех виноваты кадеты и октябристы, которые отказывали правительству в ассигнованиях на железнодорожное строительство, в введении подоходного налога, экономический проект о котором остался в III Думе нерассмотренным, и во многом другом, необходимом для усиления военной мощи. Н. Е. Марков советовал Думе безоговорочно идти на помощь правительству во всех

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 161.

² См.: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Л., 1967. С. 161–162.

³ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Л. 79–80.

его начинаниях¹. В. А. Сухомлинов на вопросы депутатов о недостатке снарядов ответил, что опасения их преувеличены, что «все меры по обеспечению армии боевым снаряжением уже приняты и что в мае, самое позднее, снарядов и ружей будет в избытке»².

С началом немецко-австрийского наступления в Галиции (19 апреля – 2 мая 1915 г.) во всей полноте стала выявляться катастрофическая нехватка артиллерии и снарядов, винтовок и патронов в русской армии. Острый кризис вооружения и утрата надежды на скорейшее его преодоление породили растерянность и глубокий пессимизм в Ставке³.

По предложению ряда промышленников, при активном участии председателя Государственной думы М. В. Родзянко, великий князь Николай Николаевич «испросил» согласие императора – ввиду невозможности для казенных заводов удовлетворить громадные потребности в боевых припасах – на Образование Особого совещания по усилению артиллерийского снабжения действующей армии путем возможно широкого привлечения к данному делу частной промышленности. Совещание должно было состоять из членов Думы, военного ведомства и представителей промышленности под председательством военного министра⁴.

23 мая В. А. Сухомлинов внес в Совет министров проект Положения об Особом совещании по усилению снабжения армии главнейшими видами довольствия. При обсуждении этого проекта в правительстве 26 мая, Совет министров первоначально не согласился с тем, что Особое совещание по проекту военного министра подчиняется непосредственно верховной власти и что никакие инстанция или лицо не могут требовать от него отчетов и давать ему предписания. Защищая свои предложения, В. А. Сухомлинов в письме премьеру И. Л. Горемыкину от 28 мая подчеркнул, что

¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Л. 81.

² Цит. по: *Шидловский С. И.* Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 219; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 522. Л. 3.

³ См.: Ставка и Министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. № 2 (27). С. 28.

⁴ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

«если права совещания подвергнутся ограничению и совещанию будет придан характер обыкновенной междуведомственной комиссии, то можно сказать с уверенностью, что члены законодательных палат не захотят оставаться в составе совещания и таким образом, совещание потеряет свое значение»¹. Совет министров сохранил за совещанием значение высшего государственного «установления», подчиняющегося только верховной власти, но вместе с тем решил предоставить все полномочия председателю совещания, т. е. военному министру, признав за членами совещания лишь право совещательного голоса².

Одним из первых шагов Особого совещания было обращение к общественным кругам, земским деятелям и промышленным кругам с призывом прийти на помощь правительству в деле снабжения армии необходимыми средствами. Последние не заставили себя ждать. Благодаря общественной инициативе депутатов Думы возникли Всероссийские съезды – земский и городской, поставившие своей задачей привлечь широкие общественные слои к совместным с правительством трудам по обороне государства. Главнoуполномоченным Земского союза был избран кадет, депутат Государственной думы I созыва Г. Е. Львов, а Главнoуполномоченным Союза городов – московский городской голова, активный член кадетской фракции Думы нескольких созывов М. В. Челноков. Эти два съезда дали старт созданию главного комитета по снабжению армии («Земгору»). С целью мобилизации промышленности для военных нужд в 1915 г. образовались военно-промышленные комитеты (далее – ВПК). На первом съезде ВПК в июле избран Центральнoй военно-промышленный комитет во главе с бывшим думским лидером октябристом А. И. Гучковым и прогрессистом, членом IV Думы А. И. Коноваловым.

Летом 1915 г. правительство внесло в Думу проект о преобразовании Особого совещания по обеспечению снабжения армии. Еще на июньских совещаниях членов Думы прогрессисты предложили схему такой реорганизации этого совещания, которая

¹ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.

² РГВИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 888. Л. 271–272.

дала бы возможность представителям общественных организаций упорядочить не только снабжение армии снаряжением, обмундированием и продовольствием, но и движение по железным дорогам, открыть простор для мобилизованной промышленности и обеспечить мирное население продовольствием и топливом. В реорганизованное совещание, которому прогрессисты предлагали присвоить название «Комитет Государственной обороны», наряду с министрами и на равных с ними правах входили бы представители законодательных палат, Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов и рабочих. Комитету должна была быть предоставлена не только распорядительная, но и исполнительная власть¹.

Правительственный проект положения об «Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства» в отношении его функций близко подходил к проекту комитета государственной обороны, как он намечался прогрессистами. Проект объединял в одном органе как вопросы боевого снабжения армии, так и вопросы обеспечения страны топливом, продовольствием и упорядочения железнодорожных перевозок. В состав совещания должны были войти кроме чинов ведомств члены Государственного совета и Думы, главных комитетов Земского и Городского союзов и Центрального ВПК. Но, предоставляя Особому совещанию и даже его местным органам и распорядительные, и исполнительные полномочия, правительственный проект наделял ими лишь председателя совещания – военного министра и его местных агентов, представители же общественности получали только совещательный голос. Все постановления совещания утверждались председательствующим в нем военным министром.

Соединенное заседание комиссий по военным и морским делам и бюджетной приняло за основу правительственный законопроект. Вместе с тем, было признано необходимым объединить в Особом совещании при военном министре мероприятия исключительно по боевому и материальному снабжению армии и флота. Мероприятия же по обеспечению учреждений и населения топли-

¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 386. Л. 7.

вом, продовольствием и упорядочению перевозок соединенное заседание нашло целесообразным сосредоточить в отдельных совещаниях, учрежденных при Министерстве торговли и промышленности, при Главном управлении земледелия и землеустройства и при Министерстве путей сообщения¹.

Характерно отношение различных думских фракций к вопросу о создании Особого совещания. Правые хранили упорное молчание. Со своей стороны, они выступали за мобилизацию промышленности при активном участии предпринимательских кругов². Но без представительства в созданных верховной властью общественных организаций. Они считали, что эти организации ничего не сделали для обороны государства, «не поставив ни одной пушки»³, а лишь чрезмерно наживаются на «паразитировании» помощи фронту⁴.

Националисты и октябристы приветствовали создание органов военно-экономического управления. Они организовали выборы представителей Думы в созданные Особые совещания, всячески поддерживали их работу. Октябрист Н. В. Савич неоднократно подчеркивал, что образованный совещательный орган при военном министре должен осуществлять функции контроля, своим авторитетом сглаживать межведомственные трения⁵.

Кадеты и прогрессисты, к неожиданности думского центра (октябристов, умеренно-правых), в самом начале осудили идею создания совещаний. Они доказывали, что всякое общение и совместная работа с «Военным министерством Сухомлинова» явилась бы позором для Думы и поэтому «ни в каком случае участия в Совещании не примут»⁶. В свою очередь, они внесли за подписью 47 членов Думы законодательное предположение (А. И. Шингарев,

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 6.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 56–57.

³ См. там же. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1449–1450.

⁴ См. там же. Созыв 4. Сессия 5. Пг., 1917. Стб. 112–114.

⁵ См. там же. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 254–255.

⁶ См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 117.

М. С. Аджемов, П. Н. Милуков и др.) об учреждении Главного управления по снабжению армии (наподобие отдельного министерства). Однако большинство в комиссиях, посчитав, что данное решение может привести к внутриправительственным трениям, уменьшить власть военного министра и потребует массу времени на создание, отвергло его¹.

В конечном счете, кадеты и прогрессисты приняли участие в создании органов военно-экономического управления, но постоянно оговаривали свое участие рядом тактических требований. Дипломаты союзных государств, с которыми поддерживали личные контакты члены Думы, грозившие выйти из Особых совещаний в случае роспуска представительных учреждений, неоднократно указывали на пагубность шагов, идущих вразрез укреплению деятельности военно-экономических органов. Так, в беседе с прогрессистом М. М. Ковалевским и кадетом П. Н. Милуковым французский посол М. Палеолог 2 сентября 1915 г. заявил: «Такое поведение было бы несвоевременно и даже преступно: перед лицом неприятеля думцы должны воздержаться от всякого акта, от всякой манифестации, которая могла бы ослабить военную мощь России». Смущенные думские лидеры обещали подумать². Однако 28 ноября фракция прогрессистов постановила отозвать своих представителей из Особых совещаний (в знак протеста против отсрочки созыва законодательных палат)³.

Социал-демократы заявили, что, приглашая депутатов в Особые совещания, правительство этим самым желает сделать Думу явной соучастницей своих преступлений. А. И. Чхенкели утверждал, что депутатам нельзя быть в одно и то же время и законодателями, и исполнителями решений. А законопроект о совещаниях как раз «содержит совмещение этих двух функций в одних и тех же лицах». Послав своих представителей в совещания, Ду-

¹ См.: IV Государственная Дума. Фракция народной свободы. Военные сессии (26 июля 1914 – 3 сентября 1915 г.). Пг., 1916. С. 45.

² См.: *Палеолог М.* Царская Россия во время Первой мировой войны. М.–Пг., 1923. С. 283.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 167. Л. 133.

ма, по мысли социал-демократов, лишала себя права контролировать их действия¹.

В январе – феврале 1917 г. на последних заседаниях Думы парламентарии внесли ряд поправок в Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, суть которых была направлена на усиление властных полномочий военного министра. Были поддержаны патриотические усилия Земского и Городского союзов на пользу фронту, решительно осуждены правительственные действия по недопущению их деятельности².

Февральские, предреволюционные заседания Государственной думы были почти всецело посвящены обсуждению заявления депутатов о запросе председателю Совета министров и министрам о мерах, принимаемых ими «к устранению причин, препятствующих правильному устройству снабжения армии и населения продовольствием и топливом». Прошли несколько совместных заседаний комиссий по военным и морским вопросам и сельскохозяйственной по этим волнующим депутатов и само общество темам. К тому же данные вопросы были главными на общих пленарных думских заседаниях. Последующие февральские выступления народных масс в Петрограде прервали продолжавшийся законодательный процесс в Таврическом дворце, вызвав переход к чрезвычайным мерам, имевшим уже революционный характер.

Таким образом, история решения военно-экономических проблем в Думе позволяет сделать несколько общих выводов.

Прежде всего, необходимо отметить глубокую заинтересованность большинства думских депутатов в укреплении военно-экономической независимости России. Спор среди его состава шел в одном: каким путем и какими темпами осуществлять ее обеспечение. Ассигнование Думой средств на прокладку железнодорожных путей на востоке страны усилило военно-стратегические позиции России на ее далеких окраинах. Критический

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 268–278.

² См. там же. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1917. Стб. 1244.

анализ состояния казенного хозяйства военных и морских заводов заставил ведомства осуществить их глубокую реконструкцию. Создание, при активном участии Думы, Особых совещаний хоть и не привело к обеспечению согласованности в работе отдельных звеньев государственного управления в годы войны, однако позволило на определенный срок стабилизировать обеспечение тыла и фронта необходимыми средствами.

В целом же, проблемы войны и мира, военной экономики стали важной составной частью парламентского решения общих проблем государственной обороны страны. Жизнь наглядно подтверждала, что Россия развивалась в рамках общеевропейской тенденции разделения властей, несмотря на узкую правовую базу думской деятельности и своеобразие психологии, форм, методов самой парламентской работы. Думское большинство сумело найти общие подходы с правительством в разработке и обсуждении важнейших внешнеполитических, военно-экономических проблем и стало его опорой в их реализации. Возникавшие острые моменты во взаимоотношениях ветвей власти значительную часть времени гасились квалифицированной работой думских комиссий и шагами правительственных инстанций в сторону удовлетворения пожеланий Думы.

С годами, Государственная дума, де-факто, становилась учреждением, с которым было вынуждено считаться самодержавие. Влияние парламента, настроений его депутатского корпуса на внешнеполитическую область все ощутимее, с течением времени, формировало международные ориентиры страны, а озабоченность депутатов состоянием военного хозяйства государства превращало нижнюю палату российского парламента в существенный центр разработки и контроля вопросов военной экономики.

Глава 3. Основные проблемы развития Вооруженных Сил и степень участия Думы в их разрешении

3.1. Армейские и флотские реформы в думских документах

Деятельность Государственной думы совпала с периодом осуществления широко задуманных реформ по преобразованию самих армии и флота. Ее бюджетная политика активно способствовала выделению средств на их обновление, наведение здесь необходимого порядка. Депутаты не ограничились лишь обсуждением смет Военного и Морского министерств, а занялись основательной проработкой военных и военно-морских проблем и в ходе ее осуществили определенный контроль за ходом реорганизации Вооруженных сил.

Выделим *причины, обусловившие особое место вопросов развития армии и флота в работе депутатского корпуса.*

Во-первых, поражение военной организации России в войне с Японией. Флот испытал унижительный разгром при Цусиме, а армия растратила огромные материальные запасы, сохранив, однако, определенную боеспособность. По словам министра финансов В. Н. Коковцова, дальневосточная «авантюра» обошлась государственному казначейству более чем в 2,3 млрд. рублей золотом¹. В водах Тихого океана погибло или было захвачено японцами 67 боевых и вспомогательных судов Российского флота. Прямые материальные потери флота составили около 255,9 млн рублей². Страна осталась практически без военно-морских сил. Весь Балтийский флот был переведен на Дальний Восток, где и погиб, а Черноморский флот закупорен, т. к. проход его через Босфор и Дарданеллы запрещали международные договоры.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 82. Л. 301.

² РГА ВМФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1721. Л. 2–4.

Война обнаружила, что материальная часть армии, ее техническая оснащенность оказались намного ниже самых скромных требований, которые были к ним предъявлены.

Во-вторых, «полное неустройство» в Вооруженных силах и в послевоенное время. Несмотря на ряд предпринятых мер по их оснащению, помощник военного министра генерал А. А. Поливанов, отвечавший по долгу службы за материальное оснащение армии, признавал, что «в 1908 году наша армия была небоеспособна»¹. Совет Государственной обороны 7 апреля 1907 г. также отмечал: «Армия не имеет запасов и ей нечем стрелять... она является небоеспособной, а ... напрасно лишь обременяющей государство»².

Существенным образом не менялось положение дел и на флоте. Тенденций к глубоким изменениям не просматривалось, несмотря на рескрипт императора от 29 июня 1905 г. на имя вновь назначенного тогда морского министра вице-адмирала А. А. Бирилева, в котором монарх обязал всех чинов армии и флота разобраться в ошибках и «безотлагательно, с горячим рвением, приняться за работу над воссозданием тех морских сил, которые нужны России»³.

В-третьих, озабоченность широких кругов общественности состоянием реформирования армии и флота и управления ими. Прошедшая война и революционные события 1905–1907 гг. подорвали веру общественных кругов в военное могущество страны. С резкой критикой состояния дел в армии и флоте выступали даже открыто промонархические круги, о чем свидетельствовали статьи М. О. Меньшикова в «Новом времени».

Часть офицерства и генералитета в печати и устных выступлениях высказывали недовольство положением дел в армейских и флотских структурах. Возникли различные организации, имевшие

¹ Цит. по: *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960. С. 54.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 82. Л. 106.

³ *Гучков А. И.* К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной думе III созыва 1908–1912 гг. Пг., 1915. С. 3.

целью обновление Вооруженных сил. Тем самым, забота о военном деле перестала быть монополией царя и его ближайшего окружения в результате государственного переустройства Российской империи. Через Думу в затхлую атмосферу верхов стали проникать свежие веяния времени и требования общественности, в том числе армейской.

В-четвертых, привлечение войск к подавлению выступлений народных масс. За 1905 г. более 4 тысяч раз воинские подразделения применялись в качестве полицейской силы¹. «Армия не учится, а служит вам», – резко заявил военный министр А. Ф. Редигер 1 марта 1907 г. на одном из заседаний правительства председателю Совета министров и одновременно министру внутренних дел П. А. Столыпину.

Участие армии в борьбе с народом разлагающе действовало на солдат и офицеров. И не случайно, только за 1905–1906 гг. было зарегистрировано не менее 437 антиправительственных солдатских выступлений, в том числе 106 – вооруженных².

С таким тяжелым положением в армейско-флотской среде столкнулись депутаты Думы, приступив к законодательной работе. Дело укрепления Вооруженных сил становилось предметом забот и контроля органа народного представительства. Самими депутатами делалась попытка положить конец бесконтрольному хозяйничанью военных ведомств.

Вместе с тем, в главном, в необходимости глубокого реформирования Вооруженных сил, и правительство, и Государственная дума были едины. Все фракции, за исключением социал-демократов и трудовиков, поддержали позицию Столыпина, когда он в изложенной перед депутатами II Думы Декларации Совета министров 6 марта 1907 г. сказал, что «неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру..., но если мы хотим сохранить наше военное могущество..., то нам

¹ См.: Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969. С. 64.

² См.: *Петров В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии. М.–Л., 1964. С. 5.

не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России»¹.

Многообразие спектра рассматриваемых в Думе военных и военно-морских вопросов, касающихся переустройства и укрепления Вооруженных сил в мирное время, сконцентрировалось на ряде проблем: привлечении воинских и казачьих частей для выполнения полицейских функций; обобщении итогов русско-японской войны и выработки собственной программы преобразований в армии и флоте; реорганизации высшего военного управления и учреждений; улучшении материально-технического снабжения и учебной базы Вооруженных сил; укомплектовании армии и флота личным составом; социальном обеспечении офицеров, нижних чинов и их семейств; улучшении служебного и материального положения казачества как военного сословия.

События русской революции 1905–1907 гг. привели к тому, что часть солдат и матросов стала выходить из-под контроля офицеров, переходила на сторону восставших. И, поэтому, не случайно, уже в I Думе значительная часть депутатского времени была отведена на обсуждению взрывоопасной ситуации в войсках. За несколько месяцев думской работы депутаты внесли семь запросов военному министру, касающихся участия личного состава подразделений в революционных событиях. Запросы были посвящены волнениям в некоторых воинских частях (в Полтаве – Елецкий и Севский полки, в Курске – Козловский полк)², преданию военному суду 27 солдат Мингрельского полка (на Кавказе), Виленскому военно-окружному суду – ряда нижних чинов железнодорожной бригады, содержанию в Царицынской тюрьме солдат Бобруйского полка, мобилизации казачьих полков второй и третьей очереди для несения службы внутри империи³. Основными причинами беспорядков, по мнению парламентариев, были: скудность до-

¹ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 61.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв I. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 1032–1034.

³ См. там же. Стб. 961–966, 1307–1333, 1371–1372, 1550–1551, 1623, 1698–1701, 1942–1944.

вольствия нижних чинов, чрезмерная тяжесть отбывания ими воинской повинности, революционная пропаганда со стороны радикальных партий.

Обсуждения данных запросов¹ приобрели принципиальный характер, так как они непосредственно касались самой постановки военного дела в стране. Все запросы были приняты (некоторые из них – в «спешном» порядке), часть из них – передана в комиссию для дальнейшей проработки. В запросах депутаты требовали от военного министра прояснения обстоятельств и причин волнений, правовых оснований к привлечению войск и казачьих частей к полицейским действиям, принятия действенных мер к улучшению бытовых условий нижних чинов.

Со временем определились и основные позиции фракций по поводу полицейских функций армии. Правые и националисты требовали усиления борьбы с «внутренним врагом», недопущения нового «Потемкина» и новых матросских восстаний². Одновременно В. М. Пуришкевич, А. А. Бобринский неоднократно выступали в защиту действий воинских частей по наведению порядка, чести и достоинства русского офицера и очень болезненно реагировали на антиармейские выпады радикальных депутатов. В 1911 г. Дума поддержала запрос националистов (Л. В. Половцов и др.) на имя военного министра о происшедших в Финляндии нападений на военнослужащих и воинские подразделения. «Когда дело касается наших солдат, нашей армии, мы молчать не будем» – заявлял А. А. Бобринский³. Правые видели в Вооруженных силах «школу долга, школу дисциплины, школу сознания ответственности, школу самопожертвования»⁴.

Социал-демократы и значительная часть трудовиков приво-
дили наглядные примеры тяжелых условий казарменной службы,

¹ Ряд запросов появились благодаря солдатским письмам в адрес депутатов-трудовиков А. Ф. Аладьина, А. Е. Тесля – авт.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1388.

³ Там же. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 1. СПб., 1912. Стб. 630.

⁴ См. там же. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1240–1241.

случаев рукоприкладства офицеров в отношении подчиненных, пропаганды офицерами черносотенных погромов и разжигания неприязни к самой Думе. «Я спрашиваю Военного министра, – заявлял трудовик А. Е. Тесля в июле 1907 г., – почему он солдат за отказ убивать ближних привлекает к строгой ответственности, а офицеров, проповедующих разгон Государственной думы и погромы, не только не преследует, а даже награждает?»¹. 29 мая 1909 г. группа депутатов-трудовиков и кадетов (А. Е. Тесля, Е. Н. Щепкин, Н. С. Онацкий) внесла запрос на имя военного министра по поводу запрещения военным чинам читать газеты и отчеты о заседаниях Государственной думы². Однако ответа от ведомства не последовало.

Основная часть выступлений социал-демократов и трудовиков носила обличительный характер, направленный на недопущение участия войск во внутренних конфликтах. В то же время большинство депутатского корпуса (октябристы, правые, кадеты и часть трудовиков и националистов) выступали за то, чтобы Вооруженные силы были защитниками государства от внешних врагов и поддерживали законный порядок в стране (без превращения армии и флота в постоянную полицейскую силу). «Армию в политику вводить нельзя» – утверждал кадет-депутат, отставной генерал-лейтенант А. Ф. Бабянский³.

Дума неоднократно выступала за сокращение «военной подсудности и введения ее в нормальные пределы». Опасаясь распространения революционной пропаганды в войсках, подрывающей устои воинского порядка, Министерство юстиции внесло во II Государственную думу законопроект «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и морских судов дел по означенным преступным деяниям». На заседании Думы 22 мая 1907 г., при обсуждении законопроекта, докладчик, лидер фракции

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 1. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 1943.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 656. Л. 3–5.

³ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1642.

демократических реформ В. Д. Кузьмин-Караваев, отметил, что увеличение наказания никогда не может остановить преступных деяний, раз не меняются условия жизни. «Тяжесть наказания, – продолжал он, – должна быть соизмеренной с важностью преступления». А если бы был принят министерский проект, то оказалось бы, что агитация в войсках более тяжкое преступление чем бунт, сопротивление вооруженной силе, вооруженный захват военного корабля. В свою очередь, передача в ведение военных судов дел по подобным «преступным деяниям», уверял Кузьмин-Караваев, была бы выражением недоверия гражданским судам, в то время как народ не доверяет именно военным. Министерство говорит, заключал докладчик, что в военных судах дела решаются скорее. Да, скорость там царствует, считал Кузьмин-Караваев, зато правда в загоне. Законопроект был отклонен¹.

Непосредственные вопросы необходимости самого реформирования армии и флота были подняты в ходе работы II Государственной думы в выступлениях октябристов, кадетов и части правых депутатов, а затем обоснованы на I сессии Думы III созыва. Большинство парламентариев требовало, чтобы правительство высказало «всю правду» о состоянии Вооруженных сил, объяснило причины, которые привели флот к гибели, а армию – к поражению. «До тех пор, – заключал А. И. Гучков в мае 1908 г. – пока оно (т. е. правительство – А. Д.) не назовет всенародно имена тех лиц, которые виновны в постигшей наш флот катастрофе – до тех пор призраки прошлого будут угрожать восстановлению нашей военно-морской мощи»².

Правительство, ведомства не торопились представить соответствующие подробные разъяснения. Думской комиссии по государственной обороне пришлось самой подготовить и дать анализ проигранной войны и «полного неустройства» в армии и на флоте. По линии военного ведомства эти причины были раскрыты

¹ См.: II Государственная дума. Периодические обзоры ее работы. СПб., 1907. С. 9–10.

² Гучков А. И. Указ. соч. С. 5.

Гучковым 27 мая 1908 г. в докладе по смете Военного министерства на 1908 г. Среди них оказались следующие:

1. Виновники войны – правительство и общество. Правительство не «озаботилось правильной постановкой всего дела обороны» за долгие предвоенные годы, допустило неподготовленную войну со стороны России, не отдало себе отчет во всей серьезности того положения, которое создавалось, и преждевременно заключило тот мир, «который надолго похоронил наше международное положение и нашу военную славу». А общество влияло на армию «деморализующим образом».

2. Общая бюрократическая тенденция военного ведомства (господство канцелярии).

3. «Капитальные» недостатки в командных кадрах, и, в первую очередь, слабость генеральского состава. Их крупные недочеты в управлении войсками и тактической подготовке, пренебрежение военной наукой.

4. Угрожающий некомплект офицеров в армии. Его причины: неудовлетворительные условия службы офицеров; низкие оклады содержания; тяжелые материальные условия жизни офицеров; неравенство армии в правах с гвардией; хамство во взаимоотношениях начальников с подчиненными и т. д.¹.

Выступивший с докладом по смете Морского министерства на 1908 г. 24 мая 1908 г. член комиссии по государственной обороне октябрист А. И. Звегинцов остановился на тех причинах, которые сыграли доминирующую роль в гибели нашего флота:

во-первых, организация морского ведомства, которая характеризовалась: полным отсутствием каких бы то ни было стратегических органов, огромной безответственностью, полным смешением неопределенностью обязанностей в центре и на местах;

во-вторых, наличие морского ценза, основанного на сроке плавания, приведшего к тому, что состав корабля – офицеры и команда, стал разнородным, «временщиком» во время плавания. Это сильно отразилось на подготовке моряков;

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 58, Л. 25–27; *Гучков А. И.* Указ. соч. С. 12–22.

в-третьих, кораблестроительная программа, заключавшаяся в том, что «мы имели прекрасные идеи», среди которых была и идея создания мощных дредноутов. В России начиналось их осуществление в определенных типах кораблей, но затем строительство прекращалось. Ведомства выжидали, а затем брали готовые зарубежные типы кораблей. В результате всего этого печальную картину «явил нам флот» в войну¹.

Определенные пути движения правительством все же намечены, отмечал, в частности, А. И. Гучков, но идут по ним робко, нерешительно. Предпринятые властью частичные реформы не охватывают собой всей должной области вопросов. Правительство, говорил лидер октябристов и председатель комиссии по государственной обороне, должно последовать примеру Пруссии, возродившейся после наполеоновских войн благодаря тому, что с помощью изданного королевского указа была взята «большая лопата» и «целый слой, в первую очередь, верхний слой негодных старых элементов был снесен». Согласно тому же указу «установились основные начала реорганизации прусской армии. И в ней закипела лихорадочная работа»².

Именно такими решительными мерами в первые годы своей деятельности думское большинство планировало навести порядок среди высшего командного состава.

Конкретно намеченная программа Государственной думы по реформированию армии и флота состояла из следующих основных пунктов:

а) коренная реорганизация Морского министерства и проведение глубоких преобразований в военном ведомстве;

б) предварительное утверждение в законодательном порядке финансовой программы судостроительства на продолжительный срок;

в) ликвидация Совета Государственной обороны – совещательного органа под председательством великого князя Николая Николаевича, созданного в 1906 г. для реорганизации армии. Вза-

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 58. Л. 6–13.

² См.: *Гучков А. И.* Указ. соч. С. 23–24.

мен предлагалось создать правительственный Совет под председательством главы кабинета;

г) освобождение от должностей руководителей военных инспекций нескольких великих князей, поскольку они фактически были вне контроля военного министра;

д) уменьшение прав Адмиралтейств-совета, а затем, если окажется возможным, и его упразднение, поскольку он также состоял из «безответственных членов» царской семьи и высших сановников;

е) удаление из армии и флота лиц, скомпрометировавших себя в ходе русско-японской войны; назначение на высшие посты людей, пользующихся доверием общества и авторитетных в военном деле;

ж) осуществление ряда непосредственных реформ в армии и на флоте (введение новой техники, ликвидация устаревших крепостей, модернизация обучения, выдвижение способных людей, сокращение числа береговых должностей, учреждение школы юнг и пр.) и т. д.¹

Эта программа комиссии по государственной обороне была поддержана большинством депутатов. Националист П. Н. Крупенский, в том же мае 1908 г., особо подчеркивал, что «нам нужны реформы серьезные, которые изменили бы в корне все зло, царившее донныне и приведшее Россию к Цусиме². Депутаты во имя этого настаивали на «удовлетворении всех неотложных нужд армии». В первом целостном изложении требований «конструктивной оппозиции» во II Думе октябрист А. З. Танцов с думской трибуны заявлял, что «реформы, которые необходимо для армии, для приведения ее в надлежащее состояние, требуют очень продолжительного времени и поэтому необходимо приступить к ним немедленно, так как всякое промедление угрожает громадным риском всей стране³.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1578–1600.

² См. там же. Стб. 1234.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 2. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 1176–1180.

Опасения депутатов были не напрасными. Реорганизация ведомств и развитие армии и флота шли очень медленно. «Нельзя же, господа, – восклицал в Думе 23 февраля 1909 г. лидер октябристов и комиссии по гособороне Гучков, – раз навсегда подчиниться этому положению – рассматривать вопросы внешней политики исключительно под углом зрения своего военного бессилия. Пора выйти из длительного периода хронической военной неподготовленности и заговорить голосом, достойным великой державы»¹. Путь для этого оппозиционные фракции видели один. «Пусть нас, дайте нам проникнуть в суть дела, – требовал прогрессист И. Н. Ефремов, дайте нам контролировать и знать, как вы справляетесь, или вернее сказать, не справляетесь с крупными и главнейшими нуждами нашего отечества», быстрым развитием его Вооруженных сил².

Важнейшим направлением реформирования Вооруженных сил Дума считала реорганизацию высшего военного управления. Если до русско-японской войны руководство армией сосредоточивалось в руках военного министра, который был облечен обширной властью и отвечал перед императором и за подбор командного состава, и за боевую готовность армии, то со времени войны, по мнению думского большинства, последний и правительство страны повернули в сторону и пошли по ложной дороге. Гучков в мае 1908 г. возмущался: «в тот момент, когда надо было сосредоточить всю силу мысли, всю силу воли во главе армии, мы расщепили ее, расплили эту мысль и волю». Созданные в 1905 г. – постоянно действующий на коллегиальной основе Совет Государственной обороны (во главе с великим князем Николаем Николаевичем) и Главное Управление Генерального штаба разделили власть военного министра, «в значительной степени обессилив и обезличив ее»³. Вышеназванный Совет стал, фактически, выше по должностному весу, в сравнении с военным министром, а начальник Ге-

¹ Гучков А. И. Указ. соч. С. 89.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1203.

³ См.: Гучков А. И. Указ. соч. С. 30.

нерального штаба являлся лицом равнозначным по отношению к министру. Он имел право самостоятельного доклада царю. Кроме того, была создана целая сеть новых военно-бюрократических учреждений. В результате, считала комиссия по государственной обороне, эти новые органы стали серьезным тормозом в деле реформирования армии и флота. В выступлениях лидеров комиссии (А. И. Гучкова, А. И. Звегинцова, Н. В. Савича, В. В. Хвощинского) ярко описывалась «картина той дезорганизации, граничащей с анархией», которая установилась в управлении Военным министерством.

Большой резонанс в высших кругах страны вызвала концовка речи А. И. Гучкова 27 мая 1908 г. Он, выступая докладчиком бюджетной комиссии по смете военного ведомства и желая заставить правительство пойти на ощутимые реформы, потребовал ухода в отставку с занимаемых видных в Военном министерстве постов нескольких великих князей, назвав их по именам. Стремясь идти до конца в своих требованиях, Гучков указывал, что ставить «этих безответственных лиц» во главе ответственных отраслей является делом ненормальным. Отношения князей к другим инстанциям военного управления носили на себе отпечаток их общественного положения. Признав бессилие Думы в борьбе с такой действительностью, Гучков посчитал долгом потребовать реальных действенных мер. Если мы считаем вправе требовать от народа тяжелых жертв на дело обороны государства, говорил Гучков, то мы и в праве потребовать от этих безответственных лиц отказаться от тщеславия, земных благ и уйти с важных военных постов¹.

Дума неоднократно высказывала пожелания о необходимости коренной реорганизации высшего управления военного ведомства «на началах объединения и согласованности работ высших органов этого управления, при условии, чтобы руководителями дела государственной обороны являлись лица, по своему положению действительно ответственные»².

¹ См.: *Гучков А. И.* Указ. соч. С. 31.

² ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.

После объединения в 1909 г. военного управления вновь в руках военного министра Государственная дума указывала на необходимость коренных преобразований «главного двигателя всей военной системы» – Генерального штаба, отмечая его неорганизованность в работе, излишек генералитета и т. д.¹.

Значительное место при обсуждении смет военного и морского ведомств заняли вопросы перестройки деятельности центральных учреждений Главного интендантского управления, Главного военно-инженерного управления, Главного артиллерийского управления, Морского министерства. Так, смешение обязанностей и безответственность в центральных учреждениях морского ведомства в значительной степени способствовали отклонению Думой ассигнования средств на постройку четырех броненосцев для Балтийского флота.

Серьезная критика многими депутатами порядков в центральных учреждениях ведомств встречала отповедь со стороны правых в Думе. В. М. Пуришкевич часто нападал в своих выступлениях на комиссию по государственной обороне, ставил ей в упрек «раскрытие ран» нашей обороны. Он заявлял, что она «подрывает доверие народа к «высшим правителям русской армии», веру в них, и советовал «громить представителей военного ведомства в четырех стенах Думы, но не выносить «сор из избы»².

Отмечая возросшую роль комиссии по государственной обороне III Думы и попытки ее председателя Гучкова повлиять на ход дел в Военном и Морском министерствах, Пуришкевич с негодованием писал царю о том, что и при новом министре В. А. Сухомлинове, заменившем А. Ф. Редигера (последний искал опору в Государственной думе), «продолжается зависимость военного ведомства от комиссии, как бы подчинения первого компетентности второй». Пуришкевич требовал, чтобы «верховный

¹ См.: III Государственная дума. Сессия 3. Фракция народной свободы (в период 10 октября 1909 – 5 июня 1910 г.). СПб., 1910. С. 78.

² ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 7.

вождь армии» уберег оборону от Думы, которая действует на Вооруженные силы «революционизирующе»¹.

Огромные потери в войне с Японией потребовали резкого улучшения материально-технического обеспечения Вооруженных сил. Причем, во время истекшей войны были использованы запасы почти всех военных округов.

В письме помощника военного министра А. А. Поливанова члену думской комиссии по государственной обороне, октябристу А. И. Звегинцову говорилось, что ближайшие потребности Военного министерства выражаются в сумме 1910 млн рублей, помимо 144,5 млн рублей текущих постоянных расходов. Всего же, с учетом программы судостроения и прочих мер, правительство в ближайшие несколько лет намеревалось направить на армию и флот сумму, равную примерно 5 млрд. рублей, не считая ежегодных бюджетов морского и военного ведомств, которые, в свою очередь, неуклонно возрастали².

В течение 1908–1915 гг. Военное министерство ежегодно входило с представлениями в нижнюю палату парламента об отпусках значительных сумм средств на пополнение запасов и усиление материальной части, в первую очередь, полевых войск. Ассигнования были Думой выделены.

Огромная трата денег заставила депутатов, комиссию по государственной обороне (по военным и морским делам) усилить требовательность в отношении ведомств за ускорение реформ в их контролируемых областях.

Острой, аргументированной критике думцами были подвергнуты порядки в Главном интендантском управлении, которое являлось, по их мнению, «наиболее больным в военном ведомстве»³. В 1909–1911 гг. на заседаниях Думы это управление получало принципиальную негативную оценку практически со стороны

¹ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 666. Л. 7.

² См.: *Шацилло К. Ф.* Развитие Вооруженных сил России накануне Первой мировой войны (военные и военно-морские программы царского правительства в 1906–1914 гг.): дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 169.

³ См.: *Гучков А. И.* Указ. соч. С. 57.

всех фракций. Комиссия по государственной обороне высказалась за введение в Управление нового института корпусных и дивизионных интендантов, который должен был связать центральное хозяйственное управление с войсковыми хозяйствами; пересмотр порядков в них с установлением правильной, соответствующей действительности, отчетности; погашение долгов войсковых частей и т. д.¹

Военное ведомство пошло навстречу требованиям парламентариев и согласилось на проведение нескольких сенаторских ревизий интендантского хозяйства. По словам депутата октябриста И. В. Годнева, к 1 января 1910 г. одни эти ревизии «дали свыше ста очень больших следственных дел о тех преступлениях, которые совершены интендантством». Более 500 лиц было привлечено к следствиям, из них – 20 генералов². Все это говорило о большом количестве злоупотреблений в ведомстве, которое ведало важнейшими отраслями снабжения.

При обсуждении смет Главного военно-санитарного управления в 1908–1911 гг. Дума неоднократно высказывала пожелания о безотлагательном преобразовании военно-санитарного дела в соответствии с опытом войны³.

В результате предпринятых усилий Думы и военного ведомства к осени 1912 г. интендантские, продовольственные, санитарные запасы, а также простейшие виды инженерного имущества удалось восполнить до необходимых норм. Об этом сообщали В. А. Сухомлинову главные управления, проведя по указанию последнего, проверку этих запасов⁴.

Между тем, армия была вооружена из рук вон плохо. В достатке имелись лишь винтовки, револьверы и патроны старого типа.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 4. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 527–533.

² См. там же. Стб. 542–543.

³ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 3. СПб., 1912. С. 697.

⁴ См.: *Шаццлло К. Ф.* Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7. С. 228.

Настоятельно требовалась реформа Главного артиллерийского управления (далее – ГАУ). Не соглашаясь с оптимистическими заявлениями Сухомлинова о достаточном материальном обеспечении армии и готовности ее в случае войны вести успешные боевые действия, комиссия по государственной обороне, устами Гучкова, вынуждена была 7 мая 1912 г., после анализа крайне неблагоприятного состояния дел в ГАУ, предложить Думе принять формулу перехода к очередным делам, где говорилось, что деятельность ГАУ, особенно в деле снабжения нашей армии «необходимыми предметами» вооружения, представляет «серьезную опасность для государственной обороны»¹.

Но лишь к началу 1914 г. Военное министерство признало необходимость реорганизации артиллерийского ведомства и в апреле в Думу поступил соответствующий законопроект. При обсуждении сметы ГАУ 31 мая 1914 г. докладчик бюджетной комиссии октябрист А. З. Танцов отмечал, что «эта реорганизация сильно опоздала» и опоздание «может иметь весьма серьезные и крайне нежелательные последствия». В пожеланиях бюджетной комиссии отмечалось, что если замедлить с преобразованием артиллерийского ведомства, то его реформа «может быть не будет закончена к началу войны»².

Так оно, в конечном счете, и получилось. Уже во время Первой мировой войны, 9 августа 1915 г., при обсуждении объяснений представителей Военного министерства по вопросам материального пополнения армии в комиссии по военным и морским делам, отмечалось, что ГАУ по-прежнему остается при старой организации, «представляющей серьезную опасность для дела государственной обороны». Помощник военного министра М. А. Беляев изъявил на думском заседании согласие на ревизию ГАУ. Ее планировалось согласовать с деятельностью в этом направлении Верховной следственной комиссии³.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 763.

² См. там же. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 5. СПб., 1914. Стб. 255–257.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 447. Л. 287–288.

В 1912 г. Государственная дума в постановлении по смете расходов Главного инженерного управления (далее – ГИУ)¹ потребовало незамедлительной выработки полного и точного плана переустройства военно-инженерного ведомства и скорейшего его осуществления².

Со временем ГИУ было преобразовано в Главное военнотехническое управление с реформированием ее структуры и задач. Причем, особое внимание уделялось развитию воздухоплавания.

Еще в 1908 г. Дума посчитала необходимым принять решение о представлении ведомством плана создания военно-воздушного флота в России и кадра обученных лиц для его обслуживания³. В последующие годы авиационная тема неоднократно звучала на заседаниях и в их постановляющей части. К примеру, были материально поддержаны работы И. И. Сикорского по изобретению летательных аппаратов. В конце 1913 г. 100 членов Думы внесли законодательное предположение о выдаче ему в качестве премии из государственного казначейства 100 тыс. рублей⁴.

Значительный некомплект в армии офицерского состава вызвал обеспокоенность комиссии по государственной обороне. Дума дважды, в 1910 и 1911 г., признавала необходимым принятия военным ведомством мер к разработке плана развития военных училищ с таким расчетом, чтобы всецело были удовлетворены потребности армии в офицерах⁵.

Депутаты неоднократно выступали за расширение старых и строительство новых пехотных, артиллерийских и инженерных

¹ В это время ГИУ соединяло в руках разнородные обязанности – в том числе, заботу об оборудовании крепостей, обеспечении летательными аппаратами, казарменном довольствии войск и т. д. – авт.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 864.

³ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 3. СПб., 1912. С. 694–695.

⁴ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 2494–2495.

⁵ См. там же. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1301–1302; Созыв 3. Сессия 4. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 688.

училищ. 7 мая 1912 г. в очередной формуле перехода была подчеркнута необходимость безотлагательной постройки крепостного артиллерийского училища в Одессе и решения вопроса об открытии полевого артиллерийского училища в Киеве¹.

Военное ведомство не заставило себя долго ждать в этих вопросах. Через несколько дней депутаты уже рассматривали законопроект об одесском училище².

В начале 1914 г. Военное министерство внесло в Думу законопроект о создании второго инженерного училища в Петербурге. Учебный процесс, по мнению военных, мог быть обеспечен хорошо подготовленным преподавательским составом, имеющимся в городе, и «соответствующим надзором со стороны высшего начальства».

Комиссия по военным и морским делам предложила ведомству обсудить вопрос о другом крупном военно-административном центре (Киев, Москва), где можно было расположить училище. Здесь также имелся надлежащий преподавательский состав, но были более лучшие бытовые и климатические условия жизни, чем в Петербурге³. Более того, члены комиссии указывали на экономию строительных расходов и приобретение соответствующих земельных участков в Киеве или Москве.

Вопрос о создании училища вновь обсуждался в начале марта 1914 г. в Военном министерстве. После его окончания представители ведомства уведомили Думу, что Военный совет пересмотрел свое первоначальное мнение и решил учредить училище в Киеве. В связи с этим, единовременные расходы по его устройству сократились на 1,1 млн рублей⁴.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 762.

² См. там же. Стб. 2199–2200.

³ В Петербурге, считали депутаты, эти условия вредно сказываются на здоровье военной молодежи (См.: Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 4. Сессия 2. 1913–1914. СПб., 1914. С. 169–171).

⁴ См.: Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Созыв 4. Сессия 2. 1913–1914. СПб., 1914. С. 171.

С осуществлением судостроительной программы появилась настоятельная необходимость в увеличении офицерского состава для кораблей флота. Предложение морского министра И. К. Григоровича о создании морского кадетского корпуса в Севастополе встретило полное сочувствие депутатов и денежные средства Думой были отпущены¹.

Законы империи позволяли Думе участвовать в решении непростых проблем укомплектовании армии и флота личным составом. В течение 1907–1916 гг. депутаты ежегодно рассматривали представления Военного министерства о величине контингента новобранцев. В принятых формулах перехода признавалось необходимым проведение правительством следующих мероприятий:

а) пересмотр Устава о воинской повинности;

б) желательное сокращение численного состава армии в мирное время с возможностью развертывания больших сил во время войны;

в) привлечение к отбыванию «натуральной (т. е. действительной) воинской повинности народностей и групп населения, которые были освобождены от нее в тот период времени. Создание для этих народов, впервые призываемых, необходимых условий службы, приспособленных к особенностям их быта, религии, климата²;

г) обсуждение вопроса об отбывании воинской повинности лицами иудейского вероисповедания;

д) принятие решительных мер к освобождению нижних чинов от тех обязанностей, которые могут быть возложены на вольнонаемных;

е) установление военного налога на лиц, освобожденных от воинской повинности³;

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 5. СПб., 1914. Стб. 1073–1074.

² См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 667.

³ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 667.

ж) освобождение от призыва части духовенства¹.

Впервые законопроект о новобранцах рассматривался во II Думе 16–17 апреля 1907 г. на ее закрытых заседаниях. Социал-демократы доказывали, что надо отвергнуть ведомственный проект и не давать правительству ни одного солдата. Прямо противоположную позицию заняли правые, националисты и октябристы, выступавшие за принятие проекта закона. К ним присоединились кадеты. Последние, желая сохранить Думу от нового роспуска, утверждали, что государство без армии не может существовать и отказ от обсуждения законопроекта позволит царю и правительству призвать в 1907 г. больше новобранцев, чем в предыдущем году. В силу этих соображений, кадеты решили голосовать за призыв новобранцев².

Однако социал-демократов убедить не удалось и один из них – А. Г. Зурабов в речи, в ходе которой председатель останавливал его за ее резкость, выразил уверенность, что «наша армия годится только для того, чтобы разогнать вас, борющихся с народом, но обречена на поражение в борьбе с противником». Это выступление закончилось большим шумом в зале, негодующими возгласами многих депутатов с мест. После заседания, на котором, по мнению думского большинства, была «оскорблена русская армия», председатель Государственной думы Ф. А. Головин дал соответствующие разъяснения премьер-министру П. А. Столыпину и военному министру А. Ф. Редигеру³. Министр финансов В. Н. Кокцов считал, что роспуск II Думы был «окончательно и бесповоротно» решен именно по результатам данного заседания⁴.

¹ См.: Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. С. 186–187.

² После I Думы, в «Выборгском воззвании» (10 июля 1906 г.) кадеты призывали население не платить налоги и уклоняться от воинских наборов (См.: II Государственная дума. Периодические обзоры ее работы. СПб., 1907. С. 10–11).

³ А. Ф. Редигер покинул зал заседания Думы после выступления А. Г. Зурабова (См.: II Государственная дума. Периодические обзоры ее работы. СПб., 1907. С. 12).

⁴ См.: *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 1. С. 227.

Законопроект о числе новобранцев Дума приняла. Против голосовали социал-демократы и группа трудовиков. Другая группа трудовиков, преимущественно крестьяне, уклонилась от голосования; третья их часть – поддержала мнение думского большинства¹. Государственный совет был солидарен с решением Думы, а император утвердил его. Закон о новобранцах 1907 г. стал первым и единственным законом, прошедшим через II Думу и подписанным Николаем II.

До 1913 г. правительство и Дума не увеличивали количество призываемого в армию контингента. 13 марта 1913 г. депутатам было послано отношение военного министра с просьбой повысить число новобранцев на 1913 г. приблизительно на 25 тыс. человек². Дума не возражала и 11 апреля ведомство получило просимый им закон. Из 25 тыс. новых солдат – 15 тыс. выделялись для артиллерии, немедленное развитие которой было самым неотложным делом³.

В 1914 г. контингент увеличился еще на 112 тыс. человек, что позволило военному ведомству «значительно развить военные силы»⁴.

Рассмотрение вопросов комплектования Вооруженных сил проходило не только в процессе думской межфракционной борьбы, но и в условиях сепаратистских тенденций в национальных окраинах России. «Высочайшим» Манифестом царя в октябре 1905 г. была отменена личная воинская повинность в Финляндии. В другом Манифесте от сентября 1909 г. Николай II повелел рассмотреть вопрос об освобождении от воинской повинности финских граждан в порядке общего законодательства. Причем, император и правительство, проявляя заботу об уравнивании «военных тягот» между различными районами России, выступали против создания самостоятельных финских войск.

¹ См.: *Изгоев А. С.* Партии во II Государственной думе. СПб., 1907. С. 13.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2982. Л. 7–14.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 85. Л. 13–14.

⁴ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 5. СПб., 1914. Стб. 192.

Бурные дебаты прошли в Государственной думе 28 октября 1911 г., по итогам которых депутаты поддержали внесенный председателем Совета министров проект закона о производстве финской казной платежей государственному казначейству взамен отбывания финскими гражданами военной службы в личном порядке. На финскую казну была возложена обязанность производить ежегодные денежные взносы на следующих основаниях: размер этих взносов на 1911 г. определялся в 12 млн финских марок, а затем увеличивался каждый год на один млн финских марок, пока не достигал 20 млн марок, а с 1919 г. – 20 млн марок ежегодно. В случае привлечения финских граждан к отбыванию личной воинской повинности, уплата взносов прекращалась со времени их призыва¹.

При рассмотрении вопросов комплектования Вооруженных сил в Думе неоднократно ущемлялись права депутатов. Несколько раз количество экземпляров представлений правительства о величине контингента поступало в Думу исходя лишь из численности членов комиссии по государственной обороне. В результате, к моменту обсуждения подобных законопроектов абсолютное большинство парламентариев не могло даже видеть необходимых документов. Такая «забота» о сохранении военных секретов вызывала резкие выступления со стороны кадетов, трудовиков, социал-демократов, требовавших в таких случаях отклонения законопроекта или перенесения заседания на более поздние сроки².

При обсуждении законопроекта о величине контингента новобранцев в призыв 1908 г. депутаты обратили внимание на недостатки действующего Устава о воинской повинности. Дума в формуле перехода признала необходимым, чтобы данный Устав был пересмотрен и согласован с современными условиями, устранил ненормальные явления: недобор призывников, неравномерное пользование в разных призывных участках льготами по семейному положению, «браковка» воинскими комиссиями очень большого

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 1. СПб., 1912. Стб. 681–749.

² См.: III Государственная дума. Сессия 3. Фракция народной свободы (в период 10 октября 1909 – 5 июня 1910 г.). СПб., 1910. С. 76–78.

количества новобранцев, признанных годными к службе воинскими присутствиями¹.

Пересмотр Устава о воинской повинности произвела образованная по указанию императора межведомственная комиссия при военном министре. Выработанный ею проект закона был представлен 14 января 1911 г. в Государственную думу.

Обсуждение Устава в нижней палате парламента проходило в течение нескольких заседаний при закрытых дверях. Завязавшиеся дискуссии вовлекли в себя представителей фактически всех фракций и групп. В комиссии по государственной обороне, на общих пленарных заседаниях Думы проект закона был в значительной степени переработан.

Дума внесла целый ряд изменений в Устав. Выделим из них некоторые:

1. Пересмотрены отдельные статьи о предоставленных призванным льготам по семейному положению и образованию.

2. Разрешено поступление на службу вольноопределяющимся и охотникам в два срока: в декабре и в июне; определен порядок прохождения ими службы.

3. Внесены изменения в работу временных воинских присутствий.

4. Установлено, что закон об изменении Устава о воинской повинности вводится в действие с 1 декабря 1912 г. и пр.².

Одобренный Думой проект закона был принят Госсоветом с некоторыми изменениями. Образованная для устранения расхождений между палатами парламента согласительная комиссия выработала соответствующие предложения, одобренные затем обеими этими органами. Наиболее существенной поправкой, принятой согласительной комиссией, стало изменение сроков зачисления на службу вольноопределяющихся. Законопроект был утвержден царем 23 июня 1912 г.³.

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

² См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 675–679.

³ РГВИА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 47. Л. 23–34.

Особое место в деятельности Государственной думы заняли проблемы социальной обеспеченности военнослужащих. Они были вызваны ростом цен и постепенным ухудшением материального положения офицеров, нижних чинов и членов их семей. Это непосредственным образом вело к некомплекту личного состава в армии и на флоте, принимавшему со временем угрожающие масштабы.

Уже в дни работы I Думы депутаты поддержали предложение кадеты Е. Н. Щепкина включить в думский ответный адрес на тронную речь императора фразу: «Помятутя о тяжком бремени, которое народ несет в армии и на флоте Вашего Величества, Государственная дума озаботится внести начала справедливости и права». В последовавшей затем Декларации Совета министров говорилось о том, что «в войсках его Императорского Величества начала эти с давних пор установлены на незыблемых основаниях»¹. Правительство подчеркивало заботу императора, направленную на улучшение материального быта всех военнослужащих. Изыскание средств, необходимых для более широкого осуществления этих мероприятий, ставилось одной из главных задач государственной власти и законодательных учреждений².

Изучение стенографических отчетов Государственной думы и архивных источников свидетельствует о том, что забота о социальных проблемах армии и флота свелась депутатами, в основном, к повышению денежного содержания военных и материальной поддержке их семейств. Вопросы уставных взаимоотношений, повышения гражданских прав нижних чинов, перспектив служебной деятельности офицерского состава и другие аспекты социальной защиты были депутатами опущены.

Денежное довольствие русских офицеров находилось на более низком уровне, нежели в иностранных армиях. Оно оставалось в тех же рамках, как было установлено много лет тому назад. Требовались срочные меры властей.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв I. Т. 1. СПб., 1906. Стб. 224–225, 241.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв I. Т. 1. СПб., 1906. Стб. 322.

После рескрипта Николая II от 6 декабря 1907 г., ряда совещаний, которые состоялись между представителями основных думских фракций и руководителями Военного министерства, ведомство вошло в Думу с особым проектом закона, в котором повышались оклады содержания, размеры суточных, лагерных и походных денег, а также некоторых других денежных отпусков для строевого офицерского состава. Расходы на эти надобности исчислялись в размере 16 млн рублей в год. Причем, увеличение содержания проектировалось в виде особых «добавочных денег» к установленным офицерским окладам содержания.

Комиссия по государственной обороне одобрила этот законопроект с некоторыми незначительными изменениями и вместе с тем предложила правительству осуществить следующие мероприятия:

а) в ходе весенней сессии представить в Думу проект закона об увеличении содержания классных фельдшеров, а в перспективе – улучшить денежное содержание полковых делопроизводителей по хозяйственной части и военного духовенства;

б) принять меры к избавлению офицеров от непроизводительных расходов: частых перемен форм обмундирования, а также от расходов, связанных с фактическими обязательными вычетами при выдаче жалованья, на покрытие счетов офицерских столовых, экономических обществ и различных подписок, на проведение праздников и «подношений»¹.

В своем выступлении в Думе по проекту закона об увеличении содержания офицерскому составу армии 17 декабря 1908 г. А. И. Гучков обосновывал решения комиссии. Он считал, что если законопроект получит силу закона, то офицеры русской армии будут обеспечены удовлетворительно в сравнении с другими европейскими армиями² (в приложении 8 дана таблица денежного содержания русских офицеров от подпоручика до подполковника включительно в сравнении с офицерами европейских армий; в приложении 9 – перечень обязательных вычетов, производимых с подпоручиков N-ского полка, составленные А. И. Гучковым).

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 68. Л. 7.

² См.: *Гучков А. И.* Указ. соч. С. 36–37.

Законопроект об увеличении содержания офицерскому составу армии был принят депутатами.

В последующие годы, руководствуясь пожеланиями Думы, Военное министерство представило целый ряд законопроектов, на основании которых были установлены добавочные деньги священнослужителям строевых частей войск, крепостных соборов и церквей, классным фельдшерам и фармацевтам, офицерским и классным чинам корпуса военных топографов, корпусной и осадной артиллерии, офицерам постоянного состава ВУЗов, Генерального Штаба и т. д. Все эти мероприятия потребовали ежегодного ассигнования в сумме более 1,6 млн рублей. 5 июля 1912 г. императором были утверждены принятые в Думе по представлению морского министра законопроекты о добавочных деньгах врачам ведомства¹.

Отметим, что не все из подобных проектов законов принимались Думой. 14 февраля 1914 г. депутаты отклонили законопроект Военного министерства об отпуске средств на «установление добавочных денег на представительство начальствующим лицам войск гвардии». Руководители ведомства мотивировали свое решение тем, что данным лицам приходится присутствовать при «Высочайших» объездах царя и они несут при этом расходы.

Выступивший на заседании докладчик комиссии по военным и морским делам октябрист И. П. Качиони обосновывал отказ комиссии тем, что материальное положение армейских офицеров еще хуже, чем в гвардии. А военное ведомство, считал он, заботится только о гвардейских руководителях².

С целью омоложения командного состава армии, Военное министерство провело в 1906 г. особые правила о добавочных пенсиях для строевых офицеров. Действия этих правил ограничивались сроком 1 января 1909 г. И поэтому в конце 1908 г. был внесен в Думу законопроект о продлении этих правил до выработки общего пенси-

¹ См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 684.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 2. СПб., 1914. Стб. 426–428.

онного устава для военнослужащих. Комиссия по государственной обороне спешно рассмотрела проект закона, его одобрила, но ввиду того, что он имел временный характер и к тому же касался только строевого состава, признала необходимым настаивать на скорейшей разработке общего пенсионного устава, чтобы дать прочное пенсионное обеспечение всем категориям военнослужащих¹.

Ввиду того, что разработка пенсионного устава затягивалась, Думе приходилось несколько раз продлевать действия вышеуказанных правил до 1912 г.²

Сам законопроект «о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям» был одобрен Думой и Госсоветом, а затем, 23 июня 1912 г. утвержден царем. Он был назван уставом и построен на следующих основаниях:

а) распространялся на всех офицерских, медицинских и ветеринарных чинов (на этом настояла Дума);

б) охватывал лиц, уволенных в отставку с 1 января 1909 г. и на их семейства³.

На заседании Думы, где рассматривался новый пенсионный устав, докладчик комиссии по государственной обороне националист Ф. Н. Безак особо отметил, что «офицер получает большую пенсию, чем чиновник других ведомств. И это совершенно справедливо, так как эта служба совершенно исключительная»⁴.

Депутаты неоднократно выступали за немедленный пересмотр всех законоположений о пенсиях нижних чинов. В своем первом вступительном слове в качестве председателя Государственной думы А. И. Гучков 12 марта 1910 г. среди первоочередных оборонных вопросов назвал законопроект об обеспечении раненых и увечных нижних чинов, а также семейств чинов, погибших в войну⁵.

¹ См.: *Гучков А. И.* Указ. соч. С. 31–33.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1358–1362; Созыв 3. Сессия 5. Ч. 1. Стб. 3399.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 2219–2947, 3627–3641.

⁴ Там же. Стб. 2929–2930.

⁵ См. там же. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 450.

Пожелания, высказанные Думой, встретили поддержку со стороны правительства, которое заявило, что берет на себя коренную переработку существующих законов о «призрении» нижних чинов и их семейств. Однако выполнение этого пожелания продвигалось медленно. Тогда думский центр (в лице фракций октябристов и националистов) внес в Думу за подписью 96 депутатов (А. И. Гучков, Г. Г. Лерхе и др.) 20 февраля 1909 г. свое законодательное предположение, которое значительным образом улучшало дело социального обеспечения нижних чинов и их семейств, повышало оклады пенсий, расширяло круг пенсионеров и упрощало всю процедуру назначения пенсий.

Министерство внутренних дел взяло на себя разработку данного законопроекта, который впоследствии, 13 февраля 1912 г., одобрила Дума. Сам проект закона состоял из трех частей: а) пенсии нижним чинам; б) пенсии вдовам нижних чинов, обеспечение других ближайших родственников вышеназванных чинов; в) призрение чинов и их семейств во время войны¹. В итоге работы думских комиссий депутатам, с помощью представителей ведомства, удалось свести основные положения проекта закона к трех основаниям:

1. Назначение пенсий сосредотачивалось в одном учреждении.

2. Пенсии назначались из одного источника – средств государственного казначейства.

3. Право на пенсию получали все нижние чины, потерявшие на службе как в военное, так и в мирное время способность к труду с начала японской войны².

При постатейном обсуждении законопроекта, кадетам, от имени которых неоднократно выступал А. И. Шингарев, удалось включить в него массу поправок. Была принята формула перехода, в которой отмечалось, что осуществление данного законодательного предположения о пенсиях нижних чинов вызовет крупные

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 2. СПб., 1912. Стб. 1505.

² См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 687.

расходы, обременительные для государственного казначейства. Выход виделся в возложении финансового бремени преимущественно на лиц, которые по тем или иным причинам не были призваны к защите Родины. Дума предлагала правительству рассмотреть вопрос об установлении особого военного налога¹.

Депутаты неоднократно признавали недопустимым, чтобы Военное министерство задерживало отпуск воинским частям денежных средств, особенно, касающихся довольствия нижних чинов².

5 марта 1909 г. депутаты одобрили законопроект о повышении размера пособий детям нижних чинов, погибших в войне с Японией³.

Особенностью военной организации России было наличие казачьих войск. Казаки имели особое внутритерриториальное устройство и несли воинскую повинность за свой счет. Все казачьи области находились в ведении Военного министерства. С каждым годом ухудшалось служебное и материальное положение их коренного населения. Все это вело к общему разорению и расказачиванию казаков. В запущенном состоянии находились войсковые капиталы. Военное ведомство так и не смогло приступить к необходимым реформам в отношении казачьего населения.

В ходе работы первых двух Дум депутаты-казаки неоднократно выступали с трибуны и сумели на конкретных примерах показать тяжелые условия жизни своих земляков. Большинство из них резко негативно относилось к многочисленным фактам использования правительством казачьих отрядов в борьбе с народными выступлениями⁴.

Сама непосредственная законотворческая работа по решению наболевших казачьих вопросов началась с III Думы после избрания комиссии по государственной обороне. В нее вошли представители казаков: И. Ф. Кадацков, М. И. Кирьянов, Н. В. Тихонов,

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 58. Л. 54.

² РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 921. Л. 13.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 4. СПб., 1909. Стб. 516.

⁴ См. там же. Созыв 1. СПб., 1906. Стб. 261–264.

С. И. Шеметов. Кроме того, была избрана думская казачья группа (председатель группы – кадет В. А. Харламов)¹.

Следует отметить, что депутаты-казаки развернули активную парламентскую деятельность по защите интересов казачьего населения. Эта работа шла по нескольким направлениям:

- а) изменение порядка несения службы казаками;
- б) улучшение их материального положения;
- в) поддержка войсковых капиталов;
- г) проведение глубоких реформ экономического положения казачьих областей².

Первыми двумя законопроектами, с которыми пришлось трудиться членам комиссии по государственной обороне, стали казачьи проекты: «Об обеспечении строевыми лошадьми тех казаков, которые по закону не обязаны содержать их в мирное время» и «Об освобождении от воинской повинности калмыцкого духовенства Бакшинского Хурула Донской области».

В ходе обсуждения данных проектов в декабре 1907 г. определились основные позиции фракций по отношению к нуждам казаков. Комиссия по государственной обороне сочувственно отнеслась к требованиям казаков. Она предложила Думе продолжить еще на 10 лет порядок снабжения казаков при мобилизации по военно-конской повинности, которую несло население. В поддержанной депутатами формуле перехода комиссии говорилось о том, что необходимо пересмотреть вопросы о «способах несения службы казаками». Прогрессист И. Н. Ефремов особо выделял: «Надо беречь Донскую область... Для собственной выгоды правительство должно прийти казачьему хозяйству на помощь»³.

Особую позицию заняли социал-демократы. Н. Г. Полетаев подчеркивал, что фракция против частичных решений там, где

¹ См.: IV Государственная дума. Сессия 1. Фракция народной свободы (15 ноября 1912–25 июня 1913 г.). СПб., 1913. С. 71.

² См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 689.

³ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1909. Стб. 969–970.

требуется коренной пересмотр вопроса. «В интересах самого же казачества – считал Полетаев, – пересмотр этот должен быть направлен в сторону уничтожения казачества, как военной касты и подведения казаков по отбыванию воинской повинности под общий закон»¹.

С депутатским решением внесенных военным ведомством проектов законов постоянно менялись, пусть и медленно, правовые основы несения службы казаками. В служилый состав войска стали зачислять все лица казачьего населения, достигшие 20 лет; причем общий срок службы казаков был установлен в 18 лет. Из них: 1 год – в подготовительном, 12 – в строевом, 5 лет – в запасном разрядах. Порядок этот был распространен на все казачьи войска, за исключением казаков Иркутской и Енисейской губерний².

Депутаты обратили внимание и на экономическое, финансовое положение казачьих областей. При самом активном участии депутатов-казаков был внесен в этом плане целый ряд законодательных предположений.

Соглашаясь на выдачу пособий войсковым капиталам казачьих войск ввиду истощения последних, Дума неоднократно признавала такой порядок постоянных восполнений финансовых нужд казачества ненормальным явлением и высказывалась за необходимость проведения существенных мероприятий по улучшению экономического и финансового положения казачьих войск. Такими мероприятиями депутаты считали:

во-первых, финансовое и экономическое обследование казачьих областей для выяснения вопроса об изменениях в устройстве и быте казачьих войск и взаимоотношений казачества с государством³;

во-вторых, введение в казачьих областях широкого местного самоуправления на выборных началах¹;

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1909. Стб. 966.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 4. СПб., 1909. Стб. 515.

³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 3. Д. 921. Л. 7.

в-третьих, выделение из ведения военного управления гражданских, культурных, экономических вопросов казачьей жизни с передачей их органам местного самоуправления и изъятия органов гражданского управления из круга полномочий Военного министерства² и т. д.

К 1912 г. для депутатов все больше становилось ясным, что правительство не намерено было решительно приступить к активным преобразованиям различных сторон казачьей жизни. Оно, зачастую, соглашалось с пожеланиями Думы, а затем откладывало их реализацию в канцелярский стол.

Лидер казачьих депутатов кадет В. А. Харламов на заседании Думы 8 мая 1912 г. вновь настаивал на «коренных изменениях в современном строе казачьего войска и управления им», материальном обеспечении казаков. Большинство законопроектов, проходящих через Государственную думу, как и прежде, касалось субсидий войсковым капиталам. Ведомство, считал Харламов, продолжает ограничиваться «заплатами на дырявой одежде» казачьего войска, а следует переходить к другим мерам³. «Нужно встать, – считал кадет К. Л. Бардиж – на путь коренных реформ, коренного пересмотра всего положения о казачестве»⁴.

Через год докладчик бюджетной комиссии октябрист Н. В. Савич, при рассмотрении сметы расходов Главного Штаба⁵, отмечал, что пожелания Думы в отношении казаков не реализуются⁶. Ведомство по-прежнему снабжало Думу сплошной «вермишелью» по казачьим делам: просило кредиты на пособия, суб-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1335.

² См.: Обзор деятельности Государственной думы III созыва (1907–1912 гг.). Ч. 2. СПб., 1912. С. 691.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 803–805.

⁴ Там же. Стб. 843.

⁵ В 1910 г. было расформировано Главное управление казачьих войск и создан казачий отдел Главного Штаба – авт.

⁶ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 1911.

сидии, кредиты на продовольственные нужды и пр. Единственный появившийся крупный проект закона – о введении земских учреждений в Донской области, который в начале 1914 г. приняла Дума, – был 26 февраля 1914 г. отклонен Государственным советом.

31 мая 1914 г. представитель Амурского и Уссурийского казачьего войска кадет И. М. Гамов печально констатировал, что «от прежних прав и привилегий казачьего населения осталась лишь только видимость»¹.

За исключением трудовиков и социал-демократов, все остальные фракции и группы были активными сторонниками сильной армии и флота. Основные разногласия среди них существовали в конкретных мероприятиях, темпах и сроках реформирования Вооруженных сил, количестве ассигнуемых средств и целесообразности тех или иных денежных отпусков при неперменном условии реорганизации различных сторон военного и морского дела. Основная острая внутридумская борьба шла между кадетами и октябристами, причем последним суждено было сыграть основную роль в определении «военного» лица Думы. При этом планы октябристов часто отвечали правительственным планам вследствие совместной заблаговременной проработки важнейших военных вопросов. В отличие от октябристов, кадеты были сторонниками более радикальной перестройки различных сторон жизнедеятельности Вооруженных сил. Они выступали за тщательное обоснование необходимости всех военно-сухопутных и военно-морских ассигнований, эффективный контроль и проверку того, как расходуются выделенные средства ведомствами. Кадеты никогда не замыкались на чисто военной тематике, всегда увязывая ее с необходимостью преобразований в государственном устройстве России, понимая, что сила армии всегда заключается в прочности общественно-политического строя.

В свою очередь, если правые выступали против активного вмешательства Думы в военные и морские дела, то социал-демо-

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 5. СПб., 1914. Стб. 286.

краты и основная часть трудовиков, находившихся под постоянным влиянием последних, отрицали необходимость постоянной армии и флота, как консервативного оплота «прогнившего самодержавного строя».

Настойчивые требования основных фракций в Государственной думе заставили правительственные круги ускорить реорганизацию Военного и Морского министерств, учитывая позицию Думы. Среди крупных мер, осуществленных ведомствами по реализации думских пожеланий, назовем следующие:

а) упразднен Совет Государственной Обороны;

б) докладчиком императору по всем вопросам военного дела стал военный министр;

в) проведены преобразования центрального военного управления, реформы управления в большинстве военных ведомств, Морском министерстве;

г) разработаны программы судостроительства на годы вперед;

д) включен в состав Военного министерства Александровский комитет о раненых;

е) на военного министра возложено председательствование в Высшей аттестационной комиссии;

ж) преобразовано Главное военно-медицинское управление с переименованием его в Главное военно-санитарное управление;

з) приняты жесткие меры в борьбе с хищениями и бесхозяйственностью в интендантском ведомстве. Реорганизовано войсковое хозяйство, введено управление дивизионных интендантов;

и) уволено из армии значительное количество «устаревших, отставших» в военном и морском деле начальников всех степеней. Упразднены ряд лишних должностей. От постов генерал-инспекторов родов войск удалены некоторые «особо бездарные» великие князья;

к) произошли изменения в комплектовании Вооруженных сил в сторону их оптимизации. Ликвидирована нехватка офицеров в армии. Расширилось число ВУЗов и требовательность к поступлению в них. Расширен институт сверхсрочных унтер-офицеров;

л) улучшена социальная обеспеченность военнослужащих.

Выступивший в Думе 7 мая 1912 г. с разъяснениями начальник Канцелярии Военного министерства генерал-лейтенант Н. А. Данилов особо отметил, что «за 40 лет армия не переживала таких преобразований, как за эти пять лет»¹.

Анализ свидетельствует, что к лету 1914 г. между Государственной думой и ведомствами существовала вполне хорошая взаимосвязь в проработке армейских и флотских вопросов. Осуществлялась интенсивная переписка между сотрудничающими органами. На каждом думском общем пленарном заседании или заседании комиссии присутствовали представители соответствующих ведомств. Министерства регулярно подробно отвечали на многочисленные вопросы, которые интересовали бюджетную комиссию и комиссию по военным и морским делам при подготовке к очередным заседаниям. Стенограммы заседаний комиссий Думы в нескольких экземплярах рассылались в министерства для отработки и корректировки².

П. А. Столыпин 26 августа 1908 г. в письме на имя морского министра И. М. Дикова просил доставить ему пожелания по морскому ведомству, высказанные при обсуждении в законодательных учреждениях бюджетных предположений на 1908 г. Одновременно он писал, чтобы ему было представлено, какие из них могут быть исполнены и какие представляются трудно осуществимыми и почему именно.

Диков отправил пожелания председателю Совета министров с отметками о том, в какой мере данные пожелания могут быть реализованы его ведомством³.

Таким образом, за предвоенный период в области реформирования Вооруженных Сил Российского государства была проделана существенная работа. В плане улучшения материально-технической базы армии, ее комплектования, повышения социальной обеспеченности военнослужащих произошли немалые сдвиги.

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 748.

² РГИА. Ф. 410. Оп. 3. Д. 1277. Л. 332–335.

³ РГИА. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3784. Л. 388–395.

Вместе с тем, реформы носили незавершенный характер. Чаще всего вопросы, находившиеся вне компетенции народного представительства, подлежавшие единоличному разрешению верховного главнокомандующего, разработка которых зависела от активности, деловитости, а иногда и личного гражданского мужества высших чинов военного ведомства, застредали на полпути, тонули в бюрократической рутине ведомств. Не произошло кардинальных сдвигов и в вопросах подбора и улучшения высшего командного состава армии. Военные учреждения так и не смогли избавиться от влияния бюрократизма, тормозившего реформы. Горьким признанием звучат слова А. И. Гучкова, сказанные им на пятом году деятельности Думы: «Разве мы были в силах обновить личный состав того ведомства, которое должно было выполнять те задачи, на которые мы давали кредиты? Разве мы могли изменить самую организацию этого ведомства? Все это вопросы, стоящие вне нашего права»¹.

Не во всем сказанном можно согласиться с Гучковым. Реформы охватили значительную часть ведомств, и в этом деле им была оказана солидная помощь депутатами Думы. Однако осязаемая доля истины в словах председателя комиссии по государственной обороне была.

3.2. Военные и морские программы в работе представительного органа власти

Уже задолго до 1914 г. многим правительственным чиновникам, руководителям ведомств и депутатам Думы было ясно, что мир неудержимо катится к пропасти «большой», «общей» войны и следовало соответствующим образом реагировать на это.

Для укрепления государственной обороны страны требовались такие мероприятия, которые не могли быть всецело осуществимы за счет одних производимых ассигнований по сметам Военного и Морского министерств. Дума 24 мая 1908 г. основным

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 60.

пунктом предложила правительству пункт о «предварительном утверждении в законодательном порядке финансовой программы судостроительства, обнимающей достаточно продолжительный период времени»¹. В последующие годы Дума поддерживала конкретные шаги правительства и Морского министерства по разработке такой программы и подготовке к представлению в законодательные учреждения². Единого согласованного планового подхода депутаты требовали и от военного ведомства в проработке собственных финансовых потребностей.

В то время, как морское ведомство уже в начале 1906 г. приступило к обсуждению своих программ, Военное министерство теряло время зря.

Лишь в мае 1908 г. военное ведомство вошло в III Государственную думу с законопроектом об отпуске на период с 1908 по 1915 г. включительно средств на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части армии и на постройку помещений. Наиболее крупные расходы предстояло отпустить на формирование пулеметных частей и новых гаубичных батарей с парками, заготовление винтовочных патронов и крепостных продовольственных запасов. Всего потребности Военного министерства исчислялись в сумме более 293 млн рублей³.

9 июня 1908 г. соединенное заседание бюджетной комиссии и комиссии по государственной обороне III Думы в присутствии В. Н. Коковцова, А. Ф. Редигера, начальника Генерального Штаба Ф. Ф. Палицына и А. А. Поливанова рассмотрели просьбу военного ведомства. В самих кредитах сокращений почти не было (всего лишь на 775 тыс. руб.) произведено, но порядок их отпуска был существенно изменен. Правительство хотело получить от Думы одобрение всей испрашиваемой суммы, чтобы в последующем, ссылаясь на данное ранее разрешение, получать необходимые кредиты сметным порядком.

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1412.

² См. там же. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 960–994.

³ РГИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74537. Л. 3–5.

Комиссии Думы решили иначе: они высказались за полное удовлетворение просьбы военного ведомства, но, чтобы «не лишить законодательные учреждения возможности принимать близкое участие в хозяйственной жизни армии» решено было утвердить кредиты только на 1908 г. и те расходы в следующие годы, которые производились «на мероприятия, начатые, но не законченные в 1908 году» (например, длительное строительство каких-либо объектов или выполнение больших многолетних заказов)¹. На ближайшие годы Дума закрепила сумму в 92 млн рублей (в 1908 г. – 52 млн руб.; в 1909 г. – 17,3 млн рублей; в 1910 г. – 12,2 млн рублей; в 1911 г. – 10,5 млн рублей). Само Военное министерство не лишилось права в 1909 г. и в последующие годы начать новые мероприятия по снабжению армии, не выходя за пределы 293 млн рублей, но каждый раз с особого на то постановления Государственной думы.

Пленарное заседание Думы 17 июня не изменило решений своих комиссий². Вместе с тем, депутаты кадетской фракции предложили кредит на 1908 г. в 52 млн рублей сократить на 6 млн, так как, считал кадет А. Ф. Бабянский, Военное министерство не успело бы использовать эти деньги в положенный годичный срок. 6 млн рублей Бабянский советовал израсходовать на нужды образования. Представители военного ведомства и думского большинства решительно выступили против. Военный министр заявил, что «деньги могут понадобиться срочно»³.

В дальнейшем, Госсовет принял, а император утвердил законопроект. Тем самым, лишь через три года после окончания русско-японской войны военное ведомство получило первые крупные суммы на осуществление самых неотложных мер по восстановлению запасов и развитию материальной части армии. Отчитываясь за 1908 год военный министр с удовлетворением доносил императору, что благодаря этому ассигнованию и некоторым другим мероприятиям, мобилизационная неготовность ар-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 794. Л. 85.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 87. Л. 142–180.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 87. Л. 172, 178.

мии, в смысле обеспечения ее запасами, в значительной степени утратила угрожающий характер¹.

Однако общее состояние технического снабжения русской армии продолжало оставаться еще на крайне низком уровне и выделенные Думой расходы были незначительной частью по сравнению с испытываемыми армией нуждами.

Заметим, что опасения кадетов, высказанные ими в июне 1908 г., оказались обоснованными. В ходе осуществления программы пополнения запасов и материальной части армии выяснилась неспособность Военного министерства своевременно распределять и реализовывать назначенные кредиты.

Поворотным моментом в критике военного ведомства по использованию кредитов стал 1910 г. К этому времени у министерства возникла потребность в передвижении кредитов, что дало кадетской фракции дополнительный повод для критического обсуждения действий ведомства. Ее ораторы указывали, что дело было не в самой переброске кредитов, а в той медлительности, нерасторопности и дезорганизации, которые так и не были устранены в министерстве. Кадетский депутат А. Ф. Бабянский подверг сомнению законопроект 1908 г., заявив, что «представление было весьма скороспелое; тогда нужны были только деньги; главным образом предполагалось строить мундиры и делать огромнейшие запасы продовольствия. Что это представление в то время не было продуманным, не было планомерным, мы это увидим уже из того, что сейчас кредиты изменяются, сейчас с нас требуют передвижения кредитов и обращения их на те надобности, которые действительно гораздо более важны, чем нагромождение каких-то особых запасов продовольствия в диких Амурских местах»².

Октябристы, в свою очередь, вынуждены были признать, что заготовление запасов и материальной части шло медленными темпами. Они указывали на те недостатки и препятствия, которые объективно

¹ РГИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 102. Л. 6.

² Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 3. СПб., 1912. Стб. 1172.

тормозили ход дела, в частности, на слабость и недостаточное техническое оснащение оборонной промышленности России.

Острую неприязнь фракции кадетов вызвало представление военного ведомства о переброске части кредитов на заготовление материальной части артиллерии, а также различного рода боевых припасов.

Комиссия по государственной обороне одобрила само представление и высказала пожелание, чтобы отпускаемые кредиты были израсходованы с максимальной быстротой, а заказы по возможности выполнены на отечественных заводах. С речью, посвященной этому вопросу, выступил на закрытом заседании Думы, состоявшемся 4 июня 1910 г., докладчик комиссии по государственной обороне Н. В. Савич. Изложив точку зрения комиссии, он потребовал утвердить новый законопроект. Предложение октябристов вызвало настоящую бурю в рядах левой оппозиции. Один за другим представители левых фракций выступили с разоблачениями и критикой не только военного ведомства, но и «недальновидной» политики думского большинства. «Мы нисколько не гарантированы от того, – говорил депутат А. И. Шингарев, – признанный эксперт кадетской фракции по финансовым вопросам, – что военному ведомству через 1,5–2 года или через несколько месяцев понравится еще какой-нибудь новый тип гаубиц и наш докладчик государственной обороны многоуважаемый Савич придет сюда и начнет доказывать, что такой-то тип еще лучше – позвольте еще передвинуть кредит». В ответ октябристы, в лице Савича и других, ссылаясь на интересы национальной обороны, требовали быстрого исполнения заказов на сооружение артиллерии¹.

В конечном счете заказы на артиллерию исполнены не были, о чем свидетельствовала уничтожающая критика деятельности Главного артиллерийского управления, развернувшаяся с думской трибуны в 1912 г. Ее инициаторами вынуждены были выступить представители фракции «Союз 17 Октября»².

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 356. Л. 44–45.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 722–736.

Улучшение экономического положения России с 1909 г., ряд необычайно урожайных лет позволили правительству приступить к рассмотрению десятилетней программы развития Вооруженных сил империи, перспективному распределению средств на вооружения между армией и флотом. На первую выделялось 715 млн рублей, а на флот – 698 млн рублей¹.

25 марта 1910 г. Военным министерством был внесен в Думу законопроект «О единовременных расходах в течение ближайшего десятилетия на нужды государственной обороны и об источниках для покрытия сих расходов», который для выражения единого мнения Совета министров был подписан кроме П. А. Столыпина, В. А. Сухомлиновым, В. Н. Коковцовым, С. А. Воеводским.

Выделенные на Вооруженные силы средства наглядно подтверждали, что вышеназванная программа знаменовала победу морского ведомства над военно-сухопутным. Военная программа явно не соответствовала росту техники и новым потребностям армии и больше походила на программу штопанья небольших прорех в ее оснащении. Ни при каких обстоятельствах в будущей войне флоту не пришлось бы нести такую же долю тяжести и от его действий никак не могли ожидать таких же результатов, как от армии. Сделанные правительством приоритеты лишь способствовали тому, что обсуждение в Думе данных ассигнований было бы далеко не простым делом ввиду явного предпочтения большинством Думы субсидированию сухопутных программ.

В конечном счете, через законодательные учреждения десятилетняя программа так и не успела пройти. Произошло это в связи с резким обострением военно-стратегического положения в районе черноморских проливов, что вызвало срочную потребность в строительстве Черноморского флота. Другая причина была обусловлена тем, что десятилетняя программа страдала коренным пороком: выполнение ее оказывалось в прямой зависимости от утверждения Думой новых налогов, денежные поступления от которых, вполне естественно, казна могла ощутить далеко не сразу.

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–17.

В результате создавшегося положения Военное министерство, несмотря на крайнюю нужду армии во многом, вплоть до 1912 г. продолжало ориентироваться на программу пополнения материальной части 1908 г., не выходя за ее рамки.

Лишь в 1912 г., после требований В. А. Сухомлинова увеличить ассигнования военному ведомству, царь и правительство согласились с мнением этого руководителя в качестве первоочередной меры приблизиться к уровню ассигнований, предусмотренных десятилетней программой 1909–1910 гг. Дума также одобрила планы Военного министерства, и тем самым, только в 1912 г. программа 1908 г. была значительно превышена. По закону от 14 мая 1912 г. ведомство получило право израсходовать в этом году 70 млн рублей на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на усовершенствование обороны государства.

Между тем, армия по-прежнему была вооружена очень плохо. В правительственных и думских кругах все отчетливее понимали, что история не даст значительного срока для спокойного развития Вооруженных сил и нужно пересмотреть десятилетнюю программу 1910 г., форсировав подготовку армии к войне.

Разработанный Генеральным штабом и одобренный в Особом совещании 6 марта 1913 г. под председательством императора¹ новый план был В. А. Сухомлиновым разделен на две части. Здесь преследовалась главная цель – осуществить наиболее неотложные мероприятия по усилению артиллерии. Так, на свет из одного одобренного плана вышли две программы – «Малая программа усиления армии» и «Большая программа». Последняя включала в себя и «Малую» и ряд других, менее спешных мероприятий.

Подобное разделение, кроме ускорения прохождения через законодательные органы планов, удовлетворения наиболее неотложных нужд, было и тактическим ходом со стороны военного министра по отношению к Думе: он был уверен, что легче провести два мероприятия порознь, чем вместе. Тем более, что принятие «Малой программы», являвшейся частью «Большой», предрешало в известной мере и судьбу последней.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1837. Л. 1, 7.

Получив одобрение императора, 13 июня 1913 г. военное ведомство представило в Государственную думу «Малую программу», по которой за 5 лет (1913–1917 гг.) планировалось истратить 122,5 млн рублей на развитие артиллерии и приобретение боезапаса к ней, а остальное – на развитие инженерных и авиационных частей¹.

Программа не вызвала оживленной дискуссии депутатов. 24 июня 1913 г., они, в основной части, посетовали на то, что проект закона такой огромной важности внесен в самом конце сессии². В формуле перехода было записано, что следует использовать кредиты, которые будут определены ведомству, строго по назначению. Кадеты, в лице А. И. Шингарева, заявили, что они выступали бы против кредита, если бы не осложнение международного положения. На этот раз они не голосовали за ассигнования, но и не «мешали другим голосовать»³. 10 июля 1913 г. император утвердил решения Думы, Госсовета и «Малая программа» стала законом.

Как не спешили депутаты, само военное ведомство, они явно запаздывали. До начала Первой мировой войны оставалось немногим более года, а программа была рассчитана на 5 лет.

В конце октября 1913 г. Николай II одобрил «Большую программу», наложив резолюцию: «Мероприятия эти провести в особом спешном порядке» и повелел полностью выполнить ее к осени 1917 г.⁴. Помимо увеличения личного состава армии программа требовала на развитие вооружений и другие расходы более 433 млн рублей, но так как часть из этих средств была уже отпущена по «Малой программе», то законодательные органы власти должны были утвердить всего около 290 млн рублей новых ассигнований. По завершении всех намеченных мероприятий с 1917 г. расходы на армию по обычному бюджету должны были возрасти на 140 млн

¹ См.: *Шацилло К. Ф.* Развитие Вооруженных сил России накануне Первой мировой войны : дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 429.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 85. Л. 16–17.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 85. Л. 10–31.

⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77921. Л. 56, 66.

рублей в год. Возражений ни от Думы, ни от Государственного совета не последовало¹.

Вместе с тем, в Думе в июне 1914 г. в адрес Военного министерства и В. А. Сухомлинова раздался очень серьезный упрек. В частности, министра обвиняли в непоследовательности. В 1909–1910 гг. им была уничтожена крепостная пехота, теперь она вновь возрождалась под видом крепостных гарнизонов. Из ликвидированных в свое время крепостей – две – Ивангород и Гродно, решили опять восстанавливать. То же самое относилось и к арtpаркам. «Может быть все эти восстановления, возвращения чересчур желательны, но тогда зачем же было все это разрушать?» – спрашивал докладчик комиссии по военным и морским делам Сухомлинова².

Военный министр так и не смог толком объяснить своих противоречивых действий. Он просто заявил: «Это наша совместная с вами работа, ибо целый ряд пожеланий Государственной думы, которые высказывались в отношении развития нашей армии, вошли в нее (т. е. в программу – А. Д.)³.

Кадеты, в итоге, как и при обсуждении «Малой программы», воздержались от голосования по ассигнованиям. Социал-демократическая фракция, заявление которой зачитал Н. С. Чхеидзе, считала, что никакая угроза России не угрожает со стороны соседних держав. А «потребность в новом вооружении является исключительно захватническим стремлением небольших групп эксплуататоров»⁴.

Основная часть депутатов, поддержав проект закона, требовала «отбросить в сторону спокойствие и равнодушие и с учетом гонки вооружений в Германии встретить предстоящие годы «во всеоружии»⁵.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 194. Л. 7.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 194. Л. 7.

³ Там же. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 118.

⁵ Там же. Л. 105–110.

22 июня 1914 г. император наложил на «Большой программе» резолюцию: «Быть по сему». До начала войны оставалось несколько недель.

«Большая программа» безнадежно запаздывала. Русская армия вынуждена была вступить в войну имея почти в два раза меньше артиллерии, чем ее главный соперник.

Впервые вопрос о новом судостроении рассматривался III Государственной думой в начале 1908 г. Речь шла о ежегодных ассигнованиях в течение четырех лет более 30 млн рублей для строительства на Балтийском море четырех линейных кораблей дредноутского типа.

Уже первые выступления членов правительства показали, какое значение придавалось ими воссозданию линейного флота. Великая Россия, утверждал П. А. Столыпин в начале 1908 г., должна иметь великодержавный флот. Он, без сомнения, не ограничится только четырьмя линейными кораблями и достигнет со временем гораздо больших размеров. Первые четыре линкора, продолжал он, лишь начало в создании мощного флота, но строительство этой первой бригады линкоров имеет и самостоятельное значение: «Появление в составе Балтийского флота новых мощных кораблей послужит уже сейчас мировым интересам России при известных политических конъюнктурах»¹.

Однако убедить правых, националистов и октябристов в необходимости немедленных ассигнований председателю Совета министров и его поддерживающему А. И. Извольскому сразу не удалось.

3 марта того же года соединенное заседание комиссии по государственной обороне и 4-й бюджетной подкомиссии Думы с участием руководства морского ведомства И. М. Дикова, И. Ф. Бострема, А. И. Русина снова рассматривала вопрос о строительстве четырех линкоров. Столыпин опять выступил с настойчивыми требованиями о предоставлении ассигнований на судостроение.

Позиция правительства и Морского министерства обосновывалась следующими аргументами:

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3329. Л. 911.

1. Длительным «беспомощным» положением России «в отношении морской обороны». Такая беспомощность, по мнению правительства, не соответствовала мировому положению России

2. Необходимостью загрузки заводов кораблестроительными заказами и предотвращения на них возможной безработицы. Следовало спасти «с таким трудом созданное русское судостроительство».

3. Потребностью обучения личного состава флота на современных кораблях для поддержания уровня боевого мастерства.

4. Задуманная реформа морского ведомства, считало правительство, уже близка к осуществлению. От ее окончания Россию отделяют лишь недели и нецелесообразно «лишать в этот момент министерство энергии».

5. Отказ в ассигновании – «громадный нравственный ущерб флоту». Необходимо доверие к ведомству, к тем специалистам, кто ждет поддержки от Думы в морских преобразованиях.

6. Представленная программа, с точки зрения Столыпина, исходит из постепенности и ограниченных финансовых возможностей страны. В то же время она: не обременительна для государственного казначейства; служит началом для всех других более широких судостроительных программ; соответствует первейшим задачам Морского министерства; сводит в единое разумное целое корабли, не имеющие в отдельности никакого боевого значения¹. «Мы со скорбью смотрим на приспущенный Андреевский флаг, – заключал Столыпин. – После того, как вы откажете в деньгах на флот, Россия выйдет в международном положении преуменьшенной... Эта остановка (в ассигнованиях – А. Д.) кажется мне даже опасной. Потому что в свойстве нашего русского характера есть известного рода склонность к промедлению». Оратор призывал депутатов стать выше партийных расчетов и фракционной тактики².

Внимательное изучение выступлений председателя Совета министров в Думе и Госсовете по поводу ассигнований на кораблестроение позволяет отметить их особую стройную логическую по-

¹ См.: *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 15–17, 21.

² См. там же. С. 159.

следовательность и продуманность. 1 марта 1908 г. А. А. Поливанов отмечал в своем дневнике: «Вчера Столыпин произнес блестящую речь в комиссии обороны относительно флота»¹.

Вместе с тем, убедить большинство членов думских комиссий (по государственной обороне и бюджетной) в необходимости немедленно начать строительство линейного флота он и на этот раз не смог. В постановляющей части заседания 3 марта специально отмечалось убеждение всех участников заседания, что кроме соответствующего развития боевых сил на Черном море России необходима эскадра и в Балтийском море, причем не только для обороны побережья, но и для выхода в океан и в дальние моря, для защиты русских интересов в любой части земного шара. В то же время отмечалась и потребность в оборудованных портах, легких судах (эсминцах и подводных лодках), и современных линейных кораблях. Однако высказав понимание необходимости для страны сильного флота, народные представители «разошлись во мнениях» по вопросу о выборе наилучшего пути к достижению цели².

Эти мнения о выборе пути не ограничивались только комиссиями (в которых не было левых депутатов), а представляли довольно широкий спектр взглядов в самой Думе.

Активными принципиальными противниками самого кораблестроения выступали социал-демократы и значительная часть трудовиков. Социал-демократ И. П. Покровский непосредственно связывал критическую позицию думского большинства с тем, что «флот слишком скомпрометирован в общественном мнении», а большинство ищет пути спасения правительственных планов и расчищает для них дорогу. Нужны средства, продолжал Покровский, не для постройки флота, а для безработного пролетариата и разоренного крестьянства³.

¹ Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности Военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 84.

² ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 104. Л. 74; Доклады бюджетной комиссии. III Государственная дума. Созыв 3. Сессия 1. СПб., 1909. Стб. 3017.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1293.

Наряду с крайними радикально настроенными депутатами и их фракциями, которые в абсолютном большинстве случаев противостояли предложениям правительства, ведомств, и остальные фракции, и их представители, в свою очередь, не были единодушны в этом ставшем столь не простым деле.

В самом главном, в необходимости наличия сильных Вооруженных сил России, абсолютная часть Думы была едина.

Однако многие депутаты считали мощный «свободный» линейный флот России совершенно не нужным. Националист П. Н. Крупенский доказывал, что для обороны от внутреннего и внешнего врага России нужна прежде всего сильная армия, а флот должен играть второстепенную роль. Октябрист П. А. Неклюдов подчеркивал ту мысль, что активный флот необходим лишь государствам, имеющим колонии и ведущим морскую торговлю. А националист А. Л. Цытович опасался, что при наличии у России кораблей, в случае осложнений на Дальнем Востоке, они будут отправлены туда и погибнут, подобно кораблям в русско-японскую войну¹.

Группа депутатов поддерживала правительство в выделении средств на постройку линейных броненосцев. Правый депутат В. А. Бобринский уверял, что понесенные нами неудачи не запятнали Андреевского флага². Октябрист Д. А. Леонов особо обращал внимание депутатов на тот факт, что в других странах идет усиление флота. И у нас поэтому, судостроительство должно идти безостановочно³. Позицию проправительственно настроенных членов Думы поддержал и прогрессист А. А. Федоров, который ссылаясь на то, что в Морском министерстве уже осуществлены некоторые «весьма полезные мероприятия и нет оснований сомневаться в дальнейшем проведении подобных мер»⁴.

Сторонники скорейшего субсидирования флота остались в меньшинстве 5 марта 1908 г. при голосовании на четыре линей-

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 104. Л. 70.

² См. там же.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1341–1342.

⁴ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 104. Л. 70.

ных корабля в соединенном заседании комиссии по государственной обороне и бюджетной комиссии. Их набралось 14 депутатов из 34 присутствующих на заседании. Это меньшинство (националисты: А. П. Урусов, Ф. Н. Безак, В. А. Бобринский, А. С. Паскин, П. И. Шаховской, И. Ф. Кадацков; октябристы: А. И. Гауданини, П. Г. Доппельмайер, Е. М. Шейдеман, Н. В. Васич, Н. Л. Марков; прогрессист А. А. Федоров; правые: В. В. Волконский, В. Н. Урсул) высказало «Особое мнение» на имя председателя комиссии по государственной обороне. В нем депутаты предлагали поддерживать требования правительства о немедленном отпуске средств на строительство кораблей. «Всякое промедление в этом нам кажется в высшей степени опасным» – считали они. В качестве аргументов сторонники немедленного судостроения называли существующую опасность для береговой обороны России со стороны Балтики; возможность ухода специалистов в «другие отрасли труда», что вынудит впоследствии давать заказы за границу. В результате «десятки миллионов русского золота потекут к другим народам, вместо того, чтобы оплодотворить русскую промышленность»¹.

Основная часть парламентариев была сторонниками большого линейного флота. Однако они развернули активную критику правительственной и ведомственной позиции, отказывая в ассигновании. С подобными речами выступали не только октябристы А. И. Гучков, А. И. Звегинцов, Н. В. Савич, но и крайние правые В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков, националист П. Н. Балашов. Весьма охотно к правооктябристской позиции присоединились и кадеты (А. Ф. Бабянский, А. М. Колюбакин и др.).

«Отказники» обосновывали свои доводы следующим образом:

а) в Морском министерстве требуются коренные реформы. Лишь после подобной реорганизации «Цусимского ведомства»² Дума должна дать необходимые средства на кораблестроение;

б) морское ведомство нарушило положение рескрипта императора от 29 июня 1905 г., в котором говорилось о путях «воссоздания морских сил». «Первейшей и священной обязанностью»

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 104. Л. 74.

² Изречение В. М. Пуришкевича – авт.

считалось «безотлагательное обеспечение морской обороны отечественных берегов во всех наших водах, а затем уже, в зависимости от средств, постепенное воссоздание боевых эскадр». По сей день, считали депутаты, первая часть рескрипта так и не была доведена в своем осуществлении до конца¹;

в) октябристы и кадеты соглашались с тем, что России необходим линейный Балтийский флот, однако еще более необходима сухопутная армия; именно поэтому развитие флота и армии должно быть строго согласовано, причем приоритет во всех вопросах следует оставлять за армией. Развитие Балтийского флота они предлагали поставить в определенные рамки и заявляли, что мечтать о первенстве в гонке морских вооружений с Германией не приходится. «Наша армия не в таком блестящем положении, чтобы сейчас мы все силы могли обратить на флот; нам нужно развить прежде всего и раньше всего нашу главную силу, нашу главную опору – нашу армию»²;

г) кадеты постоянно выступали на протяжении всех предвоенных лет против строительства линейных кораблей на Балтийском море. К ним примыкали различные группировки того же типа.

Наряду с определенными политическими амбициями и расчетом «на публику», главными побудительными мотивами, которыми руководствовались большинство Думы, выбрав свою позицию, являлось желание вывести Морское министерство на путь плодотворной работы и общая обеспокоенность состоянием военно-морской защиты страны. В результате эта озабоченность была зафиксирована в принятии Государственной думой 24 мая 1908 г. военно-морской сметы, где средства на строительство кораблей исключались. За такую позицию голосовало 194 человека, против – 78³. В принятой формуле перехода Дума предложила признать наличие дееспособного флота «необходимым для соответствующей обороны государства», посчитала неотложной коренную

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1249–1251.

² См. там же. Стб. 1385.

³ См. там же. Стб. 1416.

реорганизацию морского ведомства; высказалась за предварительное утверждение в законодательном порядке финансовой кораблестроительной программы, охватывающей достаточно продолжительный период времени и т. д.¹

Изложенная позиция Думы нашла свое подтверждение в следующих словах депутатов: «Нет более фанатичных, более убежденных сторонников могучего дееспособного русского флота, чем мы, не желающие в данный момент ассигновать деньги на постройку броненосцев, – заявляли правые устами Н. Е. Маркова. «Да, вы торопитесь, вы спешите, но вы спешите к новой Цусиме, а мы этого не хотим»², – отвечал он же морскому министру, требовавшему немедленных ассигнований на постройку военных судов. Та же мысль была у А. И. Гучкова: «Мне и моим политическим друзьям больно, мучительно больно отказывать правительству в кредитах на новое судостроение. Нам не менее, чем сторонникам ассигнования, дорого возрождение нашего флота, нашей морской обороны. Но дать сейчас деньги на новое судостроение – значит доконать флот»³. Аналогичной позиции придерживались и кадеты. «В бюджетной комиссии, – заявил М. В. Челноков, – при рассмотрении вопроса (о новом кораблестроении – А. Д.) у нас не было ни малейшей розни, которую можно бы объяснить партийностью взглядов. В деле, которое касается мощи России, ее насущнейших интересов, которое является, быть может, важнейшим делом, которое мы рассматриваем, с точки зрения экономического его значения для России, у нас разногласий быть не могло»⁴.

Несмотря на данное решение Думы, оппозицию властям целого ряда членов Совета государственной обороны и мнение части Совета министров, которое совпадало с тем, что утверждали октябристы, Николай II поддержал планы Морского министерства. По его повелению Столыпин лично выступил в Государственном совете и до-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 1. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1412–1415.

² Там же. Стб. 1349.

³ Там же. Стб. 1393.

⁴ Там же. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1002.

бился согласия последнего на отпуск необходимых кредитов, которые и были даны ведомству согласно ст. 13 бюджетных правил 8 марта 1908 г. и «в порядке верховного управления страной».

Ярко выраженная этим решением воля императора заставила правых изменить свою позицию. Раньше, заявил один из их лидеров Н. Е. Марков в марте 1910 г., мы голосовали против строительства кораблей, теперь «все наши мнения мы складываем в карман, подчиняемся воле нашего самодержца и ассигнуем деньги, необходимые для постройки броненосцев. Вот почему фракция правых будет голосовать этот вопрос единогласно»¹.

Октябристы несколько лет отказывали в кредитах на новое судостроение, заявляя, что они не идут против воли монарха, а добиваются, чтобы «ведомство выяснило свое положение, встряхнулось и вступило на новый путь»².

Проведенные реформы в Морском министерстве, его хозяйственное обследование удовлетворило октябристов. В 1911 г. они впервые проголосовали за кредиты на строительство четырех балтийских линкоров. В основе прежних отрицательных голосований октябристов, как заявил один из их лидеров А. И. Звегинцов, были две причины: материальная невозможность морского ведомства начать строительство линкоров без реконструкции судостроительных заводов и его полная моральная несостоятельность. «Именно поэтому мы в течение 3 лет боролись с Морским министерством и боролись не безуспешно... Весь этот успех нам нельзя было бы зарегистрировать, если бы не завенчалось это дело ревизией из трех членов Государственного совета»³.

Кадеты продолжали оставаться при своем мнении и дальше. Они неоднократно пытались изменить ст. 13 бюджетных правил, на основании которой были ассигнованы средства на четыре линейных корабля. 23 октября 1913 г. при обсуждении в Думе желательности законодательного предположения 40 ее депутатов об

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1563.

² Там же. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 1564.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 473. Л. 25.

изменении порядка рассмотрения государственной росписи доходов и расходов кадет А. И. Шингарев предложил фракционный вариант изменения этой статьи. Если, в старой редакции, разногласие между Госсоветом и Думой не устранялось путем согласительной комиссии, то в силу вступала цифра кредита последней росписи. По новой редакции предлагалось кредит, признанный лишь одним из законодательных органов власти к отпуску, считать отвергнутым и исключать из росписи. «На деле – заявлял Шингарев, – исполнительная власть вносит в роспись цифры, которые не одобрены Думой»¹.

Думское решение в мае 1908 г. способствовало определенному изменению в кораблестроительном деле. Удалось уменьшить сметную стоимость каждого корабля, были установлены точные и подробные сметы, чертежи изготовления кораблей; обновилось техническое оборудование судостроительных заводов². Тем самым, руководство ведомства во главе с министром И. К. Григоровичем прислушивалось к пожеланиям Думы.

Вместе с тем, опасения думских депутатов в 1908 г. о несвоевременности строительства и неготовности морских заводов к выполнению заказов подтвердились. Средства, выделенные на четыре линейных корабля, пролежали без употребления до середины 1909 г. И только в 1910 г., то есть, когда корабли должны были быть уже спущены на воду, морское ведомство вошло с представлением в Государственную думу об ассигновании средств на оборудование заводов. Это давало им возможность выполнить работу по постройке четырех кораблей в течение четырех лет. Такие кредиты в сумме 8 млн рублей были министерству даны³.

Летом 1911 г. Дума отпустила, наконец-то, кредиты на четыре линейных корабля, строительство которых фактически началось с ноября 1909 г., а решение Николая II о их закладке состоялось еще в июне 1907 г. На Балтийском заводе были заложены dreadnoughtы «Пе-

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 2. Ч. 1. СПб., 1914. Стб. 195–201.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3339. Л. 270.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3339. Л. 271.

тропавловск» и «Севастополь», а на Адмиралтейском – «Гангут» и «Полтава»¹.

Бурное возрождение турецкого флота с 1909 г. привело к резкому обострению военно-стратегического положения в районе черноморских проливов. Угроза появления на Черном море турецких дредноутов заставило русское правительство принять соответствующие меры. 26 июля 1910 г. морской министр обратился к царю со специальным докладом. В нем он предлагал заложить на Черном море не предусматривавшиеся десятилетней программой 3 линейных корабля новейшего типа и ускорить строительство запланированных ранее 9 эсминцев и 6 подводных лодок². Николай II в тот же день одобрил предложения министра, и в мае 1911 г. Дума приняла закон об ассигновании на постройку Черноморского флота 151 млн рублей. Причем, главный расход – более 100 млн рублей на строительство линейных кораблей – не был предусмотрен десятилетней программой. Ни комиссии Государственной думы, ни ее пленарное заседание не внесли никаких существенных изменений в программу морского ведомства³. Единственное, на что Дума обратила особое внимание, это была необходимость «проведения работ в наикратчайший срок». Для этого депутаты предложили купить или заказать за границей то, что отечественная промышленность не может оперативно изготовить.

При обсуждении вопроса о строительстве флота на Черном море уже не правительство убеждало в необходимости ассигнований на новые корабли, а, наоборот, Дума требовала от Совета министров обратить первостепенное внимание на развитие военноморских сил юга страны. Дума придавала столь большое значение строительству Черноморского флота, что ставила в прямую зависимость от утверждения или отклонения этой программы всю правительственную программу возрождения флота и развития Вооруженных сил в целом.

¹ См.: *Петров М. А.* Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 125–126.

² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 483. Л. 7–8.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2005. Л. 16–18.

Требование о немедленном строительстве Черноморского флота впервые раздалось именно в Государственной думе. В марте 1910 г. прогрессист А. А. Уваров на одном из заседаний Думы так определил общее направление развития флота: «Мощный флот на Дальнем Востоке – это отдаленная мечта, необходимость линейных судов на Балтике легко оспаривается, но «у нас есть третье место, о котором слишком мало пока говорилось и, вероятно, слишком мало и думалось даже в Морском министерстве: я говорю о Черном море»¹.

Через год комиссия по государственной обороне, рассматривая бюджет Морского министерства на 1911 г., высказала особое пожелание о том, чтобы правительство немедленно предприняло все необходимые меры для обеспечения обороны на Черном море. А бюджетная комиссия, подчеркнув в своем докладе бездеятельность Морского министерства, с опаской заявляла: «Мы рискуем теперь потерять наше положение на Черном море. Нужны самые энергичные усилия, чтобы предотвратить такое несчастье, последствия которого трудно оценить»².

Даже получив первую черноморскую программу 1911 г. законодатели по-прежнему продолжали настаивать на необходимости приоритета Черного моря над Балтийским. В 1912 г. думская финансовая комиссия, не отрицая важности Балтийского флота, специально отмечала, что наиболее существенные экономические интересы России тесно связаны с преобладанием на Черном море. Главный экспорт хлеба осуществлялся, как известно, из портов этого моря, и поэтому защита черноморских берегов, свобода дальнейшего морского пути имели для России, как страны по преимуществу земледельческой, по думской версии, первенствующее значение³.

Такое двоякое отношение Думы к Балтийскому и Черному морям, в первую очередь – кадетов и части октябристов, кроме вышеперечисленных причин, объяснялось их внешнеполитической ориентацией (развитием ими славянофильских теорий, заинтересо-

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 1490.

² Там же. Стб. 1490.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2278. Л. 102 б.

ванностью решением балканского вопроса и вопроса о проливах и т. д.). П. Н. Милюков утверждал, что фракция не возражает против флота, не выступает по существу даже против линейного флота, но является противницей строительства Балтийского флота, так как война в Европе в ближайшее время маловероятна, «иное дело Ближний Восток, где война возможна в некоторые времена года чуть ли не каждую минуту»¹.

В отношении кораблестроительных программ кадетов поддерживали прогрессисты. Выступившие в Думе от фракции прогрессистов А. А. Уваров и А. А. Федоров заявили, что, когда прогрессисты голосовали против строительства Балтийского флота, ни у кого не было уверенности в том, что этот флот нужен, но строительство флота на Черном море – дело совершенно другое².

Получив от императора разрешение на пересмотр десятилетней программы И. К. Григорович в начале апреля 1911 г. подал ему два документа: проект «Закона об императорском Российском флоте» и «Программу усиленного судостроения Балтийского флота на 1911–1915 гг.».

«Закон о флоте» намечал создание в течение 22 лет на Балтике двух боевых и одной резервной эскадр, на Черном море планировалось иметь флот, по силе превосходящий в полтора раза флоты государств, расположенных на черноморском побережье. Полное исполнение этого закона требовало от государства 2,1 млрд. рублей³.

Первые пять из 22 лет по «Закону о флоте» составляли особый период, рассматривавшийся в специальной «программе усиленного судостроения Балтийского флота на 1911–1915 гг.». За этот срок предстояло построить на Балтике 4 линейных и 4 легких крейсера, 36 эсминцев и 12 подводных лодок. Стоимость этой программы определялась более чем полмиллиарда рублей⁴.

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 469. Л. 4.

² См.: *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны. М., 1968. С. 197.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 444. Л. 329.

⁴ См.: *Шацилло К. Ф.* Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 230.

Законопроект об усиленном судостроении рассматривался в Государственной думе в июне 1912 г., в самом конце работы депутатов 3 созыва. Центральной власти удалось убедить большую часть фракции октябристов во главе с А. И. Звегинцовым голосовать за новый кредит¹. В результате, несмотря на огромную важность этого законопроекта, обсуждение его прошло очень быстро. Так, в комиссии по государственной обороне ему были посвящены только три заседания, из которых два были заняты разъяснениями представителей ведомства и лишь одно посвящено самому обсуждению. В бюджетной комиссии прения заняли одно заседание. И в одно же заседание, 6 июня 1912 г., законопроект был Думой принят.

Правые полностью поддержали программу. В. М. Пуришкевич заявил, что «каждый час, каждая минута, каждая секунда отсрочки ассигнований на флот – это уже есть государственная измена и государственное преступление»².

Отношение октябристов к программе 1912 г. было противоречивым. Основная часть из них была готова пойти на уступки и склонялась к тому, чтобы поддержать требование правительства. Меньшая же часть (во главе с А. И. Гучковым³) придерживалась прежних убеждений – сначала ассигнования на армию, а затем – на флот. Кроме того, они выступали за строительство броненосного флота на Черном море. В этом вопросе Гучков и его сторонники заняли позицию, близкую кадетам и прогрессистам. На заседание комиссии по гособороне гучковская группировка не явилась⁴. Накануне заседания бюджетной комиссии октябристы устроили двухдневное совещание бюро фракции⁵, в результате которого члены бюджетной комиссии – противники флота – были заменены сто-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. Стб. 3912–3914.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 632. Л. 360–361.

³ Свои мотивы Гучков подробно изложил в «Отчете о деятельности партии 17 октября в III Государственной думе» (ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 511. Л. 1–11).

⁴ См.: Речь. 1912. 10 мая.

⁵ См.: Речь. 1912. 20 мая.

ронниками ассигнований на флот¹, а перед пленарным заседанием Думы октябристская фракция приняла решение не связывать своих членов каким-либо предварительным обязательством, предоставив каждому голосовать по своему усмотрению². Октябристский лидер оказался фактически в одиночестве. Подавляющее количество октябристов пошло за А. И. Звегинцовым, который ратовал за выделение средств на кораблестроение в полном размере. Голосами правых и октябристов и была утверждена эта последняя в канун Первой мировой войны программа строительства Балтийского флота. За данную программу было подано 228 голосов, против – 71. Депутаты, в целях дальнейшего контроля за выполнением программы, обязывали ведомство ежегодно входить в Думу за «испрошением» очередного кредита в сметном порядке³.

Одновременно морское ведомство требовало на развитие портов 71 млн рублей в течение 5 лет и около 10 млн рублей на оборудование казенных заводов. Дума исключила все кредиты кроме ассигнований на кораблестроение, потребовав, чтобы они были внесены особым законопроектом. Депутаты согласились с просьбой министерства приступить к переоборудованию портов и заводов уже в 1912 г., используя средства из других статей бюджета. В соответствии с этим 23 октября 1912 г. ведомство подало в Думу отдельный законопроект «По вопросу о портостроительстве и оборудовании театров военных действий в связи с программой усиленного судостроения на 1912–1916 гг.»⁴.

Тем самым, в 1912 г., к истечению срока полномочий III Государственной думы, подавляющее большинство ее членов от правых до прогрессистов, в вопросе о приоритете армии или флота фактически встало на правительственную точку зрения. Уже мало кто высказывался против строительства великодержавного флота, спорили лишь о том, где, в какой акватории строить новую боевую эскадру. Никто не высказывался против сухопутной обороны, но фактически

¹ См.: Речь. 1912. 22 мая.

² См.: Речь. 1912. 5 июня.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 634. Л. 163.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 444. Л. 576–584.

получалось так, что огромный кредит в 500 млн рублей шел на довольно сомнительную и опасную затею, так как флот мог быть уничтожен в морском сражении (примером чему служил бой в Цусимском проливе), а армия, которая должна была играть решающую роль в будущей войне, все еще не была достаточно оснащена.

Кадеты принципиально не были против флота, но считали, что прежде всего необходимо надлежащим образом «оборудовать армию», так как сила России в ее сухопутной обороне¹. Конституционно-демократическая фракция негативно встретила законопроект о флоте. Указывая на ошибочность программы 1912 г., кадеты подчеркнули стремление Совета министров диктовать свои условия III Думе. «Вы хотите вотировать закон на флот – мы хотим реальной обороны страны», – говорил А. И. Шингарев. – Политическая часть проекта нам кажется подозрительной, техническая сомнительной, финансовая ошибочной. Мы привыкли за 5 лет видеть нажим на закон, теперь мы видим нажим на законодателей»².

Необходимо отметить, что кадеты, выступая по программе кораблестроения, решали двуединую задачу. С одной стороны, они высказывали свои воззрения на государственную оборону, а с другой – излагали политические требования и одновременно завоевывали популярность. Все тот же Шингарев, действуя от имени кадетской фракции, раскрыл всю бесперспективность балтийской эскадры, сказав: «... мы считаем, что государству такому, как Россия, нельзя ставить вопрос о конкуренции русского флота чуть ли не со всеми флотами европейских государств. Мы считаем, что дело государственной политики, дело государственной мудрости устроить такое международное соглашение и такие союзы, которые гарантировали бы нам возможность от этих расходов воздержаться. Мы всегда помятуем, что государство без культуры, с разоренным и нищим народом сильным быть не может, что в столкновении с державами, как бы ни был велик наш флот, но если он будет по-прежнему комплектоваться полугра-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 469, Л. 23.

² Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 5. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 3877.

мотными солдатами с недостаточным количеством техников и офицеров, с недостаточным количеством технических сооружений, если внутри страны не будет экономического довольства и сильной культуры, если внутри государства не будет жизненных огромных сил, этот флот, господа, все равно может быть подвергнут поражению, все равно государству вновь придется пережить унижительные тяжкие результаты международного столкновения, ибо с нами конкурируют соперники, высокоразвитые и культурные народы, достигшие огромного экономического преуспевания»¹. Большинство членов Думы к предложениям кадетов не пришло.

В своих требованиях кадеты шли дальше октябристов. Для основной части последних важно было убедиться в том, что правительство в состоянии рационально использовать кредиты для осуществления своих планов, в суть которых они считали для себя входить невозможным. Октябристы заявляли, что они не могут судить о том, какие корабли строить и строить ли крейсера или броненосцы, миноносцы или подводные лодки; это дело компетентных специалистов². Кадеты же требовали более широкого подхода к делу, хотели поставить на обсуждение в Думе вопрос о значении флота в системе государственного военного управления³.

Представители фракции конституционных демократов считали подход Совета министров к вопросам воссоздания флота неправильным. Именно это мнение и было основным побудительным фактором, заставлявшим кадетов голосовать против нового кораблестроения на Балтийском море. Они требовали, чтобы правительство представило в Думу полный план тех действий, которые оно считает необходимым для правильной организации государственной обороны. Правительственные структуры, по их мнению, должны были точно подсчитать, во что это обойдется стране, и определить источник средств, из которого должны быть по-

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 473. Л. 6–7.

² См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 2. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 997.

³ См.: Речь. 1912. 4 мая.

крыты расходы¹. В этом плане они предлагали каждому из флотов России поставить точные задачи, для выполнения которых и заложить определенное число кораблей. В специальной «Записке» для членов Государственного совета – ревизоров Морского министерства в 1911 г., кадеты А. Ф. Бабянский, М. В. Челноков и прогрессисты Н. Н. Львов и А. А. Федоров сообщали: четыре балтийских дредноута «заложены без общего плана воссоздания флота; ни в Государственной думе, ни в Государственном совете не было приведено, кроме громких слов, никаких мотивов о необходимости их строить в Балтийском море. Корабли эти строятся неизвестно для какого противника»².

Кроме того, кадеты доказывали, что «для России армия всегда будет иметь первенствующее значение, а флот только подсобное и притом с задачами, чисто второстепенными»³. Их представители упрекали правительство в том, что оно рассматривает флот не как реальную военную силу, на которую в известной мере и при известных условиях должна будет опираться армия, а как средство поддержания каких-то довольно неопределенных государственных интересов. Подметим здесь в добавление, что кадеты ни разу за все предвоенные годы не согласились голосовать за строительство линкоров на Балтике.

23 июня 1912 г. принятая после Думы без изменения Госсоветом, программа строительства судов на Балтийском море была утверждена императором и обрела силу закона. Наконец-то руководству страны после долгих мытарств удалось обеспечить своему флоту твердую программу на десятилетия вперед.

Дальнейшие события показали, что данная программа всеми рассматривалась лишь как первая часть развития флота. По решению Совета министров специальная межведомственная комиссия под председательством И. К. Григоровича, рассмотрев «Закон о флоте», разделило его на две части. Одну из них – касающуюся

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 3. Сессия 3. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1486.

² ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 127. Л. 15; РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2027. Л. 18.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 469. Л. 23.

состава флота – должен был утверждать Николай II, другую – ассигнования на его строительство – Государственная дума. В конце 1913 г. Морское министерство подготовило для Думы новую программу, завершавшую строительство первой Балтийской эскадры.

Однако обострение международного положения в районе Балканского полуострова заставило правительство в самый канун мировой войны спешно принимать программу усиленного развития Черноморского флота. Этого требовало и продолжавшееся усиление турецких морских сил.

И. К. Григорович планировал сккупить все дредноуты, предлагавшиеся на мировом рынке (два чилийских и два аргентинских) и тем самым решить две задачи: удвоить свой Черноморский флот и не дать усилиться турецкому флоту¹. Отвечая на письмо Григоровича, В. Н. Коковцов сомневался в том, что на подобную покупку Дума даст согласие. Тем более, что еще совсем недавно, в 1912 г. Морское министерство уверяло Думу, что в течение ближайшего времени не предполагается ни делать какие-либо добавления к программе, ни испрашивать какие-либо новые ассигнования на усиление флота². Григорович не согласился с премьер-министром. По его сведениям, в Думе существует «сильное течение в пользу безотлагательного усиления флота таким способом» (то есть, путем покупки – А. Д.)³.

Из приобретения военных судов за границей у России ничего не получилось. Морское ведомство параллельно с этими попытками предприняло разработку планов строительства Черноморского флота на отечественных заводах. Соответствующий законопроект был одобрен Думой в июне 1914 г., затем Государственным советом и незадолго до начала войны – 26 июня 1914 г. (в один день с «Большой программой усиления армии») – утвержден императором.

Всем этим планам не суждено было претвориться в жизнь. Вследствие целого ряда политических, экономических и социальных причин Совет министров слишком поздно приступил к прак-

¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 735. Л. 61.

² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 735. Л. 72–73.

³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 735. Л. 77.

тической реализации военных и морских программ. Германия с Австро-Венгрией не стали ждать, пока Россия в достаточной степени укрепит свои Вооруженные силы.

В заключении отметим, что мы уделили значительное место судостроительным программам по причине особого внимания депутатов Думы состоянию флота и перспективам его перевооружения.

Таким образом, военные и морские программы, на принятии которых настаивала Государственная дума, стали составной частью укрепления Вооруженных сил России в предвоенный период. Они несли на себе значительную долю огромных расходов страны в гонке вооружений и содержании армии и флота. Так, лишь на новое вооружение представительный орган власти ассигновал до Первой мировой войны 1,8 млрд. рублей¹.

В ущерб потребностям армии император и правительство первостепенное значение придали разработке и осуществлению морских программ. Думское большинство, понимая пагубность такого курса, неоднократно настаивало на переориентации правительственных действий в разработке перспективных программ с морских на сухопутные интересы. Это подтверждают выступления в Думе многих представителей фракций: октябристов, кадетов, прогрессистов, части правых и националистов.

Субъективистская позиция Николая II, правительственных кругов, их нажим на думских лидеров, осуществление целого ряда реформ морского ведомства привели к тому, что с годами основная часть депутатского корпуса смирилась с официальным курсом руководства страны на первостепенное возрождение флота. Тем самым ответственность за недостаточную подготовленность Вооруженных сил России к Первой мировой войне лежит не только на императоре, правительстве, морском и военном ведомствах, но и на непоследовательной военной политике думского большинства.

¹ См.: *Шаццлло К. Ф.* Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 232.

3.3. Государственная дума и состояние армии и флота в годы Первой мировой войны

Начало войны с Германией и Австро-Венгрией вызвало волну поддержки власти и армии со стороны основных общественных кругов. «Русский народ не испытывал подобного патриотического подъема с 1812 года» – писал французский посол в России М. Палеолог¹.

Не раз в стенах Думы провозглашались торжественные здравницы по случаям успешных боевых действий русских армий и российских союзников, посылались приветствия на фронт защитникам страны и пр. (см. приложение 11).

Ухудшение военного положения страны к лету 1915 г., ряд поражений русских войск вызвали необходимость поиска причин недостаточной подготовленности России, ее военной силы к войне и роли в этом деле самой Государственной думы и ее политических образований. Такой анализ был сделан депутатами в июле-августе 1915 г. Находясь под впечатлением думского заседания от 1 августа, М. Палеолог писал: «Заседание Думы – непрерывный и беспощадный обвинительный акт против всей системы военного управления»².

Н. В. Савич, выступая на заседании 19 июля, отмечал, что основной характерной чертой последних войн является постоянная неготовность России к ним. Среди этих войн депутат выделял Крымскую, русско-турецкую, русско-японскую и Первую мировую войны³.

Основными причинами слабой готовности Вооруженных сил к боевым действиям парламентарии называли следующие:

во-первых, существенные недостатки в военной организации страны;

¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 58.

² Там же. С. 94.

³ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 74.

во-вторых, слабый состав лиц, стоящих во главе Военного министерства. Келейная система подбора и комплектования членов правительства, военного и морского руководства;

в-третьих, игнорирование правительством думской оценки от 7 мая 1912 г. Главного артиллерийского управления как ведомства, представляющего «серьезную опасность для дела государственной обороны». Не было своевременно проведено соответствующего расследования, не устранены лица управления, виновные в бездействии. Дума сказала правду, говорил Савич, а дальше правительство должно было действовать. «Нет ничего удивительного, – считал он, – что те самые люди, которые в мирное время были бездеятельны, оказались бездеятельными в тот момент, когда началась война. И в этом лежит общая вина на всем правительстве»¹;

в-четвертых, в предвоенный период флот финансировался в ущерб армии; вместо постройки миноносцев и подводных кораблей, на необходимость которых настаивала Дума, средства шли на линейные корабли;

в-пятых, большая вина лежит и на самом военном ведомстве. Был неправильно организован и слабо функционировал Генеральный штаб, который не смог предвидеть размеров войны, ее хода и необходимых для этого военных потребностей;

в-шестых, масса глубоких дефектов имела в организации тыла;

в-седьмых, ответственность лежит и на Государственной думе, так как в ущерб интересам государственной обороны отдельные фракции до войны занимались «миролюбием»².

В военных неудачах первого года противостояния с Германией и Австро-Венгрией парламентарии обвиняли не саму армию, а правительственные круги – их бездействие и непрофессионализм. Отсюда ими делался вывод: мнения законодательных учреждений должны учитываться в комплектовании высших должностных лиц государства³.

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 75.

² См. там же. Стб. 50–130.

³ См. там же. Стб. 81.

На заседании 20 июля 1915 г. в формуле перехода Дума потребовала законной кары тем, кто был виновен в военных поражениях русской армии, независимо от их служебного положения¹. Инициатором такого предложения стал, выступивший в нижней палате парламента на день раньше, П. Н. Милоков².

В свою очередь, правительство назначило следственную комиссию по расследованию недостатков боевого снабжения армии, где виновными проходили военный министр В. А. Сухомлинов со своими ближайшими помощниками – начальником Главного управления Генерального штаба Я. Г. Жилинским и начальником Главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьминым-Караваевым, смещенными перед следствием со своих постов. Все они обвинялись в том, что не приспособили отечественные заводы к необходимой производительности, а также не пересмотрели, с «учетом новейших потребностей нормы снабжения армии в мирное и военное время винтовками и пулеметами»³. В следственную комиссию под председательством члена Государственного совета Н. П. Петрова вошли и по два члена Государственной думы (националист-прогрессист В. А. Бобринский, земец-октябрист С. Т. Варун-Секрет) и Госсовета⁴.

Встревоженные неумелым ведением войны российским генералитетом и истощением людского запаса в России, члены Думы, в первую очередь, в лице комиссии по военным и морским делам, подали царю в августе 1915 г. «всепопданнейшую записку о мероприятиях, необходимых для успешного ведения и окончания войны»⁵. Здесь лидеры Думы П. Н. Милоков, Н. Н. Львов, А. И. Шингарев, М. В. Родзянко писали о необходимости бережливости

¹ Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. Стб. 189.

² См. там же. Стб. 92–93.

³ РГВИА. Ф. 962. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–26.

⁴ См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1929. С. 123; В. А. Сухомлинов был судим только при Временном правительстве и в сентябре 1917 г. осужден на 25 лет каторги как немецкий агент – авт.

⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 11. Д. 5. Л. 141–146.

людских жизней на фронте и в тылу. Отмечалось, что «в армии прочно привился взгляд, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к победе преимущественно ценой человеческой крови»¹. В этой связи делалось предложение, чтобы военачальники заботились о сокращении боевых потерь, ибо «легкое расходование... людской жизни... недопустимо»².

В качестве выхода из создавшегося положения в записке предлагались следующие источники пополнения армии «людским материалом»: привлечение к военной службе «инородцев»; освидетельствование белобилетчиков; увеличение числа бойцов за счет тыловых частей, и, в частности, устройство лечебных заведений для легкораненых вблизи фронта; «бережливое расходование человеческого материала в боях»³.

При рассмотрении Государственной думой размеров контингентов новобранцев в 1915–1916 гг., порядка призыва и назначения ратников государственного ополчения второго разряда указанные предложения были дополнены пунктами о немедленном привлечении на действительную службу состоящих в запасе чинов уездной и городской полиции, принятии жестких мер к уклоняющимся дезертирам и т. д.

Подметим здесь, что обсуждение вопроса о призыве полиции в действующую армию вызвало резкие столкновения между думским большинством и крестьянскими депутатами, независимо от фракционной принадлежности. На закрытом заседании Думы 28 июля 1915 г. земец-октябрист П. М. Макогон от имени депутатов-крестьян, «от права до лева», повторил заявление, которое они внесли еще 27 января о призыве полиции в действующую армию. Управляющий Министерством внутренних дел Н. Б. Щербаков признал это пожелание «неосуществимым». Однако комиссия по военным и морским делам, учитывая, что освобождение полиции от военной службы вызывает в стране «большое волнение», высказалась за призыв полиции. Окончательный

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 273. Л. 145.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 273. Л. 145.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 11. Д. 5. Л. 142.

вариант решения был сформулирован через несколько дней, 18 августа, когда по предложению П. Н. Милюкова депутаты проголосовали за «немедленный приступ» к привлечению полицейских в армию, что соответствовало мысли о постепенном изменении состава полиции. С мнением Думы согласился и товарищ министра внутренних дел Н. В. Плеве¹.

25 ноября 1916 г. на заседании комиссии по военным и морским делам была принята поправка правого депутата К. А. Тарасова о замене чинов полиции, призванных на действительную службу, вернувшимися с фронта больными и ранеными военнослужащими².

Военные условия, забота о нуждах фронтовиков и членов их семей заставили депутатов заниматься социальными, а также казачьими вопросами. Парламентариями был внесен ряд важных законопроектов от имени больших депутатских групп: «Об изменении и дополнении закона 25 июня 1912 года о призрении нижних воинских чинов, их семейств и закона 29 августа 1914 года» (внесено за подписью 34 депутатов от 1 августа 1915 г.), «о введении земских учреждений в области войска Донского» (38 депутатов от 28 июля 1915 г.). В обоих документах первым подписавшимся был прогрессист И. Н. Ефремов³.

Законодательные усилия Думы по социальному обеспечению нижних воинских чинов были дополнены двумя законопроектами Военного министерства, внесенными в 1915 г. в нижнюю палату парламента и принятыми ей 12 февраля 1916 г. В результате их обсуждения в комиссии по военным и морским делам депутаты вместе с представителями ведомства уточнили сроки выдачи продовольственных пособий семьям военных, осуществили их освобождение от всяких вычетов. Список тех, кто пользовался пособием был значительно увеличен. В него вошли лица, которые содержались трудом фронтовика до его призыва в армию, в том числе: пасынки,

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 205. Л. 67, 68, 73, 216, 224, 230.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 454.

³ См.: Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1915. С. 214–216.

падчерицы, снохи, племянники и племянницы, тесты, тещи, дяди, тетки, отчимы, мачехи, сводные братья и сестры и пр. Комиссия высказалась за необходимость повышения пенсий вдовам и сиротам нижних чинов, предлагая военному ведомству войти с соответствующим законопроектом в Государственную думу¹.

Немногим более чем через месяц, по итогам обсуждения сметы Главного штаба парламентарии высказались за безотлагательный пересмотр законодательства о пенсиях и пособиях нижним чинам и их семьям в связи «с опытом войны», увеличение размера пенсий, выдаваемых Романовским комитетам на создание школ и приютов для сирот жертв войны. Было предложено ввести особые пособия для общественных и благотворительных учреждений на устройство ремесленных школ для раненых в целях повышения их трудоспособности².

На местах уездные присутствия по воинской повинности часто задерживали выдачу свидетельств раненым и больным нижним чинам, а также на право получения пенсий. На недопустимость подобной практики указали присутствовавшим представителям военного ведомства члены Думы на заседании 16 мая 1916 г. при обсуждении внесенного Военным министерством законопроекта «Об изменении порядка выдачи суточных денег эвакуированным, увечным, раненым и больным нижним чинам»³.

Летом 1916 г. Государственная дума обсуждала вопросы социального обеспечения личного состава флота. Содержание, которое получали морские офицеры, чиновники флота, морское духовенство, нижние чины было установлено очень давно и совершенно не соответствовало условиям жизни. В результате, в довоенный период, флот, как и армия, испытывали дефицит в кадрах. Ввиду этого, Морское министерство в 1914 г. внесло представление об увеличении содержания личному составу флота. Оно распределялось на три отдела:

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1588–1628.

² См. там же. Стб. 4040.

³ См. там же. Стб. 4394.

а) содержание офицерскому составу, чиновникам и духовенству;

б) содержание кондукторам;

в) содержание нижним чинам флота.

Комиссия по военным и морским делам рассмотрела законопроект об офицерах, чиновниках и духовенстве еще до войны, а бюджетная комиссия – лишь в первой половине 1916 г. По новому положению морские офицеры получали такое же содержание, как и их сухопутные товарищи. Определенная надбавка выплачивалась офицерам, находившимся в плавании¹.

Увеличилось содержание и повышалось общественное положение кондукторов, менялись их пенсионные права. Размер самой пенсии ставился в зависимость от количества лет сверхсрочной службы².

В 1916 г. продолжались попытки решения Думой казачьего вопроса. 3 марта были приняты депутатами законодательные предположения о введении земских учреждений в области войска Донского, устройстве местного самоуправления в казачьих войсках и переданы в комиссию по местному самоуправлению для дальнейшей проработки³.

Помимо всего сказанного, в военные годы лидеры представительного органа власти и фракций, помимо непосредственной думской деятельности, принимали активное участие в общественно-политической жизни страны, посещали фронт и сами сражались в армейском строю.

На поле брани погибли видные деятели: кадетской фракции – А. М. Коллюбакин, трудовой группы – В. Л. Геловани, один из руководителей комиссии по военным и морским делам, октябрист А. И. Звегинцов. Собрание Думы постановило в феврале 1916 г. предложить депутатам поместить в Таврическом дворце портреты

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 5087–5088.

² См. там же.

³ См. там же. Стб. 2690–2717.

тех ее членов, как IV созыва, так и прошлых созывов, которые «запечатлели своей кровью верность престолу и Отечеству»¹.

В составе 166-го Ровенского пехотного полка ходил в атаки и получил ранение один из националистических лидеров Думы В. В. Шульгин. В сентябре-октябре 1916 г. В. М. Пуришкевич во главе санитарного отряда отправился на Румынский фронт в Добруджу для оказания медицинской и санитарной помощи армейским частям. О действительном состоянии обеспечения фронта и его нужд, безобразиях и крупных неполадках в санитарном и эвакуационном деле, с которыми столкнулся, Пуришкевич ознакомил парламентариев на заседании комиссии по военным и морским делам 8 ноября 1916 г. в специальном сообщении о положении санитарного дела и транспорта на юго-западе России².

В то же время из состава депутатского корпуса самую активную деятельность в годы войны на фронте и в тылу развернул его председатель М. В. Родзянко. В качестве одного из руководителей Особого совещания по обороне, Прогрессивного блока, он часто появлялся в войсках. Так, в апреле 1915 г. Родзянко посетил Галицию, побывал в армиях Радко Дмитриева и А. А. Брусилова³. Председатель Государственной думы был одним из инициаторов создания различных военно-экономических органов управления, немало сделал в вопросах координации действий военных и гражданских властей в деле обороны. С результатами собственных поездок, бесед, планами дальнейшей деятельности Родзянко регулярно знакомил Николая II, широко используя предоставленное ему законом право личного доклада императору.

Неудачные действия русских войск чувствительно отражались в тылу и на общественном настроении. Все острее осознавалась неспособность правительства справиться со стоящими перед ним задачами. Усиление противостояния с 1915 г. между властными структурами, с одной стороны, и Государственной ду-

¹ См.: Стенографические отчеты Думы. Созыв 4. Сессия 4. Пг., 1916. Стб. 1215–1216.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 446. Л. 404–410.

³ См.: *Родзянко М. В.* Указ. соч. С. 112.

мой, общественными организациями, с другой, способствовали подъему критического настроения думских кругов в адрес командования русской армии. И в этом свою роль сыграли лидеры Думы, утверждая, что «армия перестала верить своим вождям». Осенне-зимние заседания Думы перед февральскими событиями 1917 г. наглядно свидетельствовали о том, что среди депутатов господствующим направлением стало недовольство формами и методами деятельности высшей власти, неверие в ее способность управлять и контролировать ход событий на фронте. Это наглядно подтверждают выступления кадетов П. М. Милокова (1 ноября 1916 г.), В. А. Маклакова, националиста-прогрессиста В. А. Бобринского, земца-октябриста Д. П. Капниста (все – 3 ноября), прогрессиста А. И. Коновалова (16 декабря), трудовика А. Ф. Керенского, социал-демократа М. И. Скобелева (оба последних – 19 ноября) и многих других членов нижней палаты парламента. Значительная часть из них требовали отставки министров и образования ответственного перед Думой правительства, смены ряда высших военачальников. Ясно, что эти выступления лишь способствовали духу разложения в армии.

Характерным документом, пропитанным негативным отношением к руководству командного состава, являлась записка М. В. Родзянко, составленная в конце 1916 г. и представляющая собой доклад, посланный председателем Думы в Ставку¹ (см. приложение 12). Она существенно отражала настроения, господствовавшие в тот период в думских и общественных кругах, и которые, несомненно, влияли на действующую армию. Охарактеризовать эти настроения можно так: вера в окончательный успех и доверие к высшим командирам и начальником русской армии были в значительной степени подорваны.

Безинициативность правительственных кругов, чехарда министров и их неумение организовать управление, решительная критика Думой существовавших форм руководства страной и армией,

¹ См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Ход войны и настроения армии и тыла в кампаниях 1914–1916 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 57–58.

активная, а зачастую популистская деятельность ее лидеров вели к росту авторитета Государственной думы в армии и на флоте.

Уже с 1915 г. министры стали жаловаться на изоляцию правительственных кругов. «Армия и население, – говорил на заседании Совета министров 9 августа 1915 г. Государственный контролер П. А. Харитонов, надеются не на вас, а на Государственную думу и Военно-промышленные комитеты»¹.

По свидетельству А. И. Деникина, борьба депутатов с правительством находила несомненное сочувствие у основной части командного состава, несмотря на открытую неприязнь Думы к ряду крупных военачальников. Само открытие 1 ноября 1916 г. думской сессии произошло по настоянию начальника штаба Верховного Главнокомандующего М. В. Алексеева. Когда возник вопрос о возобновлении занятий Думы, председателю Совета министров Б. В. Штюмеру удалось настоять на дальнейшей отсрочке, но М. В. Алексеев заявил тогда, что отсрочка вызовет большое недовольство в войсках, где «единственно на Думу возлагают надежды на улучшение организации тыла»².

Речи П. Н. Милюкова, Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенского не были разрешены к опубликованию, выступления других депутатов и даже М. В. Родзянко, появлялись с белыми пятнами. Но это только усиливало их резонанс. Корреспондент «Социал-демократа», заграничного органа большевистской партии, писал из Петербурга: «Думские речи, не допущенные в печати, вызывают огромный интерес. Они переписываются везде и всеми»³. Запрещенные речи разлетались по всей стране. Неизвестный солдат 24 Симбирского стрелкового полка писал: «До нас дошли слова родной нашей Государственной думы. Мы очень ликуем, что она вместе с нами идет рука об руку»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 325. Л. 9–10.

² Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 1967. С. 215.

³ См.: Социал-демократ. 1916. 30 декабря.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 101.

Как видно из сводки военно-цензурных отчетов штабов 7, 8, 9 и 11-й армий, штаба Юго-Западного фронта и штабов Киевского и Одесского военных округов за последнюю треть февраля 1916 г. «все военные цензоры отмечают громадный интерес, с которым армия следит за внутренними событиями. На Государственную думу возлагают много надежд». Рядовой 43-го пехотного Сестрорецкого полка писал в марте 1916 г. своим родным: «Вчера я получил письмо из Конотопа о чистке в Думе министров. Давно бы следовало подлецов поразгонять и поназначить тех, которым доверяет народ. Теперь Думу нужно поддерживать, чтобы не могли ее распустить: тогда она может сделать для народа то, что ему нужно»¹.

Передача власти в руки Временного комитета Государственной думы в февральские дни 1917 г. знаменовала собой переход от законотворческой работы депутатов к организационным действиям в сложной военно-политической обстановке по контролю над развитием событий и сохранению влияния на офицерские и солдатские массы.

27 февраля в Таврический дворец явилась депутация офицеров Петроградского гарнизона и заявила, что офицеры могут сохранить влияние на солдат при условии, если Государственная дума возглавит движение и введет его в мирное русло. Одновременно, член думского комитета октябрист С. И. Шидловский сообщил, что собравшиеся на Миллионной улице офицеры Преображенского полка передали ему по телефону, что полк отдает себя в распоряжение Думы².

В обращении к действующей армии и флоту 1 марта председатель Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко от имени комитета призвал «сохранять полное спокойствие и дисциплину и продолжать защиту своей родины»³.

Тем самым, в первые дни революции силой сложившихся обстоятельств и в результате авторитета Думы в армейской и

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 81.

² ГАРФ. Ф. 5990. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

³ См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 404.

флотской среде Таврический дворец сделался, по сути дела, центром восставших рабочих и крестьян. Они видели в Думе подобие истинного народного представительства, а в думских лидерах – борцов против самодержавного режима. Вот почему клич: «В Таврический дворец! К Думе!» – встретил широкую поддержку среди военных. Движению к Государственной думе способствовало и то, что днем, 27 февраля по городу распространились слухи, что император распустил Думу, но она не подчинилась указу Николая II и решила не расходиться. Подтверждает тот факт, что Дума представляла собой сборный пункт войск, совершивших революцию, и воспоминания английского посла в России Д. Бьюкена. По его мнению, если бы только среди членов этого органа нашелся настоящий вождь, способный воспользоваться «первым естественным движением восставших войск к Государственной думе и собрать их вокруг этого учреждения, как единственного легального конституционного учреждения в стране, то русская революция могла бы получить более счастливое продолжение. Но такой вождь не появился»¹.

Одним из первых шагов Думского комитета стала попытка подчинить себе восставшие войска и использовать их для подавления беспорядков в столице. Была создана военная комиссия в составе комитета под председательством полковника Б. А. Энгельгардта. За подписью последнего рассылались приказы об укреплении дисциплины, о приостановлении движения восставших частей из Кронштадта, Красного Села в столицу, о недопустимости обезоруживания офицеров.

Энгельгардт составил приказ войскам Петроградского гарнизона от имени Государственной думы с требованием солдатам вернуться в свои казармы, а офицерам – восстановить внутренний порядок в воинских подразделениях. Командиры частей должны были прибыть в Таврический дворец 28 февраля к первому часу дня за получением распоряжений. Приказ, подписанный М. В. Родзянко, был отдан для напечатания в типографию². В этом же духе гово-

¹ Бьюкенен Д. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 210.

² См.: Дякин В. С. Указ. соч. С. 291–293.

рили на митингах перед офицерами и солдатами М. В. Родзянко, П. Н. Миллюков, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе и другие члены нижней палаты парламента.

Однако призывы признавать власть только Государственной думы и встать под управление офицеров встретили резкое сопротивление Исполкома Петроградского Совета и имели мало успеха среди солдатской массы.

Временный комитет Думы, основная часть командного состава частей были против втягивания армии в политические события. Однако ситуация все больше складывалась таким образом, что исключить солдат от активного участия в них, изолировать от влияния близких им политических взглядов и лозунгов, было уже невозможно.

Действие Приказа № 1, изданного Исполкомом Петроградского Совета, оказало убийственное воздействие на командные круги армии и флота. Думский комитет отнесся к нему с ожесточением и негодованием. Для опровержения Приказа было написано много воззваний, новых приказов, но никакими мерами его вытравить уже не удалось. Появление Приказа № 1 превращало солдатские массы в большую политическую силу и в значительной степени усиливало недоверие и вражду к офицерскому составу Петроградского гарнизона. Вся его деятельность ставилась под общественный контроль ротных, батальонных, полковых и других комитетов, избранных самими нижними чинами.

В результате был нанесен окончательный удар по кадровому офицерскому составу и выбита почва у Государственной думы, искавшей через офицерство опоры и популярности в армейской среде.

Таким образом, условия Первой мировой войны в значительной степени изменили ход думской деятельности. Непосредственное влияние и доля участия Думы в разрешении вопросов государственной обороны, по естественным причинам, снизились. Депутатам наряду с законотворческой деятельностью пришлось включиться в решение организационных проблем по созданию и функционированию различных государственных и общественных структур и организаций, направленных на оказание помощи фронту и укрепление тыла.

Основные законодательные усилия депутатов в Думе были направлены на анализ причин недостаточной подготовленности Вооруженных сил к войне, выявление виновных в этом деле и определение путей мобилизации страны на отпор врагу; улучшение снабжения армии всем необходимым; решение вопросов комплектования армии и флота, социального обеспечения фронтовиков и их семей и т. д.

Ухудшение положения на фронте, социально-психологической обстановки в стране, борьба политических сил в Думе и вне ее и неспособность правительства справиться с возникшими проблемами привели к открытому противостоянию ветвей власти, что непосредственным образом отразилось на состоянии военной организации и привело, в конечном счете, к их развалу.

Подводя итог вышеизложенному в третьей главе, отметим, что с 1906 г., года начала думского периода в российской истории, по 1917 г., Вооруженные силы России были в центре особого внимания депутатского корпуса. При этом разрешение армейских и флотских проблем в Думе прошло ряд этапов:

Первый этап – годы работы первых двух Государственных дум (апрель 1906 – первая половина 1907 г.). Это время резких столкновений различных политических взглядов на предназначение Вооруженных сил, выполняемые ими функции и перспективы их развития. В ходе рассмотрения вопросов армии и флота парламентарии пришли к осознанию необходимости глубоких и оперативных реформ Вооруженных сил.

Второй этап – годы работы третьей и четвертой Государственных дум (вторая половина 1907 – первая половина 1914 г.). Он характеризовался проведением широких реформаторских преобразований по качественному изменению Вооруженных сил, в которых существенную роль сыграла и сама Государственная дума. Первая мировая война прервала этот процесс.

Третий этап – военный (июль 1914 – февраль – март 1917 г.). Его, на наш взгляд, можно разделить на два подэтапа:

– сотрудничество Государственной думы с правительством в разрешении армейских и флотских вопросов (июль 1914 – первая половина 1916 г.). Депутаты выступали инициаторами обсужде-

ния в стенах нижней палаты парламента острейших потребностей воюющего фронта и требовали инициативы у правительственных структур;

– открытая конфронтация Государственной думы (вторая половина 1916 – февраль – март 1917 г.) с правительственными кругами. Остро критикуя имевшиеся провалы в деятельности властей, депутаты свой гнев обратили и на руководящий состав действующей армии. Тем самым, следует признать, что, несмотря на исключительно тяжелую ситуацию на фронте и в тылу, Дума своими действиями способствовала разрушительным процессам в государственном устройстве страны. Прав оказался французский посол М. Палеолог, который видел пагубность многих мер, принятых властями России в 1915–1917 гг., отмечая свойственную россиянам иррациональность и «поиски козлов отпущения» (извечный русский вопрос «кто виноват») вместо энергичной и толковой организации дела¹.

¹ См.: *Палеолог М.* Указ. соч. С. 8–9.

Заключение

Итоги проведенного исследования, в ходе которого изучены архивные источники, официальные государственные документы и документы Государственной думы, Государственного совета, Военного и Морского министерств, материалы периодической печати, историческая, мемуарная литература, позволяют сделать ряд *общих выводов*:

1. Государственная дума, несмотря на отсутствие опыта парламентской практики и ошибки роста, межфракционную борьбу, неприязнь руководства страны, сумела занять достойное место в решении проблем военной политики России. Это произошло благодаря:

а) существенному прямому и косвенному влиянию Думы на различные стороны государственной обороны России как непосредственной работой, так и фактом самого существования;

б) конкретному участию Думы в военном строительстве через организованную парламентскую законодательную, бюджетную и налоговую деятельность.

2. Дума, в определенной степени, сумела преодолеть несовершенство российского законодательства в области прав народного представительства по отношению к решению внешнеполитических и военных вопросов.

Депутаты, создав соответствующие комиссии, несмотря на установленные правом прерогативы императора на важнейшие «силовые» направления политики, открыто занимались рассмотрением проблем обороны. Им удалось обеспечить высокое качество отработки принимаемых проектов законов по военной тематике, определить механизм их обсуждения с активным участием представителей ведомств.

3. Депутатами, вместе с тем, не было выработано единого всеобщего «пакета военных законов», где были бы отражены все стороны обеспечения государственной обороны. Вне поля зрения парламентариев оказались: значительная часть социальных проблем, в первую очередь, связанных с правовым регулированием в армии и на флоте; определение перспектив офицерской службы и

уменьшение тягот ее несения и т. д. Так и не были решены казачьи проблемы и проблемы полицейских функций армии.

На наш взгляд, определяющими здесь были следующие причины:

а) непоследовательность основной части депутатского корпуса. В первые годы думской деятельности за радикальными лозунгами были забыты конкретные армейские и флотские нужды. В последующем – шло метание то в сторону удовлетворения потребностей морского ведомства, то военно-сухопутного;

б) приверженность основного состава Государственной думы, в большинстве случаев, правительственной позиции в решении проблем обороны. Стремления депутатов наладить контакты с ведомствами нередко ставились выше собственных интересов и позиций в вопросах армии и флота. В результате, Дума не до конца была последовательной в защите своих бюджетных прав, прав в области основного законодательства.

4. Государственной думе не удалось избежать сложного и противоречивого характера взаимоотношений с высшей властью, государственными структурами в области обороны. Общей тенденцией здесь оставались недоверие и напряженность.

Положительная инициатива и конструктивная критика депутатами порядков в Военной и Морском министерствах, а в военное время – критика существовавшего обеспечения нужд фронта, часто встречала со стороны руководителей ведомств, императора и правительства враждебный ответ и расценивалась как недопустимое вмешательство в чужую область. А сама концентрация в руках самодержавия важнейших государственных вопросов уже не могла гарантировать безболезненного пути развития страны.

Несмотря на весь драматизм взаимоотношений, Думой, комиссиями был накоплен первый опыт плодотворных контактов с основными силовыми ведомствами. Нередко со стороны депутатов шло формирование позиций руководства министерств.

5. В Думе определились основные фракции, доминировавшие и в решении военных проблем и вопросов в законодательном органе власти: октябристы, правые, националисты. К думскому большинству активно примыкали представители конструктивной

оппозиции: кадеты, прогрессисты. Каждая из этих фракций имела собственные, или общие в союзе с родственными фракциями военные наработки, позиции по оборонным проблемам. Октябристы, правые, националисты в течение нескольких лет думской деятельности безраздельно активно использовали возможности всех комиссий в решении военных и морских вопросов. Кадеты и более радикальные депутаты длительное время не допускались в основную оборонную комиссию – комиссию по государственной обороне (по военным и морским делам).

В каждой фракции выделились депутаты, которые активно занимались решением оборонных проблем. Среди них – октябристы: А. И. Гучков, А. И. Звегинцов, В. В. Хвошинский; националисты: П. И. Шаховской, П. Н. Балашев; правые: Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич; кадеты: П. Н. Милуков, М. В. Челноков, А. И. Шингарев, А. Ф. Бабянский; трудовики: А. Е. Тесля, А. Ф. Керенский; социал-демократ И. П. Покровский. Часть из них вели не только непосредственную работу, связанную с предварительной проработкой проектов законов, но и активно занимались внедумской деятельностью, особенно во время войны.

С годами удалось выработать профессионализм в решении военных вопросов председателей комиссии по государственной обороне (по военным и морским делам), их товарищей, целого ряда членов комиссии, их депутатское влияние на чинов военного и морского ведомств. Все это вправе стать примером для сегодняшних парламентариев и требует особого изучения.

6. В результате исследования можно выделить положительные и негативные стороны вклада Думы в военной области.

В положительном плане:

а) в Государственной думе – законодательном представительном органе власти – впервые в современной российской истории начала XX века стали напрямую рассматриваться непростые проблемы обороны, армии и флота. Так через Думу само общество было официально подключено к их решению;

б) сделан первый существенный шаг в деле определения действительного места парламента России в разработке важнейших внешнеполитических и военных вопросов. Фактически, по целому

ряду направлений работы, комиссия по государственной обороне (по военным и морским делам) вышла за правовые (бюджетные) рамки своих полномочий, широко рассматривая и обсуждая оборонные проблемы. С Думой считались и учитывали ее позиции многие чиновники ведомств;

в) представительное решение важнейших государственных вопросов (в т. ч. оборонных) позволило повысить международный авторитет России как государства, выступающего за справедливое и мирное разрешение международных вопросов и стремящегося к необходимым и обоснованным параметрам в структуре и вооружении армии и флота;

г) образование Думы и ее деятельность позволили расширить базу социальной поддержки руководства страны в проведении внешней и военной политики. Большинство фракций, при всех имевшихся элементах оппозиционности, поддерживало основной курс правительства по укреплению международных позиций страны и создания боеспособных Вооруженных сил;

д) в лице Думы правительство и общество получили орган, в определенной степени контролирующий и убыстряющий реорганизационные процессы в оборонных областях. Думскими депутатами была сделана попытка положить конец бесконтрольному распоряжению ведомствами бюджетными средствами на военно-сухопутные и военно-морские нужды. С помощью ежегодных сметных ассигнований, дозированных средств на финансовые военные программы депутаты старались эффективно влиять на ход реформ в Вооруженных силах страны;

е) тщательное рассмотрение в Думе законопроектов позволило:

- экономить средства на маловажных, второстепенных мероприятиях ведомств;

- получить квалифицированную поддержку значительной части руководящего состава ведомств и иметь у них авторитет;

- выявить целый ряд профессионалов – экспертов по военным вопросам. Среди них: П. Н. Милюков, А. И. Гучков, А. И. Звегинцов, А. И. Шингарев и др.

В отрицательном плане:

а) работа Государственной думы явила массу примеров, нежелательных и неприемлемых для парламентариев, во взаимоотношениях между различными органами власти;

б) часть фракций не имела хорошо продуманных и обоснованных наработок, что в совокупности с политическими амбициями и пропагандистскими лозунгами мешало плодотворному рассмотрению оборонных законопроектов;

в) деятельность представительного органа сопровождалась фактами открытого нарушения внутридумской этики:

- отстранения левых фракций от работы в комиссии по государственной обороне (военным и морским делам);

- утаивания части законодательного материала от основной массы депутатского корпуса. В итоге, эти нарушения вели к обострению межфракционной борьбы;

г) Дума не раз являлась местом, где оскорблялась и поносились армия и флот, честь и достоинство русского офицера (в первую очередь – две первые Думы и канун Февральской революции).

Данное исследование позволяет извлечь определенные уроки из исторического опыта решения Государственной думой военных проблем.

Урок первый. Руководство страны, вставшее на путь глубоких изменений, в том числе, в государственном устройстве и в оборонной сфере, должно вести курс реформ неуклонно и последовательно. Это касается как законодательной области, так и повседневной практики. Любая попытка одной рукой провозглашать реформы, а другой – тормозить, ведет лишь к значительным финансовым издержкам и к обострению социального недовольства народа (в первую очередь – в экстремальных условиях).

При этом исторические условия развития России требуют сильной, авторитетной личности, стоящей во главе исполнительной власти и руководящей процессом реформирования различных сторон российской жизни, в том числе и военной. Одновременно следует учитывать и поощрять общеевропейскую тенденцию эволюции Государственной думы как эффективного парламентского противовеса единоличной власти в стране с наделением депутатов

реальными правами в решении внешнеполитических и военных вопросов. Таким образом, традиционные компоненты в российской, в том числе военной, политике не должны преобладать над основным курсом на создание гражданского общества в России.

Урок второй. История дореволюционной Государственной думы показала настоятельную необходимость широкой вовлеченности парламента в военную политику и детального парламентского контроля за военным бюджетом. Утверждая военные ассигнования по мельчайшим статьям и контролируя их расходование, Дума должна стать форумом, на котором представители Министерства обороны обязаны убедительно обосновывать свои запросы. Тем самым ограничивается практика закрытых межведомственных компромиссов, ведущая к распылению средств.

Урок третий. Успешные преобразования в военной области неизбежно должны предполагать соответствующее развитие законодательной базы. А это, в свою очередь, зависит от качественных и количественных характеристик в работе самой Государственной думы:

- избрания в законодательный орган власти депутатов, хорошо разбирающихся в проблемах обороны, армии и флота, знающих историю Вооруженных сил и ясно представляющих их перспективу;

- продуманного формирования думских комиссий с четко спланированной организацией их работы;

- выработки механизма тщательного и своевременного обсуждения законодательных проектов по оборонной тематике в стенах Думы;

- установления тесных деловых контактов думских структур с руководством Министерства обороны, его подразделениями, а также с другими министерствами и ведомствами, от которых зависит состояние обороноспособности стран;

- определения стройной системы реализации принятых законодательных актов в повседневной жизни и т. д.

Урок четвертый. Результативность думской деятельности во многом зависит от руководителей комиссий, комитетов, деятельность которых связана с военной тематикой. Выбор этих

первых лиц должен зависеть не от политических пристрастий тех или иных депутатов, а, в первую очередь, от их компетентности, глубокого знания рассматриваемых вопросов, большого желания наладить законотворческую работу, высоких моральных качеств. Немаловажное значение имеют и авторитет председателей комиссий, комитетов в армейской и флотской среде, их уровень отношений с руководителями ведомственных структур.

Урок пятый. Чтобы исключить келейность в Думе, обеспечить лучшую подготовленность законодателей при принятии решений, нужна максимальная открытость военной информации, привлечение независимых экспертов и альтернативных мнений из академических кругов и общественных организаций.

Нет никаких разумных причин, по которым информированность и активность депутатов в военной политике должна быть меньше, чем в экономических и социальных вопросах.

Урок шестой. История учит, что открытая партизация армии и флота в условиях многопартийной системы – прямой путь к развалу Вооруженных сил и Гражданской войне в стране. Поэтому не должны допускаться пропаганда и агитация любыми политическими силами в армии и на флоте (от крайних левых до правых).

Вместе с тем, невозможно обеспечить деполитизации Вооруженных сил. Армия и флот останутся инструментом реализации государственной политики. А члены Государственной думы по долгу своего труда вынуждены будут работать среди армейских и флотских кругов. Но такая деятельность должна осуществляться путем разъяснения решений представительного органа власти, позиций фракций без агитационно-пропагандистских штампов. Поэтому, было бы целесообразно разработать в законодательном плане порядок такой работы депутатов в армейских и флотских структурах.

Урок седьмой. Результативность работы Думы зависит от наличия у фракций, представленных в ней, продуманных, обоснованных в научном и финансовом отношениях военных программ.

Практика уже более чем двадцатилетней работы современной Государственной Думы (январь 1994–2017 гг.) свидетельствует о том, что часть фракций, работавших в нижней палате парламента, не имела четко выработанных ориентиров в военно-

политической области. А это стало возможным в результате того, что:

- некоторые фракционные лидеры преуменьшали роль и место Вооруженных сил в нынешнем и будущем устройствах государства, относились скептически к необходимости их укрепления;
- ряд депутатов не принимали мер к пресечению фактов огульной критики армейского и флотского руководства;
- нередко наблюдались выступления за неограниченную конверсию военного производства;
- за пропагандой общечеловеческих ценностей шло умаление национальных интересов и достоинства государства;
- выдвигались планы и всевозможные прожекты коренных изменений в Вооруженных силах без реального учета возможностей страны и т. д.

Урок восьмой. Определенная конструктивная позиция Государственной думы в вопросах государственной обороны зависит от консолидации ведущих политических фракций в основополагающих внешнеполитических и военных вопросах: войны и мира, укрепления страны на принципах оборонной достаточности, повышения социального престижа армии и флота.

И положительные примеры уже стали в последнее время реальностью нашей политической жизни. Они связаны с единством действий наших фракций в крымском вопросе 2014 г., решении проблемы борьбы с международным терроризмом, материально-техническом обновлении современной армии. В свою очередь, дробление собственных позиций фракций по основополагающим проблемам национальной безопасности, государственной обороны (как это неоднократно встречалось в 90-е гг. ушедшего века) ведет лишь к усилению внутридумской борьбы и возможности победы, в конечном счете, радикальных сил, оказавших в конкретный период времени, решающее влияние на руководство страны в решении того или иного важного военного вопроса.

Урок девятый. Военно-политическая деятельность депутатского корпуса должна постоянно исходить из конкретных условий, в которых находится государство.

В настоящее время законодательная работа требует своего приведения в соответствие с изменившимися условиями духовной жизни страны, новыми нравственными ориентирами, потребностью поиска и обоснования национальной идеи общества. В условиях развернувшейся информационной войны, роста геополитических вызовов России, в том числе по периметру ее границ, парламентариям предстоит принять активное участие в формировании новой духовной парадигмы, в основу которой должны быть положены идеи патриотизма, защиты российской государственности, ее суверенитета и территориальной целостности. К этому настоятельно подталкивает рост террористической угрозы, особенно с южного направления.

Урок десятый. Схожесть, в немалой степени, внутривосточной ситуации начала XX века (резкое усиление кризисных явлений мире и в России) и нынешней обстановки (геополитическое давление НАТО, рост конфликтных ситуаций в пограничных областях, резкое обострение международной террористической опасности, непосредственно угрожающей нашим национальным интересам, антироссийская санкционная политика) требует продолжения военных преобразований в довольно сжатые сроки. Учитывая, что размах изменений в военно-политической области должен быть огромным, следует, как и в III–IV Государственных думах дореволюционного периода, поставить военный вопрос в числе основных приоритетов, рассматриваемых в законодательных органах власти. При этом важно осознавать, что проводимая военная реформа – это не только реформа строительства Вооруженных сил. На деле – это преобразование оборонного комплекса Российского государства (от качественного выполнения гособоронзаказа до подготовки молодого человека к защите своей Родины, включая выполнение норм ГТО и пр.).

Урок одиннадцатый. История думского прошлого требует законодательного закрепления правового статуса системы военно-политического руководства страны, определения места и роли всех органов законодательной и исполнительной власти в решении задач обороны и военной безопасности государства, внесения соответствующих изменений в Конституцию Россий-

ской Федерации, другие законодательные акты в области организации обороны.

Урок двенадцатый. Затянувшийся характер нынешней военной реформы российских Вооруженных сил, как и реформы армии и флота начала XX века вызван, во многом, ослабленной, в значительной степени, сырьевой экономикой государства и далеко недостаточным, в недалеком прошлом, вниманием к реформе со стороны государственных органов власти страны.

Урок тринадцатый. Опыт дореволюционной Государственной думы свидетельствует о том, что работа рыночной экономики на оборону неизбежно приводит, кроме расширения возможностей государственного и частного капиталов, к многочисленным фактам казнокрадства и разбазариванию средств, хищений и другим негативным явлениям. Поэтому государственными органами власти должны быть приняты жесткие правовые меры в борьбе против коррумпированности отдельных чиновников и различного рода нечестных лиц.

Урок четырнадцатый. Серьезную озабоченность депутатов в прошлом вызывали проблемы укомплектованности личного состава армии и флота, мотивационного уровня тех, кто должен идти в армию и на флот, непосредственной духовной связи армии и народа. Подобные проблемы остаются и сегодня. В настоящих условиях одна контрактная армии не сможет решить стоящие перед Вооруженными силами задачи. Следует продолжать реализацию принципа всеобщей воинской повинности.

История Государственной думы предлагает следующий выход из создавшегося положения:

а) отмену части имеющихся отсрочек у молодежи от призыва в армейский и флотский строй (так сделали депутаты в 1912 г. при рассмотрении Устава о воинской повинности);

б) активизацию деятельности государства и общества по обеспечению готовности граждан к добросовестному выполнению воинского долга, защите Отечества, повышению престижа военной службы, авторитета Вооруженных сил и других силовых структур.

Урок пятнадцатый. Опыт Государственной думы заставляет согласиться с тем, что решение социальных проблем не огра-

ничивается только повышением денежного содержания всех категорий военнослужащих. Депутаты должны принимать активное участие в осуществлении решительной перестройки системы социальной защиты воинов армии и флота, работников оборонной сферы государства.

Урок шестнадцатый. Драматический опыт парламентаризма начала прошлого столетия требует создать условия для мирного протекания процесса поиска нового российского пути развития, в том числе без применения военной силы в разрешении противоречий между законодательной и исполнительной властью. Этот поиск будет продолжаться через борьбу, выстраивания духовных параметров роста. Чтобы он шел бескровно, важно исходить из трех положений:

1. Вся история Российского государства зависела от прочности вертикали центральной власти. Сила этой вертикали обеспечивала рост и могущество страны, благополучие ее населения. Ослабление государственных скрежалей вызывала смутные времена. Огромные расширяющиеся просторы страны настоятельно требовали крепости центра. А ее обеспечивала всегда военная сила.

2. Следует учитывать и тот факт, что политика более подвижна, подвержена перепадам и изменениям, порой в угоду сиюминутным желаниям и устремлениям политических лидеров, чем состояние государственной обороны, боеготовность армии и флота. Последние – более стабильные явления и должны отвечать самым насущным интересам государства, не подвергаться колебаниям вслед за политикой и сменой политических лидеров.

3. В нынешнее сложное время следует беречь и укреплять наш парламент как составную часть демократизации, национального согласия и военно-политической стабильности в России. Не достигнем согласия в стенах парламента, не будет его в стране. Будет, как хорошо известно в нашей истории, диктатура или гражданская война. Пророческими являются слова депутата дореволюционной Государственной думы В. В. Шульгина: «Мало кто отдает себе отчет, издаваясь над депутатами, запускающими друг в друга чернильницами и пюпитрами, какую поистине громадную услугу эти смешные чудаки оказывают в некоторых странах своим сограж-

данам. Пока спорят, ругаются и даже дерутся в парламентах – пулеметы молчат. Как только эти отдушины замолкают или оказываются недостаточными для бурлящих паров, злоба направляется по другим каналам. Тогда граждане хватают оружие и начинают резать друг друга. А как резать – это мы, русские, испытавшие гражданскую войну, знаем...»¹. Думается, стоит эту цитату-открытие разместить на стенах палат Федерального Собрания для напоминания каждому нашему парламентарии о его ответственности за решение проблем национальной безопасности.

Исследование исторического опыта деятельности дореволюционной Государственной думы в области укрепления государственной обороны позволяет сформулировать следующие *научно-теоретические и практические рекомендации*:

Во-первых, в связи с работой современных Государственной Думы и Совета Федерации как двух палат российского парламента продолжать изучение малоизвестных сторон в истории законодательного народного представительства, сосредоточив внимание на следующих проблемах:

- армия и флот в решениях и материалах I и II Государственных дум;
- борьба фракций и групп в IV Государственной думе по оборонным проблемам;
- законодательная военно-политическая деятельность А. И. Гучкова, А. И. Звегинцова, А. И. Шингарева, А. Ф. Бабянского, Н. В. Савича.

Учитывая интерес общественности к истории политических партий и их представителей в Государственной думе, решающее значение октябристов в первом российской парламенте, целесообразно подготовить исследование на тему: «Фракция октябристов в Государственной думе. Роль, место, формы и методы деятельности».

Во-вторых, в связи с состоявшимся юбилеем – 110 годовщиной начала работы I Государственной думы (27 апреля 1906 г.), определенную научно-теоретическую и практическую ценность

¹ Цит. по: Устюжанин В. Думалось в России всегда тяжело // Комсомольская правда. 1993. 22 декабря.

представила бы подготовка справочника «История Государственной думы в лицах (1906–1917 гг.)». Здесь должна быть отражена деятельность депутатов и в военной области.

Следует вернуть народам России забытые имена государственных мужей начала XX века, показать их вклад в укрепление обороноспособности страны.

В-третьих, в развернувшихся научных дискуссиях о ходе современных военных преобразований в России, целесообразно увязать их с исторической проблематикой, разместив ряд статей о роли законодательных органов власти начала прошлого века в решении оборонных проблем (к примеру – в «Военно-историческом журнале»).

В-четвертых, представляется необходимым при составлении учебных программ и тематических планов по истории для ВУЗов Министерства Обороны Российской Федерации ввести специальную лекцию о думском периоде в истории России (1906–1917 гг.), в ходе которой особое внимание уделить военной проблематике.

В-пятых, проведенное исследование позволило определить круг проблем, которые, по мнению автора, могут стать предметом самостоятельных научных разработок. К ним относятся: военные вопросы в деятельности Совета и Комитета министров, Правительствующего Сената; военно-политическая деятельность К. П. Победоносцева и пр.

В-шестых, видится желательным, с целью популяризации военно-исторических знаний и расширения содержательного уровня университетского «Российского военного сборника», осуществить специальный выпуск сборника по проблеме «Вооруженные силы России и Государственная дума 1905–1917 гг. (в воспоминаниях ее депутатов, государственных, политических и военных деятелей)».

Изучение военной проблематики в деятельности дореволюционного российского парламента позволит углубить и расширить знания отечественной истории начала XX века, активно использовать их в функциональном поле Государственной Думы и Совета Федерации, учебном процессе военных вузов, общественно-государственной подготовке военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации.

Список источников и литературы

Документы государственных и военных органов власти, политических партий и фракций

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – СПб., 1885–1917:
 - а) т. 25. Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений (11 декабря 1905 г.);
 - б) т. 26. Манифест об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы (20 февраля 1906 г.);
 - в) т. 26. Высочайше утвержденное Учреждение Государственного совета (24 апреля 1906 г.);
 - г) т. 26. Высочайше утвержденное Учреждение Государственной думы (20 февраля 1906 г.);
 - д) т. 27. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу (3 июня 1907 г.).
2. Всеподданейший отчет председателя Государственного совета за 1906–1916 гг. – СПб.–Пг., 1906–1916 (изд. ежегодное).
3. Государственный совет. Стенографические отчеты (1906–1916 гг.). – СПб.–Пг., 1906–1916.
4. Государственная дума, созывы 1–4. Стенографические отчеты (1906–1917 гг.). – СПб.–Пг., 1906–1917.
5. Указатели к стенографическим отчетам Государственной думы, созывы 1–4. – СПб.–Пг., 1906–1916.
6. Вторая Государственная дума. Периодические обзоры ее работы. – СПб., 1907.
7. Государственная дума II созыва. Обзоры деятельности комиссий и отделов. – СПб., 1907.
8. Доклады бюджетной комиссии II Государственной думы, не рассмотренные Думой вследствие ее роспуска. – СПб., 1907.
9. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 3. Сессии 1–5. – СПб., 1908–1912.
10. Обзор деятельности Государственной думы III созыва 1907–1912 гг. Составлена Канцелярией Государственной думы. – Ч. 1–3. – СПб., 1912.

11. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов III созыва. Сессии 1–5. – СПб., 1908–1912.
12. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 4. Сессии 1–4. – СПб.–Пг., 1913–1916.
13. III Государственная дума. Материалы для оценки ее работы. – СПб., 1912.
14. Частные совещания Государственные думы. Созыв 4 (май – июль 1917 г.). – Пг., 1918.
15. *Александров, Н.* Социал-демократическая фракция в III Государственной думе. – СПб., 1910.
16. *Гучков, А. И.* Речи по вопросам государственной обороны и общей политики (1908–1912 гг.). – Пг., 1917.
17. Законодательные акты переходного времени, 1904–1908. – СПб., 1909.
18. Националисты в III Государственной думе. – СПб., 1912.
19. *Обнинский, В. П.* Новый строй. – М., 1909.
20. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства : в 7 т. – М.–Л., 1925–1927.
21. Петергофские совещания о проекте Государственной думы. – Пг., 1917.
22. Программы политических партий в России. Под ред. и со статьей И. В. Владиславлева. – Вып. 1. – М., 1917.
23. Работы первой Государственной думы. По стенографическим отчетам сост. И. Бонч-Осмоловский. – СПб., 1906.
24. *Столыпин, П. А.* Нам нужна Великая Россия. – М., 1991.
25. Третья Государственная дума. Созыв 3. Сессия 2. Отчет фракции народной свободы. – СПб., 1909.
26. Третья Государственная дума. Созыв 3. Сессия 3. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 – 5 июня 1910 г. Отчет и речи депутатов. – СПб., 1910.
27. Четвертая Государственная дума. Созыв 4. Сессия 1. Фракция народной свободы в период с 15 ноября 1912 по 25 июня 1913 г. Отчет о деятельности фракции. – СПб., 1913.
28. Четвертая Государственная дума. Созыв 4. Сессия 2. Фракция народной свободы в период с октября 1913 по 14 июля 1914 г. – СПб., 1914.
29. Четвертая Государственная дума. Фракция народной свободы. Военные сессии (26 июля 1914 – 3 сентября 1915 г.). – Пг., 1916.

30. Трудовая партия в IV Государственной думе. Обзор деятельности. – СПб., 1914.

31. Фракция Союза 17 Октября в IV Государственной думе (обзор деятельности). Сессия 1 (15 ноября 1912 – 25 июня 1913 г.). – СПб., 1914.

32. Юрский, Г. Правые в III Государственной думе. – Харьков, 1909.

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации

Фонд 115 (Союз 17 Октября)

опись 1. Д. 24, 27, 46, 74, 91, 103, 150, 154.

Фонд 522 (Трудовая партия, трудовики)

опись 1. Д. 4, 8, 9, 15, 17.

Фонд 523 (Конституционно-демократическая партия)

опись 1. Д. 30, 38, 62, 73, 116, 195, 218, 383, 426, 429.

опись 2. Д. 21, 29, 37, 45, 47.

опись 3. Д. 6, 16, 21, 22, 29, 37, 44, 50.

Фонд 555 (А. И. Гучков)

опись 1. Д. 17, 26, 58, 65–68, 76, 82, 86, 87, 91, 99–101, 104, 107, 109, 110, 112, 113, 127, 511.

Фонд 579 (П. Н. Милюков)

опись 1. Д. 187, 195, 202, 210, 213, 214, 218, 386, 485, 592, 626, 646, 946, 1485, 1487.

опись 3. Д. 90, 274, 280.

Фонд 605 (М. В. Родзянко)

опись 1. Д. 31, 42, 46, 71, 89, 101, 104.

Фонд 810 (М. В. Челноков)

опись 1. Д. 104, 180, 194, 301, 409, 499.

Фонд 927 (И. Н. Ефремов)

опись 1. Д. 3, 6, 14, 16.

Фонд 932 (А. И. Звегинцов)
опись 1. Д. 93, 104, 270, 300, 484, 487.

Фонд 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих должностных лиц)

опись 1. Д. 653, 737.

Фонд 1807 (А. Ф. Керенский)
опись 1. Д. 204, 406, 482, 484.

Фонд 7506 (Центральный комитет конституционно-демократической партии)

опись 1. Д. 2.

Российский государственный исторический архив

Фонд 966 (В. Н. Коковцов)
опись 1. Д. 18, 31.

Фонд 1276 (Совет министров)
опись 1. Д. 167, 444, 888, 6971

Фонд 1278 (Государственная дума)
опись 1. Д. 85, 229, 656.
опись 2. Д. 794, 818, 828, 833, 1485, 1902, 1911, 1995, 2005, 2027, 2278, 2287, 2490, 2544, 3137, 3327–3345.

опись 3. Д. 134, 150, 154, 184.

опись 4. Д. 52, 53, 87, 93, 157, 197, 222, 256, 314, 350, 356, 407, 439, 444, 453, 466, 469, 473, 511, 514, 537, 571, 586, 596, 632, 634.

опись 5. Д. 37, 82, 85, 87, 152, 194, 199, 201, 205, 213, 216, 237, 247, 283, 292–296, 302–304, 318, 345, 422, 443–453, 801, 804, 805, 810, 868, 893, 1263, 1277, 1296.

опись 6. Д. 82, 378, 1543.

опись 7. Д. 66, 388, 459, 484, 994, 1023, 1131, 1142.

опись 8. Д. 204, 205.

Фонд 1333 (Д. Б. Нейдгарт)
опись 1. Д. 8, 10.

Российский государственный военно-исторический архив

Фонд 1 (Канцелярия Военного министерства)

опись 1. Д. 74537, 77921;

опись 2. Д. 88, 99, 102, 103, 106, 108, 110, 113, 115, 1209, 1210.

Фонд 80 (М. К. Марченко)

опись 1. Д. 1.

Фонд 89 (А. А. Поливанов)

опись 1. Д. 21, 22, 47.

Фонд 280 (А. Ф. Редигер)

опись 1. Д. 5–8.

Фонд 369 (Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства)

опись 1. Д. 1, 4, 96, 151.

Фонд 499 (Главное интендантское управление)

опись 1. Д. 2072, 2081).

Фонд 504 (Главное артиллерийское управление)

опись 1. Д. 445;

опись 2. Д. 116.

Фонд 962 (Верховная следственная комиссия)

опись 1. Д. 22, 43.

Фонд 2000 (Главное управление Генерального штаба)

опись 1. Д. 26, 82, 2982.

Фонд 2003 (Штаб Верховного Главнокомандующего)

опись 1. Д. 1486;

опись 2. Д. 5, 273.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота

Фонд 403 (Главное морское хозяйственное управление)

опись 1. Д. 1721.

Фонд 410 (Канцелярия морского министра)
опись 1. Д. 5573;
опись 3. Д. 761, 795, 921, 924, 925, 991, 1115, 1119, 1175, 1212, 1229,
1277, 1461, 1507, 1576, 1601, 1757.

Фонд 417 (Главный морской штаб)
опись 1. Д. 3784, 3814, 3860, 3909, 4033, 4123, 4241, 4319, 4320, 4386,
4423.

Фонд 418 (Морской генеральный штаб)
опись 1. Д. 483, 735, 1372, 5573.

Фонд 420 (Канцелярия морского министра)
опись 1. Д. 182.

Фонд 701 (И. К. Григорович)
Опись 1. Д. 71.

Историческая литература

1. *Аврех, А. Я.* П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991.
2. *Аврех, А. Я.* Царизм и третьеиюньская система. – М., 1966.
3. *Аврех, А. Я.* Царизм и IV Дума, 1912–1914 гг. – М., 1981.
4. *Алексеев, В. П.* Первый русский парламент. – М., 1906.
5. *Барандов, Г. В.* Столыпинская реакция. – М., 1938.
6. *Барсуков, Е. З.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М., 1937.
7. *Белавенец, П. И.* Значение флота в истории России. – СПб., 1909.
8. *Бестужев, И. В.* Борьба России по вопросам внешней политики 1906–1910 гг. – М., 1961.
9. *Ближний (псевд.).* Государственная дума и государственная оборона. Обзор деятельности Государственной думы III созыва 1908–1909 гг. по государственной обороне. – СПб., 1910.
10. *Богалей, Д. И.* Исторический день 26 июля 1914 г. (Впечатления участника и очевидца). – М., 1914.
11. *Бонч-Бруевич, М. Д.* Армейские дела и делишки: сборник статей. – Киев, 1911.
12. Борьба большевиков за армию в трех революциях. – М., 1969.

13. *Бурджалов, Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. – М., 1967.
14. *Валентинов, Н. В.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. – М., 1920. – Ч. 1.
15. *Вандалковская, М. Г.* П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: история и политика. – М., 1992.
16. *Васильев, А.* Идея парламента мира и I Государственная дума // К 10-летию I Государственной думы : сборник статей. – Пг., 1916.
17. *Васильев, Н. Г.* Транспорт России в войне 1914–1918 гг. – М., 1939.
18. *Винавер, М.* Конфликты в I Государственной думе. – СПб., 1907.
19. *Виноградов, К. Б.* Буржуазная историография Первой мировой войны. – М., 1962.
20. *Волгин, А. М.* Об армии. – СПб., 1908.
21. *Волобуев, П. В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М., 1987.
22. *Ганелин, Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. – СПб., 1991.
23. *Геруа, А.* После войны о нашей армии. – СПб., 1906.
24. *Герье, В. И.* Первая русская Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. – М., 1907.
25. *Герье, В. И.* Значение III Думы в истории России. – Ч. 1. – СПб., 1912.
26. *Городецкий, С. М.* Столыпинская реакция. – М., 1940.
27. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Энциклопедия. – М., 2008.
28. *Давидович, А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. – М., 1975.
29. *Дажина, И. М.* Несломленные (о большевиках – депутатах IV Думы – Петровском, Бадаеве, Муранове, Самойлове, Шагове). – М., 1986.
30. *Дегтярев, А. П.* Деятельность Государственного совета России в области бюджетного финансирования и комплектования армии и флота (1810–1917 гг.) : монография. – М. : ВУ, 2004.
31. *Демин, В. А.* Государственная дума России: механизм функционирования. – М., 1996.
32. Дневник члена Государственной думы В. М. Пуришкевича. – Рига, 1924.
33. *Думова, Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. – М., 1988.

34. *Емец, В. А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. – М., 1978.
35. *Ерошкин, А. В.* Что делала и что сделала III Государственная дума (ответ кадетам). – СПб., 1912.
36. *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
37. *Ефремов, П. Н.* Внешняя политика России 1907–1914 гг. – М., 1961.
38. *Ефремов, И. Н.* Образование и группировка партий в I Государственной думе. – СПб., 1907.
39. *Ефремов, И. Н.* Русские народные представители в Англии и Франции летом 1909 г. – СПб., 1911.
40. *Зайончковский, П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. – М., 1973.
41. *Залесский, В. К.* По поводу военных и морских вопросов перед выборами в III Государственную думу. – СПб., 1907.
42. Заметки о реорганизации морского ведомства. – СПб., 1908.
43. *Изгоев, А. С.* Партии во II Государственной думе. – СПб., 1907.
44. *Кин, Д.* Война и Февральская революция. – М., 1924.
45. *Каминка, А. И., Набоков, В. Д.* Вторая Государственная дума. – СПб., 1907.
46. *Лаверичев, В. Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. – М., 1988.
47. *Лашкарев, Г. А.* К рассмотрению в Государственной думе и Государственном совете законопроекта «Об ассигновании 502 миллионов рублей на флот». – СПб., 1912.
48. *Ленин, В. И.* Дума и утверждение бюджета // Полн. собр. соч. – Т. 15. – С. 163–167.
49. *Липранди, А. П.* Возможен ли в России парламентаризм? – Харьков, 1910.
50. *Марков, В.* Основные задачи государственной обороны. – СПб., 1907.
51. *Мартынов, Е. И.* Царская армия в Февральском перевороте. – Л., 1927.
52. *Миллер, В. И.* К истории борьбы непролетарских партий за армию в 1917 г. // Непролетарские партии в России в годы буржуазно-демократической революции и в период назревания социалистической. Материалы конференции (май 1981 г.). – М., 1982.

53. *Миллер, В. И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 году: возникновение и начальный период деятельности. – М., 1974.
54. *Милюков, П. Н.* Год борьбы: Публицистическая хроника 1905–1906 гг. – СПб., 1907.
55. *Милюков, П. Н.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. – СПб., 1910.
56. *Милюков, П. Н.* III Государственная дума в деятельности в ней фракции Народной свободы. – СПб., 1909.
57. *Милюков, П. Н.* Тактика фракции Народной свободы во время войны. – Пг., 1916.
58. *Милюков, П. Н.* История второй русской революции. – Киев, 1919. – Т. 1. – Вып. 1.
59. *Мурзанова, М.* Дневник А. А. Бобринского // Красный архив. – 1928. – № 1 (26).
60. *Никитин, К., Степанов, И.* Деятельность II Государственной думы : сборник статей. – М., 1907. – Вып. 1.
61. *Николин, Н.* Государственное устройство России и Государственная дума. – СПб., 1906.
62. *Новицкий, В. Ф.* На пути к усовершенствованию государственной обороны. – СПб., 1909.
63. *Ознобишин, А. А.* Воспоминания члена IV Государственной думы. – Париж, 1927.
64. *Ольденбург, С. С.* Царствование императора Николая II : в 2 т. – М., 1992.
65. Ораторы России в Государственной думе (комплект из 2 книг). – М., 2004.
66. *Павлович, М. П.* Militarизм, маринизм и война 1914–1918 гг. (военные бюджеты и военные силы европейских государств накануне войны). – М., 1918.
67. Падение царского режима. Т. 6–7. – М.–Л., 1926–1927.
68. *Парский, Д. П.* Причины наших неудач в войне с Японией. Необходимые реформы в армии. – СПб., 1906.
69. *Парский, Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. – СПб., 1908.
70. Первый год жизни IV Государственной думы. – СПб., 1913.
71. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. – М., 1994.
72. *Петров, М. А.* Подготовка России к мировой войне на море. – М., 1926.

73. *Петров, В. А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии. – М. – Л., 1964.
74. Письма Брута о Морском министерстве. – СПб., 1908.
75. *Поликарпов, В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. – М., 1989.
76. *Прокопович, С. Н.* Война и народное хозяйство. – М., 1918.
77. *Радзинский, Э. С.* Господи... спаси и умири Россию. Николай II: жизнь и смерть. – М., 1993.
78. *Раковский, О. Ю.* Государственная дума и политические партии. – М., 1907.
79. Революционное движение в армии в годы первой российской революции: сборник статей. – М., 1955.
80. *Ронжин, С. А.* Железнодорожный транспорт в военное время (по опыту мировой войны). – Белград, 1929.
81. *Рунин, С.* Что должна делать Дума во время войны. Пг., 1915.
82. *Семашко, Н. А.* Социал-демократическая фракция в III Государственной думе. – СПб., 1910.
83. *Сидоров, А. Л.* Очерки по истории Октябрьской революции. Влияние империалистической войны на экономику России. Т. 1. – М.–Л., 1927.
84. *Сидоров, А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М., 1973.
85. *Соловьев, Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. – Л., 1990.
86. *Севашкевич, В. Н.* Тыл русской армии в Первой мировой войне. – Л., 1948.
87. *Смирнов, А. Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. – М., 2010.
88. *Спирин, Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. – М., 1977.
89. *Старцев, В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. – Л., 1977.
90. *Суханов, Н.* Наши левые группы и война. – Пг., 1915.
91. *Таганцев, Н. С.* Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. – Пг., 1919.
92. *Устрялов, Н.* Революция и война. – Пг., 1917.
93. *Ушаков, К. П.* Подготовка военных сообщений России к Первой мировой войне. – М.–Л., 1928.

94. *Чаадаева, О.* Армия накануне Февральской революции. – М.–Л., 1935.
95. *Черменский, Е. Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. – М., 1976.
96. *Черменский, Е. Д.* Буржуазия и царизм в первой российской революции. – М., 1970.
97. *Чистяков, П. С.* К предстоящим выборам в Государственную думу IV созыва. – СПб., 1912.
98. *Шигалин, Г.* Подготовка промышленности к войне. – М.–Л., 1929.
99. *Шаццлло, К. Ф.* Россия перед Первой мировой войной (Вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). – М., 1974
100. *Шаццлло, К. Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны (1906–1914 гг.). – М., 1968.
101. *Шаццлло, К. Ф.* Государство и монополии в военной промышленности России, конец XIX в. – 1914 г. – М., 1992.
102. *Шаров, П.* Влияние экономики на исход мировой войны 1914–1918 гг. – М.–Л., 1928.
103. *Шелохаев, В. В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.). – М., 1990.
104. *Флоринский, М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. – Л., 1988.
105. *Юртаева, Е. А.* Государственный совет России. 1906–1917. – М., 2011.
106. *Якупов, Н. М.* Армия и политические партии. – М., 1975.

Мемуарная литература, воспоминания

1. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. – М., 1993.
2. *Бадаев, А. Е.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. – М., 1930.
3. *Брусилов, А. А.* Мои воспоминания. – М., 1983.
4. *Бьюкенен, Д.* Мемуары дипломата. – М., 1991.
5. *Великий князь Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. – М., 1991.
6. *Верховский, А. И.* Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.). – Пг., 1918.
7. *Витте, С. Ю.* Воспоминания. – М., 1990.

8. *Врангель П. Н.* Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 гг.) : в 2 кн. – М., 2002.
9. *Головин, Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Ход войны и настроение армии и тыла в кампаниях 1914–1916 гг. – М., 2001.
10. *Данилов, Ю. Н.* На пути к крушению: очерки из последнего периода русской монархии. – М., 1992.
11. *Деникин, А. И.* Путь русского офицера. – М., 1991.
12. *Керенский, А. Ф.* Россия на историческом повороте. – М., 1993.
13. *Коковцов, В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 : в 2 кн. – М., 1992.
14. *Курлов, П. Г.* Гибель императорской России. – М., 1992.
15. *Маклаков, В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания в 3 книгах. – Париж, 1936.
16. *Маниковский, А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М., 1937.
17. *Милюков, П. Н.* Воспоминания. – М., 1991.
18. *Палеолог, М.* Царская Россия во время мировой войны. – М., 1991.
19. *Палеолог, М.* Царская Россия накануне революции. – М., 1991.
20. *Пирейко, А.* В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. – Л., 1926.
21. *Поливанов, А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. – М., 1924.
22. *Редигер, А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра : в 2 т. – М., 1999.
23. *Родзянко, М. В.* Крушение империи. – Л., 1929.
24. *Скворцов-Степанов, И. И.* Избранные произведения. – М., 1930. – Т. 1.
25. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. – М., 1991.
26. *Сухомлинов, В. А.* Воспоминания Сухомлинова. – М.–Л., 1926.
27. *Троцкий, Л. Д.* К истории русской революции. – М., 1990.
28. *Шляпников, А. Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. – М., 1992.
29. *Шульгин, В. В.* Дни. – Л., 1926.

Список приложений

Приложение 1

Бюджетная комиссия¹

1 сессия III созыва (65 чел.)

(Комиссия избрана на заседании 15 ноября 1907 г.;
дополнительные выборы, взамен выбывших членов,
проведены на заседаниях 29 марта и 26 апреля 1908 г.)²

1. От фракции Союза 17 Октября:

1. Александров В. Ф.	15. Лерхе Г. Г.
2. Алексеенко М. М. (председатель)	16. Лукашевич С. В.
3. Фон-Анреп В. К.	17. Львов В. Н.
4. Ботников Г. Н.	18. Марков Н. Л. (тов. председателя)
5. Герценвиц Д. И.	19. Меньшиков И. А.
6. Годнев И. В.	20. Опочинин Н. Н.
7. Голицын А. Д., князь	21. Остроградский В. А. (тов. председателя)
8. Гололобов Я. Г.	22. Савич Н. В.
9. Гучков А. И.	23. Танцов А. З.
10. Еропкин А. В. (секретарь)	24. Тищенко И. В.
11. Звегинцов А. И.	25. Уваров А. А., граф
12. Капустин М. Я.	26. Хвошинский В. В.
13. Ключев И. С.	27. Шейдеман Е. М.
14. Ковалевский Е. П.	

¹ Составлена на основании Указателя к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 3. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 13–18, 26–27, 51–311.

² Выбыли из комиссии А. А. Воейков (октябрист), И. А. Гуаданини (октябрист), Л. С. Павлов (прогрессист), А. Н. Безруков (умеренно-правый) – авт.

II. От конституционно-демократической фракции:

1. Аджемов М. С.	5. Родичев Ф. И.
2. Бабянский А. Ф.	6. Черносвитов К. К.
3. Лучицкий И. В.	7. Шингарев А. И.
4. Нисселович Л. Н.	

III. От фракции правых:

1. Березовский П. В.	6. Кривцов Я. В.
2. Бобринский А. А., граф	7. Машкевич Д. Ф., отец
3. Воейков С. В.	8. Подольский В. И., отец
4. Келеповский С. И.	9. Пуришкевич В. М.
5. Кирьянов М. И.	

IV. От фракции умеренно-правых:

1. Алексеев С. Н.	5. Иванов Д. А.
2. Гепецкий Н. Е., отец	6. Крупенский П. Н.
3. Гижицкий А. С.	7. Цытович А. Л.
4. Демянович А. К.	

V. От фракции прогрессистов и мирнообновленцев:

1. Бардыгин М. Н.	3. Попов А. Н.
2. Новиков А. И.	4. Федоров А. А.

VI. От национальной группы:

1. Ветчинин В. Г.	3. Коваленко И. М.
2. Ганжулевич В. Я., отец	4. Урусов А. П., князь.

VII. От трудовой группы:

1. Дзюбинский В. И.	2. Розанов Н. С.

VIII. От социал-демократической фракции:

1. Покровский И. П.	2. Чхеидзе Н. С.

IX. От польского коло:

1. Грабский В. Ф.	2. Жуковский В. В.

X. От польско-литовско-белорусской группы:

1. Свенцицкий Г. И.	

Бюджетная комиссия¹

**IV сессия IV созыва (67 чел.)
(комиссия избрана 16 июня 1916 г.)**

I. От фракции земцев-октябристов:

1. Алексеенко М. М. (председатель)	6. Ковалевский Е. П.
2. Антонов Н. И.	7. Милютин В. В.
3. Добровольский А. А.	8. Потулов В. А.
4. Кабанов Ф. К.	9. Савич Н. В.
5. Дмитрюков И. И.	10. Фирсов Г. А. (тов. председателя)

II. От конституционно-демократической фракции:

1. Волков Н. К.	6. Леванидов П. А.
2. Воронков М. С.	7. Милюков П. Н.
3. Васильчиков И. С., князь	8. Салазкин А. С.
4. Герценвиц Д. И.	9. Черносвитов К. К.
5. Лебедев Ю. М.	10. Шингарев А. И.

III. От фракции правых:

1. Богомолов И. И., отец	6. Станиславский А. М., отец
2. Замысловский Г. Г.	7. Цыганов Г. П.
3. Карпинский И. К., отец	8. Шетохин Н. И.
4. Левашев С. В.	9. Яромлович П. А.
5. Марков Н. Е.	

IV. От национальной фракции:

1. Алексеев С. Н.	5. Кузьмин П. П.
2. Богданов С. М.	6. Сафонов П. А.
3. Дроздовский И. Д., отец	7. Томашевич К. Ф.
4. Жилин Н. А.	8. Трегубов А. Л., отец

¹ Составлена на основании Указателя к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 4. Сессия 4. 1915–1916 гг. Пг., 1916. С. 31–32, 60–206.

V. От партии центра:

1. Гепецкий Н. Е., отец.
2. Крупенский П. Н.
3. Крупенский Н. Д.
4. Лелюхин А. Г.
5. Марков Н. Л.
6. Ратьков-Рожнов А. Г.
7. Судяненко Е. А. (секретарь).

VI. От фракции прогрессистов:

1. Гродзицкий М. И.
2. Кривоногов И. В.
3. Мансырев С. П., князь
4. Новиков А. И.
5. Ржевский В. А. (тов. председателя).
6. Титов И. В.

VII. От группы националистов-прогрессистов:

1. Арефьев М. И.
2. Годнев И. В. (секретарь)
3. Савенко А. И.
4. Шеин В. П.
5. Шмяков П. М.

VIII. От думской группы Союза 17 Октября:

1. Демченко В. Я.
2. Мухин А. И.
3. Половцов И. Ф.
4. Ключев И. С.

IX. От трудовой группы:

1. Вершинин В. М.
2. Керенский А. Ф.

X. От независимой группы:

1. Караулов М. А.
2. Саватеев А. П.

XI. От социал-демократической фракции:

1. Чхеидзе Н. С.

XII. От социал-демократической рабочей фракции:

1. Петровский Г. И.

XIII. От польского кола:

1. Гарусевич Я. С.

XIV. От мусульманской группы:

1. Джафаров М. Ю.

**Список руководителей
комиссий по государственной обороне, по военным и морским делам
с биографиями их председателей¹**

**Комиссия по государственной обороне
(избрана 15 ноября 1907 г., 37 чел.)**

1 сессия III созыва (1907–1908 гг.)

Председатель – Гучков Александр Иванович, октябрист.

Товарищи председателя:

- а) Хвошинский Владимир Васильевич, октябрист;
- б) Шаховской Петр Иванович, князь, умеренно-правый.

Секретарь – Звегинцов Александр Иванович, октябрист.

Товарищи секретаря:

- а) Савич Никанор Васильевич, октябрист;
- б) Сыртланов Али-Оскар Шах-Айдарович, мусульманская группа.

Гучков Александр Иванович (1862–1936 гг.) – предприниматель, общественный и политический деятель, действительный статский советник (1912 г.). Из купеческой семьи. В 1897–1899 гг. служил младшим офицером в охране КВЖД в Маньчжурии. В 1900 г. добровольцем участвовал на стороне буров в англо-бурской войне 1899–1902 гг. в Южной Африке. В 1903 г. ездил в Македонию во время национально-освободительного антитурецкого восстания. В русско-японской войне 1904–1905 гг. в качестве представителя общества Красного Креста находился на театре военных действий. После Мукденского сражения и отступления русских войск остался с ранеными русского госпиталя для защиты их интересов.

Активную политическую роль играл с 1905 г., когда обратился к императору с просьбой заключить мир с Японией и созвать Земский собор.

¹ Составлен на основании Указателей к стенографическим отчетам Государственной думы. Созывы 3–4. Сессии 1–5 (созыв 3). Сессии 1–4 (созыв 4). 1907–1917 гг. СПб.–Пг., 1908–1917; Справочников Государственной думы. Составлены приставской частью Думы. Вып. 1–2, 4, 6–7. СПб., 1909–1914; Советской исторической энциклопедии : в 8 т. М., 1963, 1976. Т. 4, 16.

С 1906 г. возглавил «Союз 17 октября». Основал газету «Голос Москвы» (декабрь 1905 г.). Был сторонником конституционной монархии с сильной центральной исполнительной властью. Выступал против резких радикальных изменений политического строя, считая, что они чреваты пресечением исторической эволюции страны, крушением российской государственности.

Член III Государственной думы, председатель комиссии по государственной обороне. С марта 1910 г. по март 1911 г. – председатель Думы. Поддерживал в первые годы столыпинские реформы.

В 1912 г. конфликтовал с военным министром В. А. Сухомлиновым, протестуя против введения в армии системы политической слежки за офицерами.

В начале Первой мировой войны на фронте в качестве особоуполномоченного Российского общества Красного Креста занимался организацией госпиталей. Был одним из организаторов и председателем Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917 гг.), членом Особого совещания по обороне. Участвовал в Прогрессивном блоке. В 1915 г. избран в Госсовет по торгово-промышленной курии. В качестве представителя Временного комитета Государственной думы (вместе с В. В. Шульгиным) 2 марта 1917 г. в Пскове принял отречение Николая II от власти.

После Февральской революции 1917 г. в первом составе Временного правительства – военный и морской министр (март – май 1917 г.). Участник подготовки выступления Л. Г. Корнилова. В Гражданскую войну оказывал деятельную помощь белому движению. Затем эмигрировал в Париж.

II сессия III созыва (1908–1909 гг.)

Руководители комиссии – те же, что и в I сессии III созыва.

III сессия III созыва (1909–1910 гг.)

Председатель – Шаховской Петр Иванович, князь, националист.

Товарищи председателя:

а) Савич Н. В., октябрист;

б) Хвощинский В. В., октябрист.

Секретарь – Танцов Александр Захарович, октябрист.

Товарищ секретаря – Сыртланов А.-О. Ш.-А., мусульманская группа.

Шаховской Петр Иванович (1848–1919 гг.) – из древнего княжеского рода Шаховских. Сын князя Ивана Яковлевича Шаховского (1820–1859). Отставной капитан 1-го ранга. Землевладелец Тульской губернии (600 десятин). Член III Государственной думы от Тульской губернии.

Окончил Морской кадетский корпус (1867), выпущен гердемаринном. Вскоре перешел в Гвардейский экипаж, командовал яхтою «Стрельна».

В 1890 г. вышел в отставку в чине капитана 1-го ранга. Поселился в своем имении Тульской губернии, посвятил себя ведению хозяйства и общественной деятельности. Избирался гласным Ефремовского уездного и Тульского губернского земских собраний, почетным мировым судьей по Ефремовскому уезду. Состоял членом правления Санкт-Петербургского общества портовых зерноподъемников и складов. Был выборщиком в I и II Государственные думы.

В 1907 г. был избран членом III Государственной думы от Тульской губернии. Входил во фракцию умеренно-правых, с 3 сессии – в русскую национальную фракцию. Состоял членом комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, товарищем председателя, а затем – председателем комиссии по государственной обороне, а также докладчиком этих комиссий.

IV сессия III созыва (1910–1911 гг.)

Руководители комиссии – те же, что и в III сессии III созыва.

V сессия III созыва (1911–1912 гг.)

Руководители комиссии – те же, что и в III–IV сессиях III созыва.

Комиссия по военным и морским делам (избрана 7 декабря 1912 г., 44 чел.)

I сессия IV созыва (1912–1913 гг.)

Председатель – Балашов Петр Николаевич, националист.

Товарищи председателя:

а) Савич Н. В., октябрист.

б) Безак Федор Николаевич, националист.

Секретарь – Беннигсен Эммануил Павлович, октябрист.

Балашов Петр Николаевич (1871 – после 1927 г.) – политический деятель, егермейстер. Из дворянского рода Балашевых. Сын члена Государства Н. П. Балашева. В 1894 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Вольноопределяющийся, с 1895 г. – офицер лейб-гвардии Гусарского полка. В 1899 г. вышел в запас в чине поручика. В 1900–1909 гг. брацлавский уездный предводитель дворянства; один из организаторов и руководителей партии умеренно-правых. После ее слияния с Всероссийским национальным союзом бессменный председатель его Главного Совета.

С 1907 г. член III и IV Государственных дум: председатель фракции умеренно-правых и русской национальной группы в III Думе, фракции националистов и фракции умеренно-правых в IV Думе. Председатель думской комиссии по военным и морским делам 1912–1915 гг.

Активно поддерживал политику П. А. Столыпина. В 1910–1911 гг. – его главный союзник в Государственной думе. Стремился преобразовать Всероссийский национальный союз во влиятельную думскую партию, обладающую конкретной программой и широкой сетью местных организаций. Оказывал союзу большую материальную помощь из личных средств.

В Первой мировой войне один из организаторов Юго-западной областной земской организации помощи больным и раненым воинам. После раскола фракции националистов (август 1915 г.) возглавил ее правую часть (т. н. балашовцев). Противник создания Прогрессивного блока, выступал за соглашения с крайними правыми. После Октябрьской революции эмигрировал, жил в Париже.

II сессия IV созыва (1913–1914 гг.)

Председатель – Балашов П. Н., националист

Товарищи председателя:

а) Савич Н. В., октябрист.

б) Потоцкий Александр Александрович, националист.

Секретарь – Беннигсен Э. П., октябрист.

III сессия IV созыва (1915 г.)

Руководители комиссии – те же, что и в I–II сессиях IV созыва.

*IV сессия IV созыва (1915 – февраль 1917 г.)
(Комиссия избрана в составе 67 чел. 20 июля 1915 г.)*

Председатель – Шингарев Андрей Иванович, кадет.

Товарищи председателя:

а) Савич Н. В., октябрист.

б) Шульгин Василий Витальевич, националист.

Секретари:

а) Беннигсен Э. П., октябрист.

б) Потоцкий А. А., националист.

Шингарев Андрей Иванович (1869 – январь 1918 г.) – политический деятель, кадет. Окончил физико-математический (1891 г.) и медицинский (1894 г.) факультеты Московского университета. С 1895 г. – земский врач. В 1899–1903 гг. заведующий земской больницей. В 1903–1907 гг. – заведующий санитарным отделением Воронежской земской управы. Одновременно в 1905–1907 гг. редактор газеты «Воронежское слово».

В 1901 г. издал книгу «Вымирающая деревня», содержащую большой фактический материал по русской деревне.

Депутат II–IV созывов Государственных дум, товарищ председателя кадетской фракции. Автор кадетской аграрной программы, один из ведущих специалистов Думы по военно-бюджетным вопросам. В 1915–1917 гг. председатель комиссии по военным и морским делам Государственной думы.

В первом составе Временного правительства (март – май 1917 г.) – министр земледелия, во втором (май – июль 1917 г.) – министр финансов и зав. продовольствием. После ухода кадетов из правительства в июле 1917 г. – лидер кадетской фракции в Петроградской городской думе, член Предпарламента. Избран в Учредительное собрание. В ноябре 1917 г. за антисоветскую деятельность как член ЦК кадетской партии арестован. Убит в Мариинской больнице г. Петрограда вместе с Ф. Ф. Кокошкиным матросами-анархистами.

**Комиссия по государственной обороне (временная)¹
I сессия III созыва (37 чел.) (комиссия избрана на заседании 15 ноября 1907 г.;
дополнительные выборы состоялись на заседаниях 7 декабря 1907 г. и 4 апреля 1908 г.)**

№ п/п	Фамилия, имя, отчество Депутата (возраст)	Избирательный округ	Образование	Род занятий вне Думы	Сословная принадлежность, чин	Принадлежность к фракции	Работа в других комиссиях	Выступления / доклад, пояснения
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Балашов Петр Николаевич (37)	Подольский	Высшее, СПб. университет	Землевладелец, уездный предводитель дворянства	Дворянин, камергер Двора, поручик запаса	Умеренно-правый	Земельная, по местному самоуправлению, личного состава	7/0
2.	Барятинский Иван Викторович, (50)	Курский	Среднее, морское училище	Землевладелец, губернский и уездный земский гласный, почетный мировой судья	Дворянин, отставной капитан-лейтенант, камергер Двора	Правый	По местному самоуправлению	7/7

¹ Составлена на основании Указателей к стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв 3. Сессии 1–5. 1907–1912 гг. СПб., 1907–1912.

² Имеются в виду доклады, пояснения, выступления по оборонным вопросам.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	Беннигсен Эммануил Павлович, граф (32)	Новгородский	Высшее, императорское училище правоведения	Гласный г. СПб., почетный мировой судья г. СПб. и уезда, землевладелец	Дворянин, камергер-юнкер Двора	Октябрь	По городским делам, по судебным реформам, о неприкосновенности личности, законодательных предположений	2/56
4.	Безак Федор Николаевич (42)	Киевский	Среднее, Паже-ский корпус	Землевладелец	Дворянин, Полковник в отставке, камергер Двора	Умеренно-правый	Распорядительная, по местному самоуправлению, о неприкосновенности личности	0/66
5.	Бобринский Владимир Алексеевич, граф (39)	Тульский	Среднее, Михайловское артучилище	Уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин	Умеренно-правый	Земельная, по запросам, библиотечная, по местному самоуправлению, бюджетная, законодательных предположений	18/10
6.	Васич Николай Васильевич (60)	Орловский	Среднее, военное Александровское училище	Уездный предводитель дворянства, председатель уездной земской управы, землевладелец	Дворянин	Октябрь	Продовольственная, по местному самоуправлению	-
7.	Волконский Сергей Сергеевич, князь (52)	Пензенский	Высшее, СПб. университет	Землевладелец	Дворянин	Октябрь	По судебным реформам, сельско-хозяйственная, по местному самоуправлению	4/0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8.	Волконский Владимир Викторович, князь (42)	Волынский	Среднее, Александровский кадетский корпус	Почетный мировой судья, землевладелец	Дворянин	Правля	Нет	-
9.	Гуданнин Иван Александрович (64)	Тамбовский	Высшее, СПб. университет	Уездный и губернский земский гласный, землевладелец	Дворянин	Октябрист	Нет	-
10.	Гучков Александр Иванович (45)	Москва	Высшее, Московский университет	Управляющий московским учетным банком, бывший член Московской городской управы	Потоиственный почетный гражданин	Октябрист	Председатель Думы, бюджетная	26/18
11.	Допельмайер Порфирий Гаврилович (43)	Витебский	Среднее, юнкерское кавалерийское училище	Бывший офицер, член губернского присутствия	Дворянин	Октябрист	Земельная, по чиншевому вопросу	0/21
12.	Звегинцов Александр Иванович (39)	Воронежский	Высшее, академия Генштаба	Гласный уездного и губернского земств, почетный мировой судья, член землеустроительной комиссии, землевладелец	Дворянин	Октябрист	Бюджетная, по старообрядческим вопросам, сельскохозяйственным, по мезайственная, по местному самоуправлению	16/56

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13.	Кадацов Иван Федосеевич (36)	Область Войска Донского	Низшее, двух- классное учи- лище	Учетчик, помощник заведующего военно- конским участком, земледелец	Казак	Умеренно- правы	Земельная	1/0
14.	Кирьянов Михаил Иванович (46)	Область Войска Донского	Высшее, СПб. университет	Член городской управ- вы	Дворянин, казак	Правы	Бюджетная, распоря- дительная, финансо- вая	9/5
15.	Круленский Павел Николаевич (43)	Бессарабский	Среднее, Нико- лаевское кава- лерийское учи- лище	Уездный предводи- тель дворянства, землевладелец	Дворянин, камергер Двора	Умеренно- правы	Бюджетная, по Нака- зу, распорядитель- ная, по запросам, по местному самоуправ- лению	25/17
16.	Лебедев Михаил Григорьевич (34)	Астраханский	Низшее, Астра- ханская город- ская ремеслен- ная школа	Станичный казначей, поверенный по обще- ственным делам, рыболовство	Казак	Окрябрист	По рыболовству	-
17.	Лихачев Александр Никифорович (51)	Саратовский	Среднее, Нико- лаевское кава- лерийское учи- лище	Уездный предводи- тель дворянства, землевладелец	Дворянин, генерал-майор в отставке	Умеренно- правы	Земельная, по рабо- чему вопросу, распо- рядительная, бюд- жетная	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
18.	Лукашевич Степан Владимирович (53)	Полтавский	Высшее, морское училище	Председатель земской управы, землевладелец	Дворянин	Октябрь	Бюджетная	0/6
19.	Марков Николай Львович (67)	Тамбовский	Высшее, институт инженеров путей сообщения	Председатель правления Общества Юго-Восточной железной дороги, землевладелец	Дворянин, действительный статский советник	Октябрь	Бюджетная, о путях сообщения, финансовая	2/12
20.	Марков Николай Евгеньевич (41)	Курский	Высшее, институт гражданских инженеров	Член губернской земской управы, землевладелец	Дворянин, коллежский советник	Правы	По Наказу, финансовая, о путях сообщения	37/1
21.	Мезенцов Сергей Николаевич (59)	Минский	Высшее, кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевская академия Генштаба	Землевладелец	Дворянин	Правы	-	-
22.	Неклюдов Петр Алексеевич (40)	Харьковский	Высшее, СПб. университет	Чиновник по особым поручениям Министерства финансов, губернский гласный, землевладелец	Дворянин	Октябрь	Распорядительная, по местному самоуправлению, по народному образованию, финансовая	2/0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
23.	Паскин Александр Степанович (60)	Тверской	Домашнее	Уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин	Националист	О путях сообщения	1/1
24.	Плевако Федор Никифорович (66)	Москва	Высшее, Московский университет	Присяжный поверенный, землевладелец	Действительный статский советник	Октябрист	По рыболовству, законодательных предположений, по делам православной церкви, по судебным реформам	-
25.	Потоцкий Александр Александрович (44)	Подольский	Среднее, Одесское юнкерское училище	Мировой посредник, землевладелец	Дворянин	Умеренно-правый	Земельная, по местному самоуправлению	2/22
26.	Савич Никанор Васильевич (37)	Харьковский	Высшее, СПб. университет	Уездный и губернский земский гласный, землевладелец	Дворянин	Октябрист	Земельная, бюджетная	16/102
27.	Селиванов Алексей Алексеевич (61)	Рязанский	Среднее, военное училище	Председатель уездной земской управы, землевладелец	Дворянин	Октябрист	По народному образованию, распорядительная	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
28.	Сыртланов Али-Оскар Шах-Айдарович (33)	Уфимский	Высшее, военно- юридическая академия	Присяжный пове- ренный, землева- делец	Дворянин, капи- тан запаса	Мушльманская группа	-	5/11
29.	Урусл Алексей Иванович (50)	Воронежский	Среднее, Нико- лаевское кава- лериюское учи- лище	Председатель гу- бернской земской управы, землева- делец	Дворянин	Октябрист	По местному самоуправлению	0/14
30.	Урусов Александр Петрович (56)	Тульский	Среднее, кава- лериюское учи- лище	Земская служба, земледелец	Дворянин	Националист	Личного состава	2/1
31.	Фальц-Фейк Владимир Эдуардович (31)	Таврический	Высшее, Ново- российский университет	Гласный губернского земства, почетный мировой судья, зем- леделец	Потомственный почетный гражданин	Октябрист	Продовольственная, по запросам, по рыболовству	-
32.	Федоров Александр Александрович (33)	Орловский	Высшее, импе- раторский Александров- ский лицей	Уездный предводи- тель дворянства, земледелец	Дворянин	Прогрессист	Бюджетная	6/0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
33.	Хвоцинский Владимир Васильевич (50)	Нижегородский	Высшее, академия Генштаба	Почетный мировой судья, уездный и губернский гласный, землевладелец	Дворянин	Октябрист	По запросам	2/53
34.	Шаховской Петр Иванович, князь (59)	Тульский	Среднее, морской кадетский корпус	Землевладелец	Дворянин	Националист	-	3/2
35.	Шейдеман Евгений Михайлович (60)	Поттавский	Среднее, артиллерийское училище	Предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин	Октябрист	Бюджетная, сельскохозяйственная, о неприкосновенности личности, о мерах борьбы с пожарами	1/9
36.	Шеметов Сергей Ильич (36)	Оренбургский	Низшее, двухклассное училище	Станичный атаман	Казак	Прогрессист	По рыболовству	4/6
37.	Шервашидзе Прокофий Леванович (68)	Карский, Батумский и Сухумский	Среднее, Михайловское артиллерийское училище	Землевладелец	Дворянин, отставной генерал-майор	Прогрессист	Земельная	1/0

Комиссия по военным и морским делам (постоянная)¹
 IV сессия IV созыва (67 чел.)
 (комиссия избрана 20 июля 1915 г.)

№ п/п	Фамилия, имя, отчество депутата (возраст)	Избирательный округ	Образование	Род занятий вне Думы	Сословная принадлежность, чин	Принадлежность к фракции	Работа в других комиссиях IV Думы и Особых совещаниях	Выступления/доклады, пояснения?
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Александр Александр Михайлович (46)	Екатеринбургские	Высшее, Московский университет	Присяжный поверенный	Потомственный почетный гражданин	Кадет	Личного состава, по запросам, по судебной форме, бюджетная	1/0
2.	Балашов Петр Николаевич (45)	Подольский	Высшее, СПб. Университет	Земледелец, уездный предводитель дворянства	Дворянин, камергер Двора, поручик запаса	Националист	Земельная, по местному самоуправлению	6/4

¹ Составлена на основании Указателей к стенографическим отчетам Государственной думы. созыв 4, сессии 1–4, 1912–1917 гг. Пг., 1912–1917.

² Имеются в виду доклады, пояснения, выступления по оборонным вопросам.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
3.	Бардиж Кондрат Лукич (47)	Кубанское каза- чье войско	Среднее, юнкерское училище	Подъесаул, директор прав- ления Черно- морско- Кубанской же- лезной дороги	Казак	Кадет	По местному самоуправ- лению, в Особом сове- щании по обеспечению топливом	1/0
4.	Беннитсен Эммануил Павлович, граф (40)	Новгородский	Высшее, им- ператорское училище пра- воведения	Гласный г. Спб., почетный мировой судья г. СПб. и уезда, землевладелец	Дворянин, камер- гер-юнкер Двора	Земле- окабрист	По судебной реформе, о печати, по городским делам	4/38
5.	Бобринский Владимир Алексеевич, граф (47)	Тулский	Среднее, Михайловское артучилище	Уездный пред- водитель дво- рянства, земле- владелец	Дворянин	Националист- прогрессист	По народному образова- нию, по запросам, бюд- жетная	4/0
6.	Белевцов Владимир Николаевич (47)	Курский	Среднее, реальное училище	Председатель уездного управ- ления, земле- владелец	Дворянин	Правый	По исполнению госрос- писи, о печати, о судеб- ной реформе, по мест- ному самоуправлению	-
7.	Васильчиков Илларион Сергеевич, князь (34)	Ковенский	Высшее, СПб. университет	Губернский предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин, над- ворный советник	Центр	Бюджетная, по старооб- рядческим вопросам, сельскохозяйственная	0/1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
8.	Велихов Лев Александрович (40)	Петроград	Высшее, СПб. университет	Литератор, книгоиздатель	Дворянин, над- ворный советник	Кадет	О борьбе с немецким засильем, по городским делам, финансовая	-
9.	Виноградов Владимир Александр- ович (40)	Астраханский	Высшее, Мос- ковский уни- верситет	Присяжный поверенный	Нет данных	Кадет	Бюджетная, переселен- ческая, по рыболовству, о кооперативных товари- ществах, в Особом Со- вещании по обеспечению топливом	-
10.	Гарусевич Ян Семенович (51)	Ломжинский	Высшее, Варшавский университет	Врач	Дворянин, кол- лежский советник	Польское коло	По народному образова- нию, о народном здра- вии, по вероисповедным вопросам, бюджетная	2/0
11.	Герценвиц Дмитрий Иванович (40)	Полтавский	Высшее, ин- ститут инже- неров путей сообщения	Почетный ми- ровой судья, уездный глас- ный, землевла- делец	Дворянин, над- ворный советник	Земле- опокрест	Бюджетная, по исполне- нию госросписи, о путях сообщения, в Особом Совещании по перевоз- кам	0/3
12.	Григевич Сергей Иванович (51)	Полтавский	Высшее, Риж- ский политех- нический институт	Уездный пред- водитель дво- рянства, земле- владелец	Дворянин, кол- лежский советник	Националист	Бюджетная, по запросам, о народном здравии	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
13.	Деменко Всеволод Яковлевич (40)	Киев	Высшее, институт инженеров путей сообщения	Гласный городской Думы и губернского земства, председатель уездной управы, земледелец	Дворянин, Надворный советник	Националист-прогрессист	Бюджетная, о путях сообщения, о торговле и промышленности, по местному самоуправлению, по городским делам, в Особом Советании по перевозкам	2/2
14.	Дзюбинский Владимир Иванович (55)	Тобольский	Среднее, духовная семинария, вольнослушатель Томского университета	Дом в 600 рублей	Надворный советник	Трудовик	Переселенческая, земельная, библиотечная, по исполнению госрасписи, о собраниях, о путях сообщения, бюджетная	3/0
15.	Дмитриев Михаил Петрович (38)	Херсонский	Высшее, Московский университет	Почетный мировой судья, земледелец	Дворянин, поручик запаса	Центр	По местному самоуправлению, о замене сервитутов, финансовая, продовольственная, сельскохозяйственная, по запросам	0/1
16.	Евдокимов Семен Евдокимович (52)	Псковский	Домашнее	Земледелец	Крестьянин	Националист	Земельная, законодательных предположений, о торговле и промышленности	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
17.	Замысловский Георгий Георгиевич (42)	Виленский	Высшее, СПб. университет	Землевладелец	Дворянин	Правый	Бюджетная, законодательных предположений, по судебным реформам, о борьбе с немецким засильем, в Особом Совете по обеспечению топливом	10/3
18.	Зарин Александр Дмитриевич (45)	Псковский	Среднее, СПб. мореходные классы	Землевладелец	Дворянин	Националист	По местному самоуправлению, о преобразовании полиции, личного состава, о собраниях	-
19.	Калугин Михаил Дмитриевич (33)	Петроград	Высшее	Инженер-электрик, домовладелец	Потомственный гражданин	Кадет	Законодательных предположений, распорядительная, по городским делам, в Особом Совете по обороне	-
20.	Караулов Михаил Александрович (36)	Терский	Высшее, СПб. университет	Подъесаул, землевладелец, почетный старинный судья	Дворянин, казак	Независимый	По старообрядческим вопросам, бюджетная, по запросам, о борьбе с немецким засильем, по местному самоуправлению, о кооперативных товариществах	22/22

1	2	3	4	5	6	7	8	9
21.	Кильдишев Павел Андреевич, князь (69)	Тамбовский	Высшее, Александровский лицей	Почетный мировой судья, губернский и уездный гласный, землевладелец	Дворянин, действительный статский советник, камергер Двора	Националист	По местному самоуправлению, о преобразовании полиции, по запросам, о путях сообщения	0/3
22.	Киндяков Михаил Львович (37)	Саратовский	Высшее, СПб. университет	Почетный мировой судья, уездный и губернский гласный, землевладелец	Дворянин, коллежский асессор	Земц-октябрист	По местному самоуправлению, сельскохозяйственная, по судебным реформам, финансовая	0/1
23.	Коновалов Александр Иванович (39)	Костромской	Среднее, Костромская гимназия	Фабрикант, землевладелец	Потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник	Прогрессист	О торговле и промышленности, финансовая, по рабочему вопросу	1/0
24.	Лихачев Александр Никифорович (59)	Саратовский	Среднее, Николаевское кавалерийское училище	Уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин, генерал-майор в отставке	Центр	О преобразовании полиции, сельскохозяйственная	0/5
25.	Лодыженский Александр Александрович (61)	Тверской	Среднее	Землевладелец	Дворянин, действительный статский советник	Земц-октябрист	Об охоте, распорядительная	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
26.	Маньсуров Серафим Петрович, князь (49)	Рига	Высшее, Московский университет	Присяжный поверенный, землевладелец	Дворянин, статский советник	Прогрессист	Бюджетная, по старообразным вопросам, о преобразовании полиции, библиотечная, о борьбе с немецким засильем, по вероисповедным вопросам	3/2
27.	Марков Николай Львович (75)	Тамбовский	Высшее, институт инженеров путей сообщения	Председатель правления Общества Юго-Восточной железной дороги, землевладелец	Дворянин, действительный статский советник	Центр	Бюджетная, о путях сообщения, по рабочему вопросу	-
28.	Марков Николай Евгеньевич (49)	Курский	Высшее, институт гражданских инженеров	Член губернской земской управы, землевладелец	Дворянин, коллежский советник	Правый	Бюджетная, по запросам, по рабочему вопросу, в Особом Сопещании по обороне	20/6
29.	Марков Николай Гурьевич (43)	Владимирский	Высшее, Московское техническое училище	-	Дворянин	Октябрист	По рабочему вопросу, бюджетная, о собраниях, о путях сообщения, по народному образованию	0/7
30.	Масленников Александр Михайлович (57)	Саратовский	Высшее, СПб. университет	Присяжный поверенный, землевладелец	Дворянин, коллежский советник	Прогрессист	По судебным реформам, по запросам, о борьбе с немецким засильем, по исполнению государственной росписи, финансовая	1/0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
31.	Мельгунов Алексей Павлович (39)	Уфимский	Среднее, Константиновское ар- тиллерийское училище	Почетный ми- ровой судья, землевладелец	Дворянин, пору- чик артиллерии в отставке	Портрессист	Продовольственная, распорядительная, пере- селенческая, по запро- сам	2/0
32.	Милоков Павел Николаевич (56)	Петроград	Высшее, Московский университет	Магистр рус- ской истории, публицист	Дворянин	Кадет	Бюджетная, по Наказу, о печати, по вероисповед- ным вопросам, о борьбе с немецким засильем, в Особом Советании по обороне	1/0
33.	Милютин Владимир Васильевич (42)	Новгородский	Высшее, СПб. Технологиче- ский институт	Губернский и уездный глас- ный, преподава- тель Охтенского механического училища, земле- владелец	Почетный граж- данин, коллеж- ский советник	Земец-октябрист	По народному образова- нию, о путях сообщения, по рабочему вопросу, бюджетная	1/6
34.	Можайский Александр Александрович (52)	Вологодский	Среднее, морское учи- лище	Уездный пред- водитель дво- рянства, пред- седатель гу- бернской упра- вы, гласный городской Думы, почетный миро- вой судья, зем- левладелец	Дворянин	Центр	Нет	0/6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
35.	Неежмаков Семен Трофимович (52)	Екатеринбургский Екатеринбург	Среднее, морское училище, морской кадетский корпус	Председатель уездной управы, землевладелец	Дворянин, капитан 2 ранга в отставке	Националист	О торговле и промышленности, по местному самоуправлению	0/3
36.	Новицкий Петр Васильевич (48)	Херсонский	Высшее, Новороссийский университет	Уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья, землевладелец	Дворянин	Правый	Законодательных предложений, сельскохозяйственная, по судебной форме	7/0
37.	Орлов-Давыдов Алексей Анатольевич (43)	Калужский	Высшее, СПб. университет	Уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин	Прогрессист	По местному самоуправлению, о народном здравии	-
38.	Павлинов Николай Иванович (53)	Калужский	Высшее, СПб. университет	Губернский и уездный гласный, бывший инспектор народных училищ, землевладелец	Статский советник	Прогрессист	По народному образованию, по запросам, о печатании, по исполнению госросписи	-

1	2	3	4	5	6	7	8	9
39.	Пападжанов Михаил Иванович (46)	Бакинский, Елизавет- польский и Эриванский	Высшее, Новорос- сийский университет	Присяжный поверенный	Дворянин	Кадет	Земельная, продволь- ственная, законодатель- ных предположений, о замене сервитутов, об обязательном праве, по запросам	9/0
40.	Половцов Иван Федорович (47)	Витебский	Среднее, Павловское военное училище	Уездный пред- водитель дво- рянства	Дворянин, кол- лежский советник	Националист- прогрессист	По местному самоуправ- лению, о замене серви- тутов, бюджетная, фи- нансовая	2/6
41.	Потоцкий Александр Александр- ович (52)	Подольский	Среднее, Одесское юнкерское училище	Мировой по- средник, зем- левладелец	Дворянин	Националист	По Наказу, личного со- става, переселенческая	1/14
42.	Протопопов Александр Дмитриевич (48)	Сибирский	Среднее, Николаев- ское кава- лерийское училище	Уездный пред- водитель дво- рянства, гу- бернский глас- ный, землевла- делец	Дворянин, дейст- вительный стат- ский советник	Земле-октябрист	О торговле и промыш- ленности, финансовая, товарищ председателя Думы	4/11

1	2	3	4	5	6	7	8	9
43.	Пуришкевич Владимир Митрофанович (45)	Курский	Высшее, Новороссийский университет	Губернский гласный, председатель партии Русского народа, земледелец	Дворянин, действительный статский советник	Правый	О собраниях, по запросам, о печати	3/0
44.	Путкамер Лаврентий Станиславович (56)	Виленский	Высшее, институт инженеров путей сообщения	Землевладелец	Дворянин, коллежский асессор	Белорусско-литовско-польская группа	По местному самоуправлению, финансовая, о замене сервитутов, земельная	2/0
45.	Родзянко Сергей Николаевич (37)	Екатеринославский	Высшее, Александровский лицей	Уездный предводитель дворянства, уездный гласный, почетный мировой судья, земледелец	Дворянин, коллежский советник	Земщ.-октябрист	Переселенческая, по рабочему вопросу	-
46.	Саватеев Аристарх Петрович (46)	Область войска Донского	Высшее, лицей, Новочеркасское училище	Мировой судья	Дворянин, надворный советник	Независимый	Бюджетная, по местному самоуправлению, по судебным реформам	1/12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
47.	Савенко Анатолий Иванович (40)	Киевский	Высшее, Киевский университет	Публицист, гласный город- ской Думы, сотрудник «Ки- евлянина» и др. изданий	Коллежский сек- ретарь	Националист- прогрессист	Бюджетная, о печати, о путях сообщения, по го- родским делам	6/1
48.	Савич Никанор Васильевич (45)	Харьковский	Высшее, СПб. университет	Уездный и гу- бернский зем- ский гласный, землевладелец	Дворянин	Земле- окабрист	Бюджетная, в Особом Совещании по обороне	4/80
49.	Самчук Василий Иванович (35)	Болынский	Низшее, цер- ковно- приходская школа	Уездный и гу- бернский глас- ный, земледе- лец	Крестьянин	Правый	По местному самоуправ- лению, о замене серви- тутов	-
50.	Сверчков Дмитрий Николаевич (41)	Казанский	Среднее, Константи- новское ар- тиллерийское училище	Почетный ми- ровой судья, губернский гласный, зем- левладелец	Дворянин, над- ворный советник	Центр	Земельная, по судебным реформам, о печати, в Особом Совещании по обороне	0/4
51.	Степанов Василий Александро- вич (43)	Пермский	Высшее, СПб. университет и горный инсти- тут	Горный инже- нер	Дворянин	Кадет	По рабочему вопросу, бюджетная, в Особых Совещаниях по обеспе- чению топливом и по обороне	2/2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
52.	Судинко Евгений Александрович (45)	Чернинговский	Высшее, Московский университет	Уездный предводитель дворянства, земледелец, винокурный завод	Дворянин, камер-юнкер Двора	Центр	Законодательных предположений, бюджетная, об обязательственном праве, о борьбе с немецким засильем, земельная, переселенческая	0/5
53.	Тарасов Касьян Антонович (50)	Вятский	Домашнее	Земледелец	Крестьянин	Правы	Сельскохозяйственная, земельная, о борьбе с немецким засильем	2/0
54.	Тевкелев Кулгумхамед Батыргиреевич (65)	Уфимский	Среднее, Пажеский корпус	Почетный мировой судья, землевладелец	Дворянин, полковник гвардии в отставке	Мусылманская группа	По местному самоуправлению, продовольственная	3/0
55.	Тучков Николай Николаевич (45)	Ярославский	Среднее, Александровское военное училище	Уездный предводитель дворянства, земледелец	Дворянин, статский советник	Октябрист	О собраниях, по вероисповедным вопросам, по народному образованию, о народном здравии	-
56.	Хаустов Валентин Иванович (30)	Уфимский	Низшее, сельская школа	Токарь по металлу	Крестьянин	Социал-демократ	О путях сообщения, по рабочему вопросу, по делам православной церкви, финансовая	1/0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
57.	Хомяков Николай Алексеевич (65)	Смоленский	Высшее, Московский университет	Уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин, действительный статский советник	Октябрист	По вероисповедным вопросам, об охоте, по рыболовству, о преобразовании полиции, по исполнению госросписи	-
58.	Чихачев Дмитрий Николаевич (39)	Подольский	Высшее, Александровский лицей	Землевладелец	Дворянин	Националист	По местному самоуправлению, о преобразовании полиции, о народном здравии, в Особом Сообщении по обороне	3/0
59.	Чхенкели Акакий Иванович (41)	Карский, Батумский и Сухумский	Среднее, духовная семинария	Писатель-публицист	Почетный гражданин	Социал-демократ	По Наказу, по местному самоуправлению, законодательных предложений, об обязательственном праве, личного состава, по запросам, переселенческая, по городским делам, по судебным реформам	8/0

1	2	3	4	5	6	7	8	9
60.	Шаховской Константин Михайлович (46)	Псковский	Среднее, юнкерское училище	Губернский и уездный гласный, уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин	Националист	По народному образованию, сельскохозяйственная, о собраниях, о печати, законодательных предположений, по судебным реформам, о кооперативных товариществах, по рыболовству, в Особом Совещании по обеспечению топливом	3/10
61.	Щечков Георгий Алексеевич (59)	Курский	Высшее, Московский университет	Уездный и губернский гласный, почтовый мировой судья, землевладелец	Дворянин, титулярный советник	Правый	Законодательных предположений, по старообрядческим вопросам, о печати, по делам православной церкви	-
62.	Шингарев Андрей Иванович (46)	Петровский	Высшее, Московский университет	Врач, уездный гласный	Общественный деятель	Кадет	Бюджетная, по местному самоуправлению, в Особом Совещании по оброне	13/3
63.	Штейгер Сергей Эдуардович (46)	Киевский	Среднее, кавалерийское училище	Уездный предводитель дворянства, землевладелец	Дворянин, коллежский ассessor	Националист	О путях сообщения, по народному образованию	0/2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
64.	Шульгин Василий Витальевич (36)	Волынский	Высшее, университет	Земледелец	Дворянин	Националист	По Наказу, о печати, в Особом Советщании по обороне	3/0
65.	Энгельгардт Борис Александрович (38)	Могилевский	Высшее, академия Генерального штаба	Уездный и губернский гласный, земледелец	Дворянин, полковник в отставке	Центр	Бюджетная, финансовая, в Особом Советщании по обороне	6/26
66.	Янушкевич Николай Осипович (27)	Ковенский	Среднее, СПб. гимназия	Земледелец	Крестьянин	Трудовик	По местному самоуправлению, об охоте, по рабочему вопросу, о замене сервитутов, по народному образованию	5/0
67.	Ярмолович Полиен Антонович (44)	Волынский	Среднее, духовная семинария	Нет данных	Почетный гражданин, титулярный советник	Правый	Бюджетная, по местному самоуправлению, по городским делам, по судебным реформам, о народном здравии	1/0

**Должностные лица правительства, выступавшие
и дававшие разъяснения в Государственной думе**

Председатели Совета министров:

1. Горемыкин Иван Логгинович.
2. Коковцов Владимир Николаевич.
3. Столыпин Петр Аркадьевич.
4. Штюрмер Борис Владимирович.

Министры финансов:

1. Барк Петр Львович.
2. Коковцов Владимир Николаевич.

Министры путей сообщения:

1. Рухлов Сергей Васильевич.
2. Трепов Александр Федорович.
3. Шаффаузен-Шенберг-Эк-Шауфус Николай Константинович, генерал-лейтенант.

Государственные контролеры:

1. Покровский Николай Николаевич.
2. Харитонов Петр Алексеевич.
3. Шванебах Петр Христианович.

Министры иностранных дел:

1. Извольский Александр Петрович.
2. Сазонов Сергей Дмитриевич.

Военные министры:

1. Поливанов Алексей Андреевич, генерал-лейтенант.
2. Редигер Александр Федорович, генерал от инфантерии.
3. Сухомлинов Владимир Александрович, генерал от кавалерии.
4. Шуваев Дмитрий Савельевич, генерал от инфантерии.

По поручению военного министра:

Помощники военного министра:

1. Беляев Михаил Алексеевич, начальник Генерального штаба, генерал от инфантерии.
2. Вернандер Александр Петрович, инженер-генерал.

3. Поливанов Алексей Андреевич, генерал-лейтенант.

Главное управление Генерального штаба:

1. Жилинский Яков Григорьевич, генерал от кавалерии, начальник Главного управления Генерального штаба.

Главный штаб:

1. Михневич Николай Петрович, генерал от инфантерии, начальник Главного штаба.

2. Агапов, генерал-лейтенант, начальник казачьего отдела Главного штаба.

3. Беляев Михаил Алексеич, генерал-лейтенант, начальник отдела по устройству и службе войск.

4. Цейль Сергей Владимирович, генерал-майор, начальник Азиатского отдела Главного штаба.

Главное артиллерийское управление:

1. Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич, генерал-лейтенант, начальник Главного артиллерийского управления.

Главное интендантское управление:

1. Поляков Владимир Алексеич, генерал-лейтенант, начальник Главного интендантского управления.

2. Шуваев Дмитрий Савельевич, генерал от инфантерии, начальник Главного интендантского управления.

Главное инженерное управление:

1. Александров Николай Фомич, начальник управления

2. Вернандер Александр Петрович, инженер-генерал, генерал-инспектор по инженерной части.

Главное управление военно-учебных заведений:

1. Забелин Александр Федорович, генерал-лейтенант, начальник управления.

Главное военно-санитарное управление:

1. Евдокимов Александр Яковлевич, почетный лейб-медик, Главный военно-санитарный инспектор.

Главное управление казачьих войск:

1. Гарф Евгений Георгиевич, генерал-лейтенант, начальник управления.

Канцелярия Военного министерства:

1. Гарф Евгений Георгиевич, генерал-лейтенант, начальник канцелярии.

2. Данилов Николай Александрович, генерал-майор, начальник канцелярии.

3. Забелин Александр Федорович, генерал-лейтенант, начальник канцелярии.

4. Лукомский Александр Сергеевич, генерал-майор, помощник начальника канцелярии.

Главное военно-судное управление:

1. Макаренко Александр Сергеевич, генерал-лейтенант, начальник управления, Главный военный прокурор.

2. Павлов Владимир Петрович, генерал-лейтенант, Главный военный прокурор.

3. Рьльке Генрих Данилович, генерал-лейтенант, Главный военный прокурор.

Морские министры:

1. Бирилев Алексей Алексеевич, вице-адмирал.

2. Воеводский Степан Аркадьевич, вице-адмирал.

3. Григорович Иван Константинович, адмирал.

4. Диков Иван Михайлович, адмирал.

По поручению морского министра:

Помощники морского министра:

1. Бострем Иван Федорович, контр-адмирал.

2. Бубнов Михаил Владимирович, вице-адмирал.

3. Григорович Иван Константинович, вице-адмирал.

4. Муравьев Петр Петрович, вице-адмирал.

Главный морской штаб:

1. Яковлев Николай Матвеевич, контр-адмирал, начальник штаба.

2. Князев Михаил Валерианович, помощник начальника штаба.

Прочие:

1. Матвеев Николай Григорьевич, Главный военно-морской прокурор.

2. Моисеев Александр Иванович, начальник Адмиралтейского судостроительного завода.

Адреса запросов по обороне, внесенные депутатами в Государственную думу I–IV созывов и динамика их рассмотрения¹

№ п/п	Созыв, сессия	Кол-во запросов	Какому министру								Не рассмотрены Думой	Расмотрены только комиссиями	Приняты Думой	Отклонены Думой	Получены разъяснения министров				
			ВМ	ММ	МВД	МИД	МЮ	МЗ	МПС	НК						ПСМ	ГМ ²		
1.	I созыв	62 ³	16	-	15	-	-	-	-	-	-	-	4	27	3	15	44	-	21
2.	II созыв	7	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	5	1	5	1	-	1
3.	III созыв:	28	4	5	1	1	-	-	-	-	-	1	5	11	1	8	14	5	13
	а) всего																		
	б) в т. ч.:																		
	I сессия	7	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	-	1	4	2	4

¹ Составлено автором на основании стенографических отчетов Государственной думы I–IV созывов. 1906–1917. СПб.–Пг., 1906–1917 гг. и указателей к ним.

² ВМ – военный министр, ММ – морской министр, МВД – министр внутренних дел, МИД – министр иностранных дел, МЮ – министр юстиции, МЗ – министр земледелия, МПС – министр путей сообщения, НК – наместник на Кавказе, ПСМ – председатель Совета министров, ГМ – группа министров.

³ 62 – в эту цифру вошло большое количество запросов о применении войск в качестве полицейской силы.

№ п/п	Созыв, сессия	Кол-во запросов	Какому министру									Не рассмотрены Думой	Рассмотрены только комиссиями	Приняты Думой	Отклонены Думой	Получены разъяснения министров			
			ВМ	ММ	МВД	МИД	МЮ	МЗ	МПС	НК	ПСМ						ГМР		
4.	II сессия	7	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-	3	1	3	
	III сессия	5	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	-	1	2	2	
	IV сессия	4	1	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	3	2	
	V сессия	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	-	3	2	2	
	IV созыв:																		
	а) всего	54	12	-	2	-	1	1	1	1	1	1	-	-	16	8	28	2	13
	б) в т. ч.:																		
	I сессия	10	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	3	2	3
	II сессия	12	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	2	6	-	1
	III сессия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
IV сессия	32	3	-	2	-	1	1	1	1	1	1	-	-	9	4	19	-	9	
Всего за I-IV Думы	151	32	5	20	1	1	21	36	87	7	48								

**Денежное содержание русских офицеров
от подпоручика до подполковника (включительно)
в сравнении с европейскими армиями (в рублях)¹**

№ п/п	Воинское звание	Государство	Получает до сих пор	Увеличение оклада по настоящему законопроекту
1.	Подпоручик	Россия Германия Австро-Венгрия Франция Англия США	660 450 672 986 943–1375 3360–4740	840 750 ²
2.	Поручик	Россия Германия Австро-Венгрия Франция Англия США	720 643 816 1061–1137 1166–1764 3360–4740	960 1050
3.	Штабс-капитан	Россия Германия Австро-Венгрия	780 1080 960	1200 1700
4.	Капитан	Россия Германия Австро-Венгрия Франция Англия США	1260 1560 1200 1400–2000 2080–2700 3990–5590	1620–1700 2550

¹ Составлено по материалам выступления А. И. Гучкова в Государственной думе на заседании 17 декабря 1908 г. с докладом о законопроекте об увеличении содержания офицерскому составу армии (*Гучков А. И.* К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной думе III созыва. 1908–1912 гг. Пг., 1915. С. 16–24).

² *Гучков А. И.* ссылался на новый проект пересмотра окладов денежного содержания офицеров германской армии – авт.

№ п/п	Воинское звание	Государство	Получает до сих пор	Увеличение оклада по настоящему законопроекту
5.	Подполковник	Россия Германия Австро-Венгрия Франция Англия США	1740 2340 2160–2400 2774 3250–4450 7560–9000	2220–2400 3275

**Перечень обязательных вычетов,
производимых с подпоручиков N-го полка¹**

№ п/п	Наименование вычета	Сумма вычета (руб. в год)
1.	В офицерский заемный капитал	24
2.	Членский взнос в офицерское собрание	58
3.	На устройство полкового праздника	48
4.	На погашение долга лагерного собрания	45
5.	На товарищеские обеды в четверговые завтраки	73
6.	На малые и большие маневры	52
7.	На добавочные и лагерные расходы	20
8.	На ежедневные лагерные обеды, обязательные для всех	75
9.	«Служебные вычеты» – проводы, подарки	110
10.	Остальные вычеты	68
Итого		573

Всего А. И. Гучков говорил о 24 пунктах вычетов с офицера.

¹ Составлен по материалам выступления А. И. Гучкова в Государственной думе на заседании 17 декабря 1908 г. с докладом о законопроекте об увеличении содержания офицерскому составу армии (*Гучков А. И.* К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной думе III созыва. 1908–1912 гг. Пг., 1915. С. 16–24).

Основные разногласия (конфликтные ситуации) между Думой и правительством (царем, Государственным советом) в области обороны

№ п/п	Год	Созыв, сессия	Суть разногласия (конфликта)	Действия Думы, комиссий, депутатов	Действия правительства (царя, Госсовета)	Окончательное разрешение разногласия (конфликта)
1.	2 1906– 1907	3 I–II созывы	4 Привлечение армии и флота к выполнению полицейских функций и подавлению народных выступлений	5 Принято около 60 запросов министрам по соответствующим вопросам. Обличительный характер многих выступлений депутатов в адрес правительства и ведомств по поводу полицейских действий армии. Выборгское воззвание (июль 1906 г.) депутатов I Думы (кадеты и проч.) к населению с призывом не платить налоги и уклоняться от воинских наборов	6 Разъяснения министров в Думе о действиях правительства, армейского руководства и частей по усмирению народных масс, наведению порядка в армии и на флоте. Суды: над членами выборгского совещания, подписавшими воззвание и депутатами II Думы – социал-демократами по обвинению в пропаганде в армии	7 Роспуск (разгон) I и II Дум, издание нового избирательного закона в июне 1907 г.
2.	1908	III созыв, 1 сессия	Анализ поражения Вооруженных сил России в русско-японской войне и думский план реформ армии и флота	Создание самостоятельной думской комиссии по государственной обороне. Работа кружка офицеров Генштаба при данной комиссии. Выступления лидеров комиссии А. И. Гучкова и	Подписание царем ряда рескриптов по укреплению Вооруженных сил. Медлительность правительства и ведомств в отношении реформирования армии и флота в первые годы работы	Установление, со временем, плодотворных контактов руководства Думы и министерств в решении оборонных проблем. Реализация значительной

1	2	3	4	5	6	7
				А. И. Звегинцова с подробным изложением взглядов комиссии по государственной обороне о причинах неудач в русско-японской войне и плане конкретных мероприятий по восстановлению боевой мощи армии и флота. Отстаивание данного плана на последующих сессиях	Думы (1906–1908 гг.). Игнорирование ведомствыми значительной части решений и пожеланий Думы в 1907–1908 гг.	части думских пожеланий на практике
3.	1908	III созыв, 1 сессия	Оценка роли великих князей в руководстве армией и флотом	Выступление А. И. Гучкова на заседании Думы в мае 1908 г. с требованием ухода этих «безответственных лиц» с важных военных постов	Возникновения конфликтов интересов и политическое противостояние	Некоторые «их этих лиц» были удалены с крупных должностей
4.	1908– 1911	III созыв, 1–3 сессии	Ассигнования на 4 броненосца для Балтийского флота	Отказ большинства Думы в выделении средств на постройку 4 броненосцев в 1908–1911 гг. Требования депутатами коренных реформ в морском ведомстве как условия выделения средств на броненосцы	Попытки руководства правительства отстоять необходимость выделения средств на броненосцы. После неудачных попыток сделать это – проведение через Госсовет соответствующего проекта закона. Средства были выделены по ст. 13 бюджетных правил 8 марта 1906 г. и верховного управления	После частичного реформирования морского ведомства и его хозяйственного обледования Дума выдвинула в 1911 г. предложение на 4 броненосца

1	2	3	4	5	6	7
5.	1906–1914	III–IV созывы	Сроки, темпы реформирования армии и флота. Роль в них руководящего состава ведомств	Неоднократные призывы и решения Думы о необходимости ускорения процесса реформ, углубления преобразований в армии и на флоте. Требования необходимости компетентного армейского и морского руководства	Регулярные выступления руководителей ведомств о ходе преобразований в министерствах. Обращения ряда министров к императору о недопустимом вмешательстве Думы в военно-морские вопросы	К 1914 г. значительная часть преобразований в Вооруженных силах была осуществлена. Ряд министров заменены царем под влиянием критики Думы (Диков, Воеводский)
6.	1909–1910	III созыв	Рассмотрение штатов Морского Генерального штаба (далее – МГШ) и порядка применения ст. 96 Основных законов	Неоднократное одобрение проекта закона о штатах МГШ (с думским одобрением штатов) и обсуждение запроса социал-демократов весной 1910 г. о нарушении правительства ст. 96 Основных законов	Не утверждение царем законопроекта о штатах МГШ. Его рескрипт о необходимости издания правил, разграничивающих сферу компетенции верховной власти и законодательных учреждений в военных делах	Выработанные правительство и утвержденные царем 24 августа 1909 г. Правила изъяли из ведения Думы ряд ее полномочий (в т. ч. и утверждение штатов)
7.	1913	IV созыв	Введение Положения о Военно-медицинской академии (далее – ВМА)	Обсуждение в Думе запросов депутатов о незаконности введения Положения о ВМА. Осуждение большинством Думы действий руководства военного ведомства. Отказ в принятии ряда мелких проектов законов, касающихся финансирования деятельности ВМА	Попытки правительства и царя в Думе защитить правомочность действий военного ведомства. Издание Положения	Обсуждения запросов в Думе остались незавершенными. Положение было реализовано на практике

1	2	3	4	5	6	7
8.	1912–1915	IV созыв	Отсутствие коренных реформ в Главном артиллерийском управлении (далее – ГАУ)	Принятие в мае 1912 г. Думой формулы перехода о том, что деятельность ГАУ представляет «серьезную опасность для дела государственной обороны»	Неоднократные заверения В. А. Сухомлинова о том, что армия обеспечена всеми необходимыми видами вооружения. Лишь с начала 1914 г. военное ведомство приступило к реорганизации ГАУ	Нехватка вооружения в годы Первой мировой войны привела в 1915 г. к кризису. Кризис был преодолен в период руководства военным ведомством А. А. Поливановым (июнь 1915 – март 1916 г.)
9.	1915–1916	IV созыв, 3–4 сессии	О деятельности военного министра В. А. Сухомлинова и привлечении его к ответственности	Активная критика Сухомлинова в 1911–1915 гг. в стенах Думы. Требования думских кругов о привлечении Сухомлинова к суду за неподготовленность ведомства к войне	Демонстративные отказы Сухомлинова посещать Думу. Официальная поддержка царем Сухомлинова в течение длительного периода	Отставка Сухомлинова. Работа следственной комиссии по расследованию недосмотров боевого снабжения армии. Осуждение Сухомлинова в сентябре 1917 г. на 25 лет каторги как «немецкого шпиона»
10.	1915–1916	IV созыв, 3–4 сессии	Попытки создания единого эффективного военного управления в стране в годы войны и организация снабжения тыла и фронта всем необходимым	Требования депутатов Думы объединить руководство обороной страны в определенном органе. Решения парламентариев о создании ряда военных экономических органов управления и активное участие в их работе	Стремления правительства собственными силами справиться с делом управления и снабжения армии и флота. Недоверие к общественной самодельности. Вынужденные шаги Совета министров с 1915 г.	Создание Особых совещаний по обороне, военно-промышленных комитетов, земского и городского союзов

1	2	3	4	5	6	7
					навстречу оппозиции в деле привлечения широких общественных сил к снабжению фронта.	
11.	1915–1917	IV созыв, 3–4 сессии	Отношение к деятельности правительства в области управления и обороны страны	Требования грамотных и продуманных действий по мобилизации страны в помощи фронту (1914–1916 гг.). В ходе углубления правительственного кризиса – систематические призывы к уходу членов правительства в отставку и созданию кабинета доверия	Попытки отдельных членов правительства найти контакты с руководителями Думы	Министерская «чехарда», углубление противоречий между правительством, империатором и Думой. Февральская революция и арест членов правительства

**Приветствие Государственной думы геройским защитникам Родины
и декларация о ее готовности в борьбе за реформы,
намеченные большинством Думы (1916 г.)¹**

Государственная дума шлет горячий привет геройским защитникам Родины, которые уже семнадцатый месяц, несмотря на тяжелые потери и на недостаток в снабжении, уже почти миновавший, стойко задерживают врага на суше и на морях и победно готовятся к изгнанию его из пределов Родины.

Государственная дума благоговейно чтит память павших героев, в твердой уверенности, что не даром принесена их жертва и что проложенный ими путь к победе будет пройден до конца. Государственная дума свято помнит о долге народа перед семьями почивших; она не забудет и тех, кому жребий войны сохранил жизнь, но не сохранил способности к труду.

Величие жертв, громадность потерь лишь укрепляет решимость страны добиться прочной победы. Россия помнит, что в эти исторические дни решается судьба вековых государственных заданий и приходит к концу великий спор о том, будут ли основаны отношения народов на началах святости договоров и свободы национальностей, или осуществляться германские притязания на мировое преобладание. Страна верит в победу права и справедливости и с негодованием отвергает всякую мысль о преждевременном мире.

Государственная дума высоко ценит вклад союзных наций в наше общее дело, твердую стойкость и мужественный подвиг их армий и флотов.

Она приветствует их готовность теснее связать свои военные силы с нашими, точнее сообразовать нашу общую дипломатическую работу и надеется, что взаимным пополнением недостающего будет упрочена материальная основа общего сопротивления.

Веря в себя и в своих друзей, Россия готова к долгой борьбе. В ее продолжительности народ лишь черпает сознание необходимости дружнее сплотиться, лучше использовать неиссякаемые свежие средства и, сделав войну действительно всенародной, направить все свои силы на нужды обороны.

¹ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–8.

Государственная дума, в лице объединившегося своего большинства, уже указала для этого пути и способы. Движимая сознанием великий национальной опасности, она сплотилась, взаимными уступками устранила прежние разногласия и, выковав в своей среде единство, сказала правительству свое мнение. В полном единогласии с Государственной думой и страна, в лице многочисленных общественных организаций, в лице земств, городов и союзов, поддержала своих представителей.

... Власть же, принявшая на себя всю ответственность за судьбы Родины, но разрозненная в своей собственной среде, не опирающаяся на сочувствие страны и потому нерешительная и малодетельная, не проявляет способности справиться с задачами, выдвигаемыми войной...

... Сознывая свою ответственность в великую эпоху, нами переживаемую, Государственная дума снова и настоятельно напоминает, что для победы более чем когда-либо необходимы два условия: бодрое состояние народной души и стройная организация страны.

... Как величайшее и драгоценнейшее сокровище надо беречь горячее стремление к победе, неразрывно связанное в народной душе с верой в светлое будущее... В минуту грозной опасности для Родины недавние противники власти заявили о своей готовности на защиту Родины. Акт забвения старых политических преступлений в путях Высочайшего милосердия был бы ответом на этот патриотический порыв. Осуществление мер, указанных объединившимся большинством Государственной думы, внесло бы умиротворение и в дружную семью населяющих Россию племен и народов, вместе страдавших и вместе боровшихся.

Без стройного порядка невозможна длительная и упорная борьба, напрягающая до предела силы народа. Для утверждения такого порядка первее всего необходимо создание правительства из лиц, сильных доверием страны и способных работать в согласии с народным представительством. Объединившись со страной, правительство должно выработать единство действий в своей собственной среде и тесно согласовать свою деятельность с работой военных властей, причем одним из важных последствий такого согласования должно быть подчинение всей сети путей сообщения единой воле. Для устройства порядка на местах, для использования всех сил народа, необходим ряд административных и законодательных мер, уже указанных большинством Государственной думы... Необходимо всемерное поддержание земского

и городского союзов, уже доказавших, что они умеют служить делу обороны... Необходимо создание мелкой общественной ячейки, волостного земства, ибо теперь уже совершенно выяснилось, что без волостной земской единицы невозможно ни целесообразное устройство беженцев, ни призрение увечных воинов, вышедших из больниц, и приискание им труда, ни помощь и их семьям...

Для того же, чтобы страна была спокойно в отношении пути, по которому идет правительство; для того, чтобы вовремя указать ошибки, всегда могущие быть в сложной жизни величайшей из империй, и предотвратить беды, могущие последовать за этими ошибками; для того, чтобы в трудный час поддержать силу и бодрость народного духа; для того, чтобы укрепить готовность страны нести новые неизбежные тяжелые жертвы; для того, чтобы население охотно шло навстречу мерам, к которым вынуждает самая трудная из когда-либо бывших войн, — необходима длительная работа Государственной думы, не преследующей ни цели захвата власти, ни каких иных целей, кроме одной: собрать воедино все силы мощного народа, который хочет победить в своем правом деле.

**Записка-доклад М.В. Родзянко,
посланная в Ставку в конце 1916 года¹**

«... Подводя итоги выше сказанному, приходится прийти к нижеследующим основным положениям, которыми армия объясняет себе неудачи 1916 года:

1. Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, не выполняет (Ковельская операция).

2. Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте частью за неимением достаточных сведений, частью за полной хозяйственной беспомощностью военных властей (Румынская операция).

3. Высшее командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет готовить наступление.

4. В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят часто случайный характер, благодаря чему посты занимают лицами, не соответствующими занимаемому посту.

5. Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.

Это основные причины, повлекшие за собой остановку наступления генерал-адъютанта Брусилова, повлекли за собой наш разгром в Румынии. Те же причины, которые потушили величайший в истории этой войны прорыв войск в начале 1916 года, ликвидировали и наши Румынские операции. Устранение этих общих причин неудач необходимо для победы, ибо армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы, не добьемся. Сознание это проникло глубоко в ряды армии и не только в ряды офицеров, но и в ряды простых солдат, и это обстоятельство при обсуждении вопроса о дальнейшем прохождении войны нужно всегда иметь в виду.

Армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно, армия нахо-

¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Ход войны и настроения армии и тыла в кампаниях 1914–1916 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С. 57–58.

дится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируются и принимаются как лишнее доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе. В силу этого в армии появляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тех, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года как и летом 1916 года ожидать не приходится».

Научное издание

А. П. ДЕГТЯРЕВ

ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
РОССИИ

Монография

Монография публикуется в авторской редакции
Компьютерный макет подготовлен К. А. Юрасовой

Изд. № I D – 126.92/17. Подписано в печать 7.03.2018 г.
Бумага офсетная № 1. Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем – 17,75 п. л. Уч.-изд. л. – 16,65. Тираж 50 экз. Зак. 126

РИО Военного университета. 123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14. Типография
Военного университета